Моя Игра

Бобби Орр

SHOUT
SHARE
IT

- Бобби Орр
  - Предисловие
  - Вступление
  - ГЛАВА I
  - ГЛАВА II
  - Глава III
  - ГЛАВА IV
  - ГЛАВА V
  - ГЛАВА VI
  - ГЛАВА VII
  - Наиболее почетные призы, разыгрываемые в профессиональном хоккее
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8

Бобби Орр

Моя Игра

Предисловие

Скажу сразу: полезное дело для нашего хоккея сделали издатели и переводчики книги Бобби Орра, которая сейчас перед Вами, читатель. В ней много интересного, нового для любителей спорта, в ней немало ценных советов как для начинающих любителей игры, так и для опытных тренеров.

Не скрою, что я, когда ее читал, дабы написать это краткое предисловие, все время держал в руках карандаш и делал для себя пометки.

Известно, что книги и статьи по хоккею советских тренеров, игроков, журналистов часто переводятся и пользуются спросом за рубежом. А у нас и ранее выходило немало книг зарубежных авторитетов хоккея: В. Костки, Ф. Персиваля, Б. Халла, К. Драйдена и других. Очень хорошо, что процесс взаимообогащения хоккейными знаниями ныне продолжен изданием книги Б. Орра.

Бобби Орр, пожалуй, самый знаменитый из канадских хоккеистов. Стать таковым защитнику особенно трудно. Ведь публика обычно отдает свои симпатии форвардам да еще вратарям. И по себе знаю-значи-тельно реже защитникам. Вспомните, кто наряду с Оррам кумиры канадских болельщиков последних лет? Форварды Морис Ришар, его брат Анри Ришар, Горди Хоу, Бобби Халл, Стэн Микита, Фил Эспозито, Ги Лафлер, Бобби Кларк, вратари Жак Плант, Кен Драйден. Из защитников, кроме Орра, можно еще, пожалуй, назвать лишь Л. Робинсона.

Но дело в том, что Орр был не просто защитником, а, я бы сказал, универсальным хоккеистом, «звездой», которая умеет и самоотверженно защищать свои ворота, и результативно нападать.

Мог бы Орр играть в нападении? Вполне. Но он выбрал амплуа защитника, как сам пишет в этой книге, потому что, когда был мальчишкой, в нападении играли в три звена, а защитников было только две пары. Играя в обороне, Орр мог находиться на льду тридцать минут, а если бы стал форвардом, только двадцать…

Для игроков такого класса, как Орр, правда, возможны исключения. Будучи одним из четырех защитников, он все равно обычно проводил на площадке минут сорок-пятьдесят, играл всегда и в меньшинстве, и в большинстве. А был бы одним из девяти форвардов, пожалуй, тренеры держали его на льду не меньше.

Защитник Бобби Орр в свой лучший сезон забросил 37 шайб-отличный результат и для форвардов НХЛ (потом он повторил

это достижение) — и сделал 102 голевые передачи. Таким образом, он набрал 139 очков-редкость и для большинства нападающих.

Как же было зрителям не заприметить такого защитника, как же было не отдать ему свои симпатии?

На льду, в деле мне довелось видеть Орра воочию лишь однажды-в ходе розыгрыша Кубка Канады осенью 1976 года. Это был (после ряда травм) не лучший его сезон, но все равно игра Орра производила большое впечатление. Он великолепно катается на коньках. Не случайно Орр в своей книге подчеркивает, что самое важное для хоккеиста-конькобежная подготовка. Она фундамент успеха.

У него блестящая техника как в бросках, так и в передачах, отборе шайбы и других компонентах игры. Практически Орр в тех матчах, где я его видел, не сделал ни одной (!) ошибки.

Но все-таки более всего запомнилась интуиция Орра. Он исключительно тонко улавливает момент, когда можно включиться в атаку с пользой для команды!

В этом смысле у Орра было много подражателей. Однако их не раз наказывали голами за отлучку со своего места в обороне, а Орр неизменно заканчивал рейды голами или голевыми передачами.

Бобби Орр показал себя в этой книге и как тонкий знаток психологии большого сп'орта. В частности, он пишет: "Если все время оставаться серьезным и напряженным, то едва ли в мае тебе достанется что-нибудь вроде Кубка Стэнли".

Большая часть книги Б. Орра — своего рода учебное пособие. Это видно даже из названий глав: "Конькобежная подготовка", "Владение клюшкой" (автор, кстати, подчеркивает, что ему особенно понравилось у советских хоккеистов их умение обращаться с клюшкой: "Шайбу они всегда ведут так, словно она привязана к крюку, причем делают это без зрительного контроля"), «Броски», "Игра в нападении", «Защита», "Уголок тренера". Не со всеми его высказываниями можно безоговорочно согласиться. Например, автор считает, что совершенство приходит к хоккеисту только через игру. Советская школа хоккея добилась высот, совершенствуясь не только в игре, но и в тренировках, тщательно продуманных, организованных.

Однако в целом книга читается с большим интересом. Надеюсь, она принесет пользу и хоккеистам и тренерам.

Виктор Тихонов, заслуженный тренер СССР

Вступление

Первые коньки Бобби Орр получил в четыре года, их подарил ему друг отца Джин Фернье, работавший в канадской железнодорожной компании. Причем настоящие коньки, а не детские двухполозные. "Ботинки были ему так велики, — вспоминает отец Бобби Дуг Орр, — что носки приходилось набивать старыми газетами. Только через два или три года они стали ему впору. Вообще-то лет до четырнадцати Бобби покупали коньки на вырост". Четыре го да-не бог весть какой возраст, и все же Роберт Гордон Орр встал на коньки позже своих сверстников. Большинство мальчишек из городка Пэрри-Саунд провинции Онтарио бегали на коньках по замерзшей речке Секин или по заливу уже с трех лет.

Хоккей неотделим от жизни Пэрри-Саун-да, сонного городка с постоянным населением в шестьдесят пять тысяч человек, расположенного на берегу залива Георга примерно в ста пятидесяти милях севернее Торонто. Большой щит, установленный на видном месте у шоссе, ведущего в город, возвещает всему миру, что Пзрри-Саунд-"родина Бобби Орра". Зимы в Пэрри-Саунде долгие и суровые, что дает старожилам повод для шутки: "Лето здесь длится те два месяца в году, когда на Секине плохо кататься на коньках". Зимой температура падает иной раз до минус сорока, и тогда река промерзает на три-четыре фута, а толщина снежного покрова достигает шести футов. "По утрам, — вспоминает Дуг Орр, — некоторые родители расчищали от снега участок льда, чтобы после школы детишки могли покататься на этом импровизированном катке". Но снег-это еще полбеды, больше всего юным хоккеистам достается от пронизывающего северного ветра, сила которого такова, что даже деревья беспомощно никнут к земле.

Когда же Секин наконец очищается от льда и начинается клев плотвы, Пэрри-Саунд и прилегающая к нему территория превращаются в оживленное место летнего отдыха, известное под названием "Тридцать тысяч островов залива Георга". В короткий летний сезон население городка увеличивается более чем в шесть раз, и в дождливые июльские и августовские дни у входа в обе прачечные-автоматы выстраиваются длинные очереди. Местные богачи строят свои дома на Бельве-дерском холме, с которого открывается прекрасный вид на залив. Одно лето в старом отеле «Бельведер» Бобби Орр работал коридорным.

Как и большинство других небогатых семей Пэрри-Саунда, Дуг Орр, его жена Арва и пятеро их детей-Патриция, Рон, Бобби,

Пенни и Дут-младший — жили по другую сторону дороги, за неприглядной черной железнодорожной эстакадой, портящей своим видом красочный ландшафт. Когда-то семья Орров занимала половину старого двухэтажного дома на Ривер-стрит, всего лишь в пятидесяти ярдах от речки Секин, а затем переселилась в приютившийся у подножия Тауэр-Хилла девятикомнатный дом. Из окна гостиной Орров видно было железнодорожную ветку, ветхий грузовой склад и речку Секин, несущую свои чистые воды в залив.

Дуг Орр - худощавый мужчина шести футов ростом и ста восьмидесяти фунтов весом — всего на три года старше Горди Хоу. В молодые годы Дуг Орр считался одним из лучших хоккеистов Пэрри-Саунда. Вторым был его товарищ по городской команде юниоров Пит Хорэк. "Мне кажется, играл я неплохо", — говорил Дуг не без гордости. По правде говоря, он играл так хорошо, что в 1942 году, еще до того как Дугу исполнилось восемнадцать, клуб "Бостон брюинс" пытался подписать с ним контракт. "Я уж было согласился играть за "Брюинс", — рассказывает Дуг, — да узнал, что меня хотят заслать на одну из их "ферм"-клуб «Сигаллс» в Атлантик-сити, чтоб я поднабрался там опыта". Отклонив предложение бостонских профессионалов, Дуг Орр поступил на службу в Королевский канадский военно-морской флот и всю войну ходил на сторожевиках, сопровождавших караваны судов в Северную Ирландию по североатлантическому коридору. Хотя Дуг и рассчитывал после войны снова заняться хоккеем, сделать это ему, теперь уже семейному человеку, не удалось. К тому времени он женился на Арве Стал и должен был думать о постоянном заработке. "Да и возраст был уже не тот, — сокрушался Дуг. — Но я уверен, что пробился бы. Ведь Пит Хорэк восемь лет играл в Национальной хоккейной лиге, а я, поверьте, на коньках стоял не хуже Пита".

Возвратившись в Пэрри-Саунд, Дуг поступил упаковщиком в фирму по производству взрывчатых веществ "Канадиен индастриз" и все свободное время отдавал семье. В чем Дугу повезло на этой взрывоопасной работе, так это в том, что в течение многих лет он работал в ночную смену и потому днем мог наблюдать, как его сын Бобби гоняет по замерзшему Секину хоккейную шайбу. Бобби назвали так в честь его деда, до переезда в Канаду выступавшего в Ирландии за профессиональный футбольный клуб. Вскоре Дуг понял, что его сын унаследовал спортивный характер деда.

Главным событием каждого дня была длившаяся часами игра под условным названием "А ну, отними", в которой участвовали мальчишки из Пэрри-Саунда и Пэрри-Айленда — островка,

заселенного преимущественно индейцами. Вместо клюшек индейские мальчишки пользовались изогнутыми ветками деревьев. Смысл игры заключался в том, чтобы отобрать шайбу у любого другого участника и владеть ею как можно дольше. Казалось, что шайба все время находится на клюшке самого маленького из всех-русоволосого Бобби. "Я понятия не имела, что у Бобби такой талант, — признается Арва Орр, — но Дуг увидел сразу и не смущаясь говорил об этом. А по мне, что клюшка, что клюка-все равно". Дуг со смехом вспоминает те времена — начало пятидесятых годов. "Бобби, бывало, мог целый час не уходить со льда, покуда у него лицо не сведет от мороза. Тогда он на носочках коньков перейдет дорогу и пять-десять минут, а то и меньше погреется дома у печки. Мы, бывало, уговариваем: Бобби, не хватит ли на сегодня? Куда там-оглянуться не успеешь, а его уже след простыл-опять по льду носится".

Хоккейная карьера Бобби фактически началась, когда ему исполнилось пять лет и он получил законное право выступать в разряде «малюток» на первенстве Пэрри-Саунда. Бобби успешно прошел через все возрастные группы — «малюток», "малышей", «лилипутов» и "петухов", — причем часто играл сразу в двух группах. "Согласно правилам, — рассказывает Дуг, — если ты выступаешь, скажем, за сборную «малюток», то по приглашению тренера можешь одновременно играть и за сборную «малышей». Как ни странно, Бобби всегда оказывался в составе сразу двух сборных команд". Дуг Орр не может точно припомнить, когда именно он понял, что Бобби всерьез задумался о хоккейной карьере. Дугу кажется, что это произошло, когда Бобби исполнилось девять, а может, десять лет, но не позже.

К тому времени Орры перебрались в новый дом на Грейт-норт роуд. Все холодные зимние месяцы они не пользовались своей гостиной и еще одной соседней комнатой, чтобы хоть как-то снизить расходы на отопление.

К тому же и гаражом, по которому гулял ветер, они тоже не пользовались, потому что не могли купить себе автомобиль. "Да в те времена машина нам была и не нужна, — говорит Дуг. — До всего было рукой подать: жили мы в четверти мили от центра города". Вот Бобби и превратил пустующий гараж в свое собственное «стрельбище». Вот как об этом рассказывает Дут: "У Бобби было свое расписание, которого он придерживался круглый год. Зимой он надевал коньки и дотемна играл в хоккей на реке или в заливе. Его, бывало, зовешь-зовешь, а он является домой к самому ужину. Когда хоккейный сезон кончался, Бобби продолжал тренировки в гараже: минут сорок пять, а то и час отрабатывал броски. К задней стенке гаража был прибит кусок

фанеры формой и размерами точно как створ ворот-четыре фута на шесть. Но в длину гараж был около двадцати футов, поэтому Бобби распахивал настежь ворота и бросал шайбу с тротуара, а то и прямо с дороги. Должен сказать, что шайбы у него были необычные: по его просьбе я делал углубления в центре и вкладывал туда свинцовые пластинки, так что весили шайбы вдвое больше нормы. Если тротуар или дорога оказывались недостаточно гладкими, он клал кусок фанеры и бросал с нее. Сидя наверху в гостиной, мы по звуку ударов шайбы могли судить о точности бросков Бобби. Если удары были звонкими, значит, шайбы шли в сетку, а глухие говорили о том, что Бобби мазал. Признаться, вечерами нам это основательно надоедало, куда бы ни попадала шайба.

Катания на коньках и отработки бросков ему, разумеется, было мало. В летний сезон Бобби ежедневно в хорошем темпе пробегал две с половиной мили вокруг нашего холма. Он никогда не бегал днем-только в сумерках, но никогда не говорил, почему так делает. Думаю, он просто стеснялся. Часто Бобби бегал вместе со своим приятелем Нейлом Клермонтом, жившим на нашей улице. Иногда они брали с собой нашего огромного пса-Лабрадора по кличке Рекс. Беда только в том, что Рекс по дороге то и дело затевал драки. Между прочим, Бобби бегал не просто так: он обувал тяжелые рабочие башмаки. После вечерней пробежки Бобби закрывался в гараже и минут двадцать-двадцать пять занимался поднятием тяжестей. Должен сказать, что спал он после всего этого как убитый".

Несмотря на все эти физические упражнения, Бобби был ниже и худощавее всех своих сверстников в Пэрри-Саунде. В двенадцать лет его рост был всего 5 футов два дюйма, а весил он в полном хоккейном облачении только сто десять фунтов. В те дни ребят покрупнее и пожестче ставили в защиту, а хоккеисты поменьше ростом играли в нападении. "Насколько я помню, когда Бобби было лет девять или десять, часть сезона он играл крайним нападающим, — рассказывает Дуг Орр. — Но потом он навсегда перешел в линию защиты. Я так и не понял, чем это было вызвано. Быть может, ему просто там больше нравилось. Как-то я подошел к Бако Макдо-нальду-прежде он играл в НХЛ, а позже тренировал почти все сборные нашего города-и говорю, что-де не лучше ли поставить Бобби в нападение-в центр или на край. Но Бако лишь головой покачал и сказал, что Бобби-прирожденный защитник. Больше я эту тему не затрагивал". Ни у кого не оставалось сомнения, что Бобби-лучший молодой хоккеист Пэрри-Саунда. И действительно, в 1960 году Макдональд предложил двенадцатилетнему Бобби играть за сборную

«петухов», составленную в основном из четырнад-цати-пятнадцатилетних подростков.

Бобби выделялся и среди «петухов», дирижируя игрой с линии защиты, когда «петухи» Пэрри-Саунда получили право выступать в отборочных соревнованиях на первенство провинции Онтарио. Великолепно проведя все игры, команда Пэрри-Саунда вышла в финал, где должна была встретиться со сборной Ганнонока, города, стоящего у пролива Святого Лаврентия в трехстах милях от Пэрри-Саунда. Сам Бобби едва ли знал тогда, что именно с игры в Ганнноноке Национальная хоккейная лига начала внимательно следить за успехами Роберта Гордона Орра.

В то время НХЛ состояла из шести команд, и по действовавшим тогда правилам любой из этих клубов мог заполучить желторотых четырнадцатилетних парень-ков вроде Орра чуть ли не на всю их спортивную жизнь. Стоило, скажем, такому юнцу согласиться играть в любительской команде юниоров одного из клубов НХЛ, как клуб получал право перевести затем молодого хоккеиста в команду, и, чтобы обеспечить приток молодых талантов в свои «инкубаторы», все команды НХЛ с необычайным рвением охотились за двенадцати-тринадцатилетними перспективными хоккеистами. Если «разведчик» клуба НХЛ нападал на след способного двенадцатилетнего крайнего нападающего в каком-либо городке провинции Онтарио, он немедленно извещал об этом свою штаб-квартиру. Два дня спустя полдюжины важных чинов этого клуба нежданно-негаданно появлялись в данном городке, чтобы лично познакомиться с молодым талантом. Если их мнение совпадало с оценкой «разведчика», в казну организации городка, проводящей здесь любительские соревнования, переводилась определенная сумма денег. Это формально не связывало игрока с данным клубом НХЛ, но на деле «долг» мог быть оплачен, когда хоккеисту исполнялось четырнадцать лет.

И так уж вышло, что каждый из трех клубов — "Монреаль канадиенс", "Торонто мэйпл лифе" и "Детройт рэд уингз" — командировал по одному из «разведчиков» на отборочные игры «петухов», а "Бостон брюинс", в то время худшая команда лиги, остававшаяся в этом качестве еще семь последующих лет, направила на поиски молодых талантов целую группу руководителей клуба. В их число входили: ныне покойный президент клуба Вестон У. Адамс-старший, генеральный менеджер Линн Патрик, тренер Милт Шмидт и главные «разведчики»: Гарольд (Плешивый) Коттон и Рене (Птичка) Блейер. Бостонские деятели прибыли в Ганнонок с очевидной целью проверить, а быть может, и завербовать двух

четырнадцатилетних игроков из команды Ганнонока- Хиггинса и Итона. Чтобы получше разглядеть Хиггинса и Итона, из которых, быть может, удастся вырастить профессионалов, бостонцы решили рассредоточиться по трибунам скромного катка, а в перерывах собираться за чашкой кофе и обмениваться мнениями.

Блейер, Шмидт и Патрик отчетливо помнят свое первое впечатление об игре Орра в тот вечер. "Как только я увидел, как этот парнишка из Пэрри-Саунда в мешковатых трусах руководит игрой, я тотчас же забыл про Хиггинса и Итона, — говорит Блейер, который прежде руководил командой "Норт старз" из Миннесоты. — Когда мы собрались после первого периода, все пятеро говорили лишь об одном игроке — Орре". Шмидт, ставший впоследствии менеджером "Бостон брюинс", а теперь заправляющий делами в Вашингтоне, вспоминает, что трусы Бобби свисали ему ниже колен, а рукава рубашки могли, наверное, достать до самого льда. "Тем не менее он, казалось, полностью овладел инициативой на льду и напоминал мне Дуга Нарви из «Канадиенс». Тот, как и Орр, был единоличным владельцем шайбы". Нынешний первый вице-президент клуба "Сент-Луис блюз" Патрик тоже был поражен умением Орра руководить игрой. "В НХЛ не было игрока, — говорит Патрик, — который бы сравнился с Бобби в точности передачи, а ведь ему тогда было всего двенадцать. В тот вечер он аккуратно выкладывал шайбу точно на клюшку бегущему игроку. Зрелище было поразительное. Его можно было сразу включать в состав «Брюинсов», и он бы не подкачал".

В той встрече Орр, пожалуй самый маленький из всех игроков, провел на льду пятьдесят восемь минут из шестидесяти-две минуты он отсиживал на скамье для оштрафованных. Бостонские «разведчики» просто потеряли дар речи от игры Бобби Орра. Команда Пэрри-Саунда выиграла встречу со счетом 2:1. После игры руководители "Бостон брюинс" собрались здесь же, в Ганнононе, чтобы обсудить свой очередной маневр. Совещание было непродолжительным. Адаме поставил свою подпись на чеке в тысячу долларов и передал его Блейеру с поручением немедленно доставить чек в Пэрри-Саунд и вручить его местным властям для развития в городе любительского хоккея. Просто так, по доброте душевной? Как бы не так!

С 1962 года Пэрри-Саунд - столица молодых талантов.

Немудрено, что еще два года, пока Бобби не исполнилось четырнадцать лет, Пэрри-Саунд находился в центре внимания разведчиков НХЛ. Помимо того что он был «разведчиком», Блейер еще тренировал команду "Кингстон франтенакс", входившую в Восточную профессиональную хоккейную лигу. Чтобы

поддерживать с Оррами постоянный контакт, Блейер так планировал турне своих «Франтенаксов» по Онтарио, чтобы непременно оказаться в Пэрри-Саунде. Тренер монреальской команды юниоров Скотти Боумен (ныне он тренирует команду "Канадиенс") так часто появлялся в Пэрри-Саунде, что мог на законных основаниях участвовать в местных выборах. Хитроумный Боб Дэвидсон из "Торонто мэйпл лифе" выбрал интеллектуальный подход: он беседовал с директором и учителями школы, где учился Бобби, и уговаривал их убедить Орра, что лучших возможностей для учебы, чем в Торонто, нет нигде.

Орр же в течение этих двух лет выступал за разные команды Пэрри-Саунда, и всякий раз на игре с его участием трибуны так и кишели «разведчиками» НХЛ.

Наконец в 1962 году Орру исполнилось четырнадцать, и он мог подписать контракт юниора-любителя. Боумен, естественно, хотел, чтобы Орр подписал контракт с клубом «Канадиенс» и выступал за одну из его команд. Дэвидсон уговаривал Орра выступать за "Мэйпл лифе" и играть в Торонто в зале "Мэйпл лифе гарден". Детройтская "Рэд уингз" убеждала Бобби, что ему понравится жить в городе Гамильтоне и выступать за их команду, тогда как чикагская "Блэк хоукс" пыталась убедить Орра, что во всей Канаде не сыщешь лучшего города, чем Сент-Катеринс. Тем временем Блейер предлагал Орру на выбор любую из трех команд: «Ниагара-Фоллс» в Онтарио, «Флайерс» из Бостона или новую команду юниоров-любителей из Ошавы-города, расположенного в двадцати пяти милях восточнее Торонто. Но, что важнее всего, предлагая все это, Блейер пошел на один существенный компромисс.

Блейер к тому времени установил хорошие отношения с семьей Орров и пришел к правильному выводу, что Арву Орр вовсе не прельщала идея отпустить своего четырнадцатилетнего сына из Пэрри-Саунда в чужой город, в незнакомую семью. Дело в том, что если юниора-любителя приписывают к клубу, ну скажем, «Дженералс» из Ошавы, то на весь сезон-с сентября до середины июня-он переезжает в данный город и живет у кого-нибудь на квартире. Днем он ходит (во всяком случае, должен ходить) в школу, а вечером либо тренируется, либо участвует в игре. По установившейся традиции, до начала календарных игр юниоры-любители проводят пятнадцать товарищеских встреч, потом играют приблизительно шестьдесят календарных игр, а затем по окончании сезона им предстоит еще двадцать пять финальных матчей. В результате молодые хоккеисты проводят долгие дни и томительные ночи, трясясь в автобусе по всей провинции

Онтарио, а то и заезжая в Квебек. За это юниор-любитель получает в неделю не более шестидесяти долларов, большую часть которых он расходует на жилье, питание и другие нужды.

Миссис Орр-женщина весьма решительная, хотя и спокойная — ко всем своим детям относилась одинаково. Однажды какой-то репортер позвонил, ей домой и попросил передать трубку ее сыну. "Какому сыну? — холодно переспросила она. — У меня их трое". К счастью для Бостона, Блейер понял отношение Арвы к детям и предложил следующее: «Брюинс» согласен, чтобы в течение первого года Бобби ездил из Пэрри-Саунда на игры либо в Ниагара-Фоллс, либо в Ошаву. Никаких тренировок. Никаких собраний. Только игры. Если, конечно, Бобби удастся войти в основной состав той или иной команды. Услышав, что Бобби будет жить дома, миссис Орр тепло улыбнулась и кивнула одобрительно. Однако последнее слово оставалось за Бобби. "Мы с женой всегда старались приучать детей к самостоятельности, — рассказы-вал Дуг Орр. — Как родители мы указывали им на разные обстоятельства, подчеркивали хорошие и плохие стороны дела, но право принимать решение предоставляли им самим. Хотя Бобби было всего четырнадцать лет, но даже тогда он вел себя как взрослый, и всем нам было ясно, что последнее слово в этом деле принадлежит ему. В конце концов, от этого решения зависело многое, быть может, вся его карьера".

Более пяти месяцев Бобби обдумывал, как ему поступить. "Не помню, где он работал тем летом: в магазине мужской одежды Адам-са или в мясной лавке моего брата Говарда на Джеймс-стрит, — говорил Дуг. — Странно он себя вел. Все свои деньги он, бывало, тратил на одежду или на бифштексы. Он бросил работу у Говарда потому, что однажды сильно порезал палец на левой руке. Как бы то ни было, каждый день часов в пять его можно было видеть с удочкой в руках либо на лодке посреди залива, либо на берегу реки у стремнины. Мы с Недо Клермонтом часто присоединялись к нему. На рыбалке мы проводили по четыре-пять часов, не обменявшись за все время и десятком фраз. Из Бобби, бывало, слова не вытянешь-так глубоко он был погружен в свои мысли".

Бобби принял решение в конце лета. 1 сентября 1962 года на кухонном столе дома Ор-ров по Грейт-норт роуд в присутствии родителей Бобби подписал любительский контракт с клубом "Бостон брюинс". По этому документу клуб «Брюинс» обязывался выплатить семье Орров премию в две тысячи восемьсот долларов: тысячу долларов наличными, девятьсот долларов — на наружный ремонт дома, и девятьсот долларов — на подержанный автомобиль, который Орры так и не купили. Вместо этого

родители приобрели для Бобби на 900 долларов облигаций канадского займа. «Брюинс» обещал также купить Бобби новый костюм, если только он будет выступать за Ниагара-Фоллс или Ошаву. Впрочем, это обещание так обещанием и осталось.

Почему же все-таки «Брюинс»? Почему не чемпионы НХЛ «Канадиенс» или не "Мэйпл лифе", чей клуб базировался в Торонто-всего в ста пятидесяти милях, или не "Рэд уингз" или "Блэк хоукс"? "Бобби всегда любил быстро добиваться своего, — объяснял Дуг. — Он знал, что клуб «Брюинс» занимает место в нижней части таблицы и, наверное, не скоро оттуда выберется. Вот он и прикинул, что в Бостоне будет лучше всего. К тому же клуб этот пожертвовал деньги на развитие хоккея в Пэрри-Саунде. Так почему бы не подписать контракт именно с «Бостоном»? Во всяком случае, там у него было больше всего шансов попасть в НХЛ".

Через несколько дней Дуг с Арвой отвели Бобби на вокзал. "Клуб «Брюинс» организовал в Ниагаре-Фоллс тренировочный сбор для своих юниоров, — рассказывал Дуг, — и мы попросили кондуктора подсказать Бобби, где ему сходить и все прочее. По правде говоря, мы предполагали, что через пару дней Бобби вернется домой. Ведь он был всего пяти футов и пяти дюймов ростом и весил каких-нибудь сто двадцать семь фунтов. Да и лет ему было маловато. Вот мы и решили, что на него там взглянут и скажут: "Приходи-ка ты через го-дик-два, когда подрастешь". Я представить себе не мог, что его примут". Но, несмотря на эти сомнения, Бобби Орр оказался не хуже даже самых опытных восемнадцатилетних защитников. Спустя две недели у Бобби спросили, в какой из двух юниорских команд ой хотел бы играть: в Ниагаре-Фоллс или Ошаве. За первую выступали уже бывалые хоккеисты, тогда как в Ошаве Хоккейная ассоциация Онтарио создала команду недавно. "Он сразу выбрал Ошаву, — сказал Дуг. — Я обрадовался, потому что в Ошаву езды из Пэрри-Саунда на два часа меньше".

Когда Бобби позвонил и сообщил, что ему весь год придется ездить в Ошаву, родители были буквально ошеломлены. Они и предположить не могли, насколько все это окажется обременительным. "До Ошавы три часа езды на машине, — рассказывал Дуг. — Ну и, конечно, столько же обратно. Мне приходилось занимать у кого-нибудь машину или просить друзей вроде Бобба Холмса отвезти нас с Бобби в Ошаву или туда, где играла его команда «Дженералс». Часть пути Бобби обычно спал. После игры мы сразу же забирались в машину и трогались в обратный путь. Как правило, он спал до самого дома. В разгар зимы дороги были ужасными. Повсюду был лед, часто бушевали

метели. Иногда мы добирались до дому часам к трем ночи".

Арва Орр вспоминает, с каким нетерпением ее сын ждал момента, когда можно будет ехать в Ошаву. "Он, бывало, сидел на стуле и постукивал линейкой или карандашом, — рассказывает она. — Скоро это начинало действовать мне на нервы, и я просила его прекратить. Тогда он выходил из дому и шагал взад-вперед по улице. Волновался ли он? Нет, пожалуй, он был скорее возбужден, нежели взволнован. Ему хотелось побыстрее попасть на игру".

Хотя Орр был самым младшим из всех игроков Хоккейной ассоциации Онтарио, он великолепно провел первый сезон, каким-то непостижимым образом завоевав для Ошавы 21 очко. "Я не представляю, как он при его маленьком росте и при этих постоянных поездках сумел добиться такого успеха, признавался Дуг. — Но мы с Арвой про себя решили, что не следует подвергать его таким перегрузкам. К началу второго сезона ему исполнилось пятнадцать лет, он был уже достаточно самостоятельным человеком, чтобы жить вдали от дома. Если он хочет стать хоккеистом — бог свидетель, что это было именно так, — то мы должны ему помочь в этом и разрешить жить в Ошаве. Арве и дочкам было вначале нелегко, но постепенно они привыкли. Бобби, бывало, звонит домой раз в неделю, а то и чаще, и по всхлипываниям жены я всегда узнавал, что она говорит с Бобби".

Когда в расписании игр наступала пауза на несколько дней, Бобби неожиданно появлялся дома. "Хорошо, что он не предупреждал о приезде, — говорит Арва, — потому что я бы ужасно волновалась. Подумать только, ведь он добирался на попутных машинах от самой Ошавы. Иной раз его подвозили к окраине города, а оттуда ему приходилось идти пешком. Иногда же его привозили прямо к дому. Помню, как-то я поехала в другой город за покупками и остановилась у своей приятельницы. А та и говорит мне, что два дня назад ее муж подобрал Бобби на шоссе и привез домой. Но чаще всего я не знала, кто его подвозил, но, по правде говоря, так оно было и лучше".

Несмотря на то что следующие три сезона Бобби жил в Ошаве, Дуг Орр старался не пропускать ни одной его игры. Он, бывало, выезжал из Пэрри-Саунда сразу же после работы, часа в четыре, и к началу игры был на месте; затем, где-то в половине одиннадцатого, отправлялся в обратный путь и часам к двум ночи был дома. В тех случаях, когда он не мог присутствовать на игре, его место на трибуне занимала его сестра, миссис Маргарет Атертон, жившая неподалеку от Ошавы, которая и обеспечивала Бобби моральную поддержку. Но однажды она пошла еще дальше:

когда игрок команды противника Чак Келли припечатал Бобби к борту как раз у того места, где сидела тетушка, она воскликнула: "Негодяй!" — и слегка шлепнула растерявшегося Келли по лбу. А ее племянник, живой и невредимый, спокойно откатился в поле.

За свой второй сезон в Ошаве Бобби забросил 29 шайб, а за третий-34 и в конце концов в своем последнем сезоне привел команду к победе в чемпионате Онтарио. Все это время он продолжал работать с гантелями и к концу своей карьеры юниора вытянулся до пяти футов десяти дюймов и весил полных сто шестьдесят фунтов. Как чемпион Хоккейной ассоциации Онтарио 1966 года, команда «Дженералс» получала право участвовать в розыгрыше Мемориального кубка, победитель которого провозглашался лучшей командой юниоров Канады. Перед каждой кубковой встречей в газетах округа Торонто появлялись такие объявления: "Спешите видеть Бобби Орра, за которого Бостон выложит миллион!" Другие просто предупреждали: "Не упустите последний шанс посмотреть, как Бобби Орр играет за юниоров". К несчастью для Ошавы, во время финальных игр на Кубок Бобби получил травму. Он пытался продолжать игру, но «Дженералс» все-таки потерпела поражение.

Тем временем в Бостоне команда «Брюинс» страдала от боли посерьезней, чем травма в паху. Шел 1966 год, и непритязательная

"Брюинс" по своему обыкновению в седьмой раз не вошла в финал розыгрыша Кубка Стэнли. Тем не менее бостонские болельщики не очень-то тревожились за состояние своей любимой команды. Дело в том, что Уэстон Адаме и его борзописцы уже сумели убедить жителей Новой Англии, что-де стоит Бобби Орру прибыть в Бостон, и Кубок Стэнли в кармане. Поэтому после каждого поражения «Брюинсов» болельщики просто искали себе утешение в прохладе бостонских парков и мечтали о будущем.

И вот однажды главный менеджер «Брюинсов» престарелый Хэп Эмме изобразил Пришествие Бобби Орра в качестве неотдаленной перспективы. Появились слухи, будто клуб "Мэйпл лифе" из Торонто предложил «Брюинсам» полтора миллиона долларов за профессиональные права на Орра. Эмме публично высмеял "Мэйпл лифе". "Мы не отдадим Бобби Орра даже за 1,5 миллиона и всех игроков хоккейной команды Торонто в придачу! — патетически воскликнул Эмме. — Благодаря Орру Бостон станет победителем и будет им многие годы".

Теперь уместно предоставить сцену Алану Иглсону. Летом 1953 года, закончив̂второй курс Торонтского университета, Иглсон устроился на работу инструктором физического

воспитания в небольшом городке Мактайр, что в двадцати пяэи милях к югу от Пэрри-Саунда. Летом 1963 года Бобби Орр часто выступал за бейсбольную команду юниоров Мактайра, завоевавшую первое место в Онтарио. В конце сезона городские власти пригласили Алана Иглсона, теперь уже способного молодого адвоката из Торонто, приехать в их город, чтобы вручить команде-победительнице награды: призы, куртки и тому подобное. В своей речи Иглсон на примере НХЛ-единственной известной всем канадцам хоккейной лиги-рассказал о проблемах профессионального спорта. Он говорил о том, как ведутся переговоры по контракту между администрацией клубов, имеющих армию опытных адвокатов, и игроками, которые для подобных переговоров не подготовлены. Он упомянул, что НХЛ распустила ассоциацию первых игроков, переведя некоторых ее основателей (вроде Тэда Линдсея) из команды Детройта, всегда претендовавшей на Кубок Стэнли, в клуб Чикаго, который постоянно торчал на последнем месте. Он рассказал и о том, что хоккеисты зарабатывают меньше и находятся в худших условиях, чем все остальные спортсмены-профессионалы. Все, о чем поведал Иглсон, сводилось к следующему: ловкие дельцы из НХЛ наживаются на канадской молодежи, и пришла пора положить конец этому.

Дуг Орр находился в аудитории со своим сыном Бобби и, слушая Иглсона, пришел к выводу, что согласен с оратором почти по всем пунктам. А вечером на банкете он, смущаясь, спросил Иглсона, не согласится ли тот взять на себя ведение финансовых дел его сына-хоккеиста. Естественно, что Иглсон в то время не связал себя конкретным обещанием, поскольку пятнадцатилетний юноша едва ли тогда нуждался в совете профессионального адвоката. Два года спустя, когда Бобби в последний раз играл за команду Ошавы, Дуг Орр снова навестил Иглсона и убедил его приехать на один из матчей с участием Бобби. По-видимому, восхищенный способностями юноши Иглсон сразу же согласился представлять Бобби на переговорах с бостонской администрацией, которые должны были состояться тем летом.

Вероятно, Хэп Эмме не подозревал о контакте Орра с Иглсоном, когда в начале лета 1966 года связался с Дугом и Бобби и предложил восемнадцатилетнему хоккеисту двухлетний контракт с бостонской командой за сумму, которую клубы НХЛ всегда предлагали благодарным новичкам. В то время средний заработок игрока НХЛ составлял менее пятнадцати тысяч долларов в год, а среднее жалованье новичка не превышало восьми тысяч. Орры вежливо и внимательно выслушали старую лису Эммса, когда он разглагольствовал о том, какое благодеяние

оказывают «Брюинсы» Бобби, предлагая играть в Национальной хоккейной лиге. Закончив речь, Эмме полез было за контрактом, полагая, что совершенно очаровал Орров. И вот тут Дуг Орр предложил ему связаться с Аланом Иглсоном.

Контракт Орра открыл для всех хоккеистов новую эру.

Эмме был совершенно обескуражен поведением Орров и пробормотал, что ни за что и никогда не будет вести переговоры с хоккеистом о контракте через адвоката. Его непреклонная позиция напоминает ситуацию, в которой оказался ныне покойный Вине Лом-бар ди, бывший тренер и главный менеджер футбольного клуба "Гринбей пэкерс", а затем вашингтонского "Рэд скине". Дело в том, что однажды центровой игрок из «Гринбея» Джим Ринго привел на переговоры о жалованье в святая святых Ломбарда своего адвоката. "Вы не возражаете, если он побудет со мной?" — спросил он Ломбарда. "Нисколько, — ответил тот. — Только подождите минуту. Я сейчас вернусь". Ломбарда вышел из кабинета и минут через пять возвратился. "Так как насчет контракта с мистером Ринго на нынешний год?" — обратился к нему адвокат. Ломбарда ухмыльнулся и прервал его: "Если хотите обсуждать контракт мистера Ринго, обратитесь в "Филадельфия игле". Я продал им мистера Ринго пять минут назад".

Как понимали Орры и Иглсон, положение Эммса было уязвимым. Клуб «Брюинс» обещал жителям Бостона, да и всей Новой Англии, что восемнадцатилетний Бобби Орр явится спасителем их любимой каманды, так что пусть лучше подписывают контракт, а не то… И все же Иглсон не торопился возобновлять переговоры с Эммсом. Напротив, он сообщил прессе, что Орр может отказаться от предложения Бостона и подписать контракт с Канадской национальной хоккейной командой. Если до сих пор руководители клуба «Брюинс» полагали, что Орры и Иглсон хотят просто взять их измором, то слухи о возможном переходе Орра в национальную команду словно встряхнули их.

Напуганный угрозой Иглсона, Эмме поспешно возобновил переговоры — теперь уже с Оррами и Иглсоном-и был на сей раз более сговорчивым. Встреч было несколько: в доме у Орров на улице Грейт-норт роуд, в конторе у Иглсона в Торонто и даже на яхте Эммса, стоявшей на якоре в ста милях к югу от Пэрри-Саунда. Наконец согласие было достигнуто, и в два часа тридцать минут пополудни в субботу 3 сентября 1966 года Бобби Орр в кают-компании яхты Эммса подписал свой первый профессиональный контракт с клубом "Бостон брюинс".

Контракт был подписан на два года и предусматривал премиальные при подписании, ну а сумма контракта составила 70

тысяч американских долларов. По меркам НХЛ, Бобби Орр сорвал банк. В конечном же счете богатый контракт Орра и его упорное нежелание уступать давлению устаревшей системы, известной под названием НХЛ, открыл всем хоккеистам новую эру, эру процветания.

Занимаясь делами Орра, Иглсон вскоре организовал первую в НХЛ официально признанную Ассоциацию игроков. Подумайте о том, что дал поступок Орров всем остальным хоккеистам: через семь лет после того, как Орр подписал свой первый контракт с Бостоном, средний заработок игрока НХЛ подпрыгнул примерно с пятнадцати тысяч долларов в год почти до пятидесяти пяти тысяч, то есть вырос почти на триста процентов. Далее, с 1973 года новичок с обычными способностями подписывает долговременный контракт на сумму, превышающую сто тысяч долларов в сезон. Когда Орр стал профессионалом, ни один из ш роков НХЛ-ни Горди Хоу, ни Бобби Ха\л, ни Жан Беливо не зарабатывал более пятидесяти тысяч в год. В 1973 году заработок среднего игрока НХЛ составлял пятьдесят пять тысяч долларов, а более тридцати «профи» получали свыше ста тысяч долларов в сезон. Следует признать, что создание конкурирующей лиги-Всемирной хоккейной ассоциации — способствовало повышению уровня жалованья, но, как сказал один старый опытный владелец НХЛ: "Этого бы не произошло, если бы не появился Орр и не привел с собой этого парня, Иглсона". И в самом деле, некоторые владельцы и менеджеры НХЛ делят историю развития профессионального хоккея на периоды "до Орра" и "после Орра".

Вскоре после подписания контракта с «Брюинс» Орр отправился в тренировочный лагерь клуба в Лондон провинции Онтарио, город с трехсоттысячным населением примерно в сотне миль к западу от Торонто. Войдя в холл мотеля, где жили игроки команды «Брюинс», он увидел капитана команды Джонни Бучика и тут же подошел к нему, чтобы познакомиться. "Мистер Бучик, я Бобби Орр, — представился он, протягивая руку. — Очень рад с вами познакомиться". Бучик был явно обескуражен поведением новичка. "На мгновение я подумал, что он просто меня разыгрывает, — вспоминал Бучик, — но вижу, ничего подобного. Говорю, у нас, мол, не принято так величать друг друга. Ну и дела, думаю, если то, что о нем пишут, хоть наполовину правда, чего доброго, к концу сезона мне придется звать его не иначе, как "мистер Орр".

На сборах Орру присвоили номер 27, такой же как у Фрэнка Маховлича из "Торонто мэйпл лифе". Бобби превосходно провел товарищеские игры и доказал, что пресса не напрасно его превозносила. В начале календарного сезона руководство

команды заменило его 27-й номер на 4-й. Мало того, что цифра четыре — «фор» — рифмуется с фамилией Бобби — «Орр», этот номер носил прежде Эл Ланглуа-младший, известный атакующий защитник.

И хотя в том сезоне "Бостон брюинс" опять заняла последнее место, Орр своей игрой никого не разочаровал. Своими неожиданными рывками в зону противника он с успехом продемонстрировал новую манеру игры защитника профессиональной команды. Многие теоретики хоккея даже предлагали назвать Орра "блуждающим защитником" или как-то иначе. В свой первый сезон он забросил 13 шайб, завоевал приз Галдера как выдающийся новичок НХЛ, а также получил право выступать за дублеров команды "Все звезды НХЛ". В конце того сезона Гарри Хауэллу из нью-йоркских «Рейнджерсов» был присужден почетный приз Джеймса Норриса, который получает лучший защитник сезона. Принимая награду, Хауэлл скромно сказал: "Я рад, что заслужил эту награду в этом году, потому что, по-моему, с будущего года и до конца его хоккейной карьеры она будет принадлежать Бобби Орру".,

Предсказание Хауэлла сбылось с удивительной точностью. Начиная со следующего сезона, этот приз неизменно присуждался Бобби Орру. Кроме того, во втором сезоне его включили в состав первой команды "Все звезды", где он состоит по сей день. Как наиболее ценный игрок НХЛ, он завоевывал приз Харта в сезоны 1969–1970, 1970–1971, и 1972–1973 годов. Приз Росса за наибольшее количество заброшенных шайб он получил в сезоне 1969–1970 годов-единственный раз, когда защитник опередил по заброшенным шайбам нападающих. К тому же в 1970 и 1972 годах ему присуждался приз Конна Смайта за выдающуюся игру в финальных турнирах. И не случайно символ высшего хоккейного мастерства — Кубок Стэнли — был завоеван "Бостон брюинс" именно в 1970 и 1972 годах, когда в финальном матче 1970 года вездесущий Орр забросил решающую шайбу в дополнительное, а в 1972 году-в основное время. Вот список рекордов Орра, которые он установил или делил за восемь первых лет своей хоккейной карьеры в НХЛ:

1. Наибольшее число голевых передач в среднем на игру за все время-0,925.

2. Наибольшее число очков в среднем на игру за все время -1,313.

3. Наибольшее число сезонов с числом очков более 100-5.

4. Наибольшее число сезонов подряд с числом очков более 100-5.

5. Наибольшее число голевых передач за сезон-102.

6. Наибольшее число голевых передач в среднем на игру в течение одного сезо-на-1,31.

7. Наибольшее число голевых передач за один сезон, включая финалы, — 109.

8. Наибольшее число шайб, заброшенных за один сезон защитником, — 37 (дважды).

9. Наибольшее число голевых передач, сделанных за один сезон защитником, — 102.

10. Наибольшее количество очков, полученных защитником за один сезон, — 139.

11. Наибольшее число голевых передач, сделанных за одну игру защитником,-6.

12. Наибольшее число голевых передач за один период -4.

Рекорды, установленные в финальных играх

1. Наибольшее число голевых передач за один финал-19.

2. Наибольшее количество очков, полученных защитником в течение финального турнира, — 24.

3. Наибольшее число шайб, заброшенных защитником за один финал,-9.

4. Наибольшее число голевых передач за один период-3 (дважды).

5. Наибольшее число игр подряд в течение одного сезона, в которых набирались очки, — 14.

6. Наибольшее число победных шайб в финале Кубка Стэнли-2.

Копии всех наград, когда-либо полученных Бобби, а также множество шайб и клюшек, с помощью которых он устанавливал свои рекорды, выставлены сейчас в специальной витрине большой комнаты на первом этаже нового дома Орров на Гибсон-стрит, 104, в Пэрри-Саунде. Этот дом был построен на деньги Бобби в 1971 году. Два года спустя 48-летний Дуг Орр оставил свою службу в "Канадиен индастриз", имея за плечами тридцатилетний рабочий стаж. Сейчас он целиком трудится на своего сына, поддерживая порядок в спортивном лагере Орра-Уолтона в городе Орилия, в часе с четвертью езды на машине от Пэрри-Саунда.

Как-то вечером, сидя в просторной кухне своего нового дома, Дуг и Арва Орр вспоминали, что им запомнилось больше всего о своем сыне-хоккеисте. "Я езжу на его игры только в Торонто или Буффало, — рассказывала Арва Орр. — Вспоминаю один матч в Буффало, когда «Брюинсы» забросили восемь или девять шайб, но Бобби за весь вечер сделал только одну голевую передачу. После игры я пожурила его, что, мол, он не очень старался, даже не вспотел. И знаете, что он мне ответил, шутя, конечно? Надеюсь,

говорит, мамочка, тебе эта игра понравилась потому, что больше я тебя на хоккей не позову".

Дуга Орра рассказ жены рассмешил. "Я вот всегда бывал им доволен, — сказал он, — и был уверен, что он удержится в НХЛ. Помню игру в Монреале несколько лет назад. У него великолепные финты, понимаете, когда голова, плечи, глаза, руки, бедра, ноги, колени, ступни-все движется в разных направлениях, если это можно себе представить. Мне иной раз кажется, что он вот-вот развалится на части. Так, в тот вечер он до того замотал финтами двух защитников Монреаля, что те столкнулись друг с другом и шлепнулись на лед. Бобби же спокойно объехал их и обыграл вратаря. Ну, скажу я вам! Я и мечтать не мог, что он будет так играть".

ГЛАВА I
Как это получается

Я не снимал коньков, которые мистер Фернье так любезно мне подарил. Естественно, то не были коньки для профессионалов за сто двадцать пять долларов, о которых в наши дни мечтают некоторые мальчишки, чтобы кататься как Айвен Курнуайе.[1] Но на них можно было кататься по льду, а это было для меня самое главное. Когда лезвия тупились, папа точил их, а мама время от времени чистила ботинки ваксой. Что до меня, то я считал свои коньки лучшими в мире. Они, правда, были мне великоваты. И щитков на ботинках не было. Подумаешь, какое дело. Это были мои коньки. И я был безмерно счастлив.

Дело в том, что шести или семи лет от роду человеку не нужно обязательно иметь самое лучшее, чтобы чувствовать себя хорошо на хоккейном катке. Мало кто из мальчишек Пэрри-Саунда имел коньки, которые были по-настоящему впору, пока им не стукнуло лет десять. А некоторые из нас надевали перчатки, которые принадлежали когда-то нашим отцам — те, конечно же, думали, что давно их сносили. Если у хоккейных перчаток не хватает всего лишь кожи на ладошках, это вовсе не значит, что им пришел конец. Под них я обычно надевал толстые шерстяные перчатки, и рукам было тепло. А клюшки? У нас и в помине не было клюшек с фиброгласовым покрытием нужного веса и высоты: в то время такие клюшки просто не делали. Иногда, чтобы клюшка не развалилась на куски, мы наматывали на нее толстый слой изоляционной ленты.

Вспоминая те дни в Пэрри-Саунде и сравнивая их с нынешними временами, я прихожу к выводу, что мне повезло, так как я вырос именно в то время. И что я рос именно там. В Пэрри-Саунде не было ни одного человека, равнодушного к хоккею. После школы нам не приходилось заботиться о том, чтобы очистить площадку от снега: наши родители обычно делали это за нас. Очень часто желающих поболеть за нас собиралось больше, чем самих игроков. А уж недостатка в тренерах мы никогда не ощущали-. То есть всегда находился человек, который сам разбирался в основах игры и, что важнее всего, знал, как научить этому нас. Например, как кататься на коньках, как бросать шайбу, как применять силовые приемы и как выполнять свои функции на поле. В Пэрри-Саунде были такие хорошие тренеры, как Алек Игер, а тренировать сборные команды обычно приглашали Бако Макдональда.

К несчастью для хоккея, такого энтузиазма как с той, так и с другой стороны уже больше не наблюдается даже в Пэрри-Саунде. У детей и их родителей слишком много других развлечений. Я предполагаю, что в Пэрри-Саунде на снегомобилях дети сейчас проводят больше времени, чем на коньках. Отец говорил мне, что сейчас можно по пальцам пересчитать людей, катающихся на коньках по реке или в заливе. Это очень печально.

Похоже, что нынче дети предпочитают искусственный лед и, конечно, в помещении. А это значит, что побегать на коньках у них нет возможности. Возьмем обычную команду восьмилетних хоккеистов. Вероятно, им выделяют лед на два часа в неделю. Но вместо того, чтобы кататься, как мы это делали в Пэрри-Саунде, они тренируются звеньями или проводят двусторонние встречи. Так что за час, на который выделяется каток, игрок в среднем находится на льду минут двенадцать-пятнадцать. А это означает, что в течение недели он катается на коньках всего около получаса. Мы же в Пэрри-Саунде бегали на коньках по тридцать часов каждую неделю с конца октября до середины апреля.

Но хуже всего то, что интерес к тренерской работе тоже пошел на убыль. Поверьте мне, для того, чтобы тренировать команду мальчишек, вовсе не надо иметь высокой квалификации. Нужно лишь знать основы игры: катание на коньках, бросание шайбы, передачи, игру корпусом и игру в зоне. А этому нетрудно научиться. Я знаю немало людей, которые сами в хоккей никогда не играли, но стали хорошими тренерами, прочитав огромное количество книг про обучение игре в хоккей. Например, Скотти Боумен не был профессиональным хоккеистом, однако считался одним из лучших тренеров НХЛ, когда работал с командами Сент-Луиса и Монреаля.

Позвольте мне с самого начала заявить, что хоккей-это игра. Не наука или нечто такое, в чем может разобраться только электронная машина. Роботам в ней нет места. Тед Уильямс[2] утверждает, что в спорте нет ничего более сложного, чем уметь совершить удар круглой битой по бейсбольному мячу. Уилт Чемберлен,[3] наверное, думает, что совершить три штрафных броска по корзине вдвое труднее, чем ударить по бейсбольному мячу. И я убежден, что Джордж Блэнда[4] полагает, будто удар по воротам, когда на тебя несется одиннадцать чудовищ, не сравнится ни с какими бросками по корзине. В общем, я ни разу не слышал, чтобы какой-нибудь спортсмен во всеуслышание заявил, что есть на свете вид спорта более трудный физически или психологически, чем тот, которым занимается он сам. И это вполне естественно.

Что я думаю? По-моему, нет спорта труднее и мужественнее,

чем хоккей. Это-самый быстрый командный вид спорта в мире, в котором игроки носятся по льду с головокружительной быстротой. На игру мы надеваем не менее дюжины всякого рода защитных приспособлений, но лишь немногим в НХЛ удавалось избежать накладывания швов на лице или на теле. Приятно ли, когда противник изо всей мочи бросает тебя на борт? Приятно ли, когда тебя бьют по лицу клюшкой — пусть неумышленно? А легко ли на полном ходу вести шайбу в зону противника, когда пятеро игроков молотят клюшками по твоему телу? А легко ли броситься под летящую шайбу? Говоря о напряжении, подумайте о бедных вратарях. Мы обстреливаем их шайбами в течение всей игры. Иной раз шайба летит со скоростью более ста миль в час. Лучшие голкиперы останавливают восемь из десяти брошенных по воротам шайб, но когда шайба все же пролетает мимо него, за воротами вспыхивает красный свет, оповещая зрителей, что вратарь на сей раз прозевал. Но тот вратарь, который может во время игры расслабиться, — это плохой вратарь. Помните великого голкипера Гленна Холла, защищавшего ворота чикагских "Блэк хоукс" и команды "Сент-Луис блюз"? Он испытывал такое напряжение, что перед каждой игрой его рвало.

Так что не надо говорить, будто играть в футбол, баскетбол или бейсбол труднее, чем в хоккей. Играть во все наши игры трудно!

Я люблю наблюдать игру в футбол по телевизору. Но в отличие от футбола, игры атлетической и трудной, хоккей все шестьдесят минут состоит из импровизаций. Вы видели когда-нибудь хоккейного тренера, который бы со своего места подсказывал игрокам тактические варианты? "Хорошо, ребята, сейчас проведем вариант вбрасывания у синей линии с прорывом правого крайнего к воротам". Или приходилось вам- видеть, чтобы хоккейный тренер подавал со своей скамьи условные знаки? "Значит, так, ребята: когда я 1) почешу лоб, 2) дерну себя за галстук, 3) положу правую руку на правый бок и 4) три раза подмигну правым глазом, это будет означать, что шайбу нужно передать Филу Эспозито в двух футах от синей линии". Ничего подобного вы никогда не увидите. Правда, когда мы на льду, то стараемся применять какие-то заготовки. Например, когда Фил Эспозито занимает место напротив ворот, каждый из нас старается передать шайбу ему, а когда справа от вратаря соперников оказывается Джонни Бучик, а мы играем в большинстве, то шайба идет ему. Однако я не помню, чтобы сам когда-нибудь сознательно пытался «сконструировать» подобную ситуацию, — разве можно сделать это за считанные доли секунды?

Хоккей-это игра профессионального чутья и ошибок. На льду я ищу подходящую ситуацию. В этом-суть. Когда такая ситуация возникает-например, наш игрок выкатился на свободное место или я знаю, что могу обвести защитника, потому что он повернулся не в ту сторону, — я немедленно реагирую на нее. Быть может, у меня реакция лучше, чем у других игроков, не знаю, но, как только я вижу возможность для атаки, я использую ее. А тогда-до свиданья! Поверьте, ни один из моих поступков на льду не является результатом генерального плана. Овладев шайбой позади своих ворот, я не принимаю решения: пройти по правому краю, пересечь центр по диагонали, выйти к синей линии с левого фланга и бросить шайбу щелчком, чтобы она влетела в ворота на высоте двух дюймов ото льда и в дюйме от ближней стойки. Я просто подбираю шайбу и иду, куда мне подсказывает чутье.

По телевизору часто слышишь такие рассуждения футбольных комментаторов: "Его главный партнер был прикрыт, так что он направился к второстепенному и сделал передачу". В хоккее нет главного партнера; все четверо — то есть вся команда-являются главными. В защите я тоже полагаюсь на чутье. Я вижу, как ко мне приближается игрок противника, и действую автоматически. Шайба у него, поэтому мои действия зависят от его действий. Было бы глупо, например, стараться прижать его к борту, когда видно, что он хочет пройти с внутренней от меня стороны. Я не решаю-и не могу решить, — какие защитные действия предпринять, покуда передо мной нет живого противника. И тогда я действую. Я знаю, что все это звучит не очень убедительно, но это факт.

Много раз, сидя в раздевалке после игры, я спрашивал себя, почему я поступал так, а не иначе. Как правило, я не мог ответить на собственные вопросы. Помню, смотрел как-то видеозапись только что проведенной игры и не мог поверить собственным глазам. В одном игровом эпизоде я пытался прорваться к воротам между двух защитников. Мне это не удалось, и я оказался на льду. Смотря видеозапись, я думал, до чего же глупо было идти напролом. Но чем больше я думал, тем лучше понимал, что не так уж все это было глупо. Телекамеры были установлены сбоку, на льду же игровой эпизод разворачивался прямо передо мной. Иными словами, то, что видел я, не видели камеры, и наоборот. Я вспомнил, что один из защитников сделал движение в сторону, будто решил, что я буду его обходить. Заметив это, я рванулся по центру, где должно было образоваться открытое пространство. Но то был всего-навсего финт защитника, и я на него попался. Не все же время выигрывать. Иногда я просто не могу объяснить, что

делаю на льду и для чего это делаю. Помню встречу, на которой я почему-то вел себя очень странно. Находясь на половине противника, я владел шайбой, а отобрать ее пытались два его игрока. В следующее мгновенье я вдруг оказался один на один с вратарем. Признаюсь откровенно, не знаю, как это у меня получилось. Во всяком случае, я сам так был удивлен, что бросил шайбу мимо ворот. Позже, просматривая видеопленку, я понял, что ушел от защитников, внезапно обойдя их по дуге против часовой стрелки. На следующий день меня пригласили на лед сделать несколько рекламных снимков для какой-то брошюры, и фотограф предложил мне "крутануться, как вчера вечером". Минут двадцать я пытался воспроизвести этот маневр, но у меня ничего не получилось. Как же это вышло во время встречи? Благодаря чутью, рефлексу. Я вовсе не собирался делать этот маневр, во всяком случае не обдумывал его. Он вышел у меня сам собой, вот и все, что я могу сказать.

Я верю своему чутью. Когда оно подсказывает мне, что надо поступить так, а не иначе, я не думаю о последствиях, если по каким-то причинам игра не клеится. По амплуа я — защитник, но не одобряю оборонительной тактики игры. Еще в Пэрри-Саунде я понял, что хоккей — это вид спорта, в котором ошибки допустимы. Понимаете, в хоккее вратарь призван исправлять большинство ошибок, допущенных нападающими и защитниками. Но иной раз ошибки, которые мы делаем, вовсе таковыми не являются.

В 1970 году команда «Брюинс» завоевывает Кубок Стэнли, нанеся поражение клубу "Сент-Луис блюз", не проиграв ни одной из четырех игр. В четвертой встрече было назначено дополнительное время с игрой до первого гола, и вскоре после вбрасывания мы перевели шайбу в зону противника. Я быстро занял свою точку справа у синей линии в зоне «Сент-Луис». Один из их защитников подхватил шайбу и послал ее вдоль борта в моем направлении. Поскольку игра велась до гола, безопаснее всего было бы вернуться в свою зону. Но я, не раздумывая, бросился к шайбе. Ошибка № 1. Если бы игрок «Сент-Луис» перехватил шайбу, то, несомненно, двое игроков противника вышли бы к нашим воротам против одного защитника. К счастью, я первым оказался у шайбы и послал ее в угол Дереку Сендерсону. Затем инстинктивно покатился к воротам «Сент-Луис». Ошибка № 2. Я должен был возвратиться на свою точку, потому что она была свободной. Но, совершив рывок к воротам противника, я получил прекрасный пас Сендерсона и вышел один на один с вратарем «Сент-Луис» Глен-ном Холлом. Когда Гленн стал падать на лед, я должен был перебросить шайбу через него и

забить гол. Вместо этого я повел шайбу по льду. Ошибка № 3? Быть может. Но когда голкипер опускается на лед или перемещается в створе ворот от одной стойки к другой, у него между ног образуется достаточно пространства. Шайба, пущенная мною по льду, прошла у него между ног прямо в сетку ворот, и мы выиграли Кубок Стэнли.

День игры

За один сезон мы проводим десять товарищеских матчей, семьдесят восемь календарных встреч и двадцать одну игру в финале розыгрыша Кубка Стэнли. Как и большинство хоккеистов, я привык начинать сезон с середины сентября, когда мы прибываем на сборы, и заканчивать его после финалов Кубка Стэнли весной.

С 1966 года, когда меня приняли в команду "Бостон брюинс", я выработал собственную систему поведения в день игры и ни разу ее не нарушил.

Если мы не играли накануне вечером, я просыпаюсь в половине десятого и завтракаю, то есть съедаю одно яйцо всмятку, два тостика с маслом и выпиваю чашку сладкого кофе с молоком. Я люблю тосты. Летом из диетических соображений я предпочитаю подсушенный тост, а в течение игрового сезона мне все равно что есть из-за тех нагрузок, которые мы получаем. Если же накануне вечером у нас была игра, то я сплю до одиннадцати и на завтрак пью только чашку кофе. Утром игрового дня нас обычно не собирают для обсуждения плана игры, но иногда я сам приезжаю в "Бостон гарден", чтобы минут десять-пятнадцать покататься на коньках. Вместо этого я иной раз иду на прогулку или делаю какие-нибудь покупки, в общем, стараюсь побольше двигаться. Но что бы я ни делал, к двенадцати я уже дома, чтобы перед игрой съесть бифштекс как обычно.

Меня поражает, что едят в день игры некоторые новички НХЛ. Дик Шонфелд, например, обожает холодное спагетти или равиоли прямо из консервной банки. Бр-р-р! Хотя большинство хоккеистов съедают свой бифштекс-или спагетти-часа в два дня, я предпочитаю играть на пустой желудок и потому ем рано. Я отнюдь не гурман, но за первые семь лет игры за «Бостон» я научился готовить довольно приличные бифштексы. Сейчас с этим успешно справляется моя жена Пегги, которая подает их непрожаренными — как раз так, как я люблю. Иногда к бифштексу я готовлю салат, а если на завтрак не ем яйцо, то добавляю к бифштексу и его. После обеда я ненадолго-на час, не

больше-ложусь поспать. А в половине второго встаю, одеваюсь и иду в «Гарден». В раздевалку я всегда прихожу первым. В Бостоне игры начинаются в половине восьмого, но я, как правило, приезжаю в два-в половине третьего. Однажды я попытался побыть дома до половины шестого, как это делают все наши игроки, но ни спать, ни расслабиться не. мог. В раздевалке я минут тридцать проверяю экипировку: обматываю лентой верх своих клюшек, чтобы их удобнее было держать (я не люблю клюшек с выступом на конце), проверяю, не нуждаются ли в ремонте щитки, и смотрю, правильно ли заточены коньки. Пожалуй, перед игрой я просто ищу, чем бы себя занять. В самом деле, я вовсе не хочу думать о ней за пять часов до начала. Иначе, как говорится, перегораешь. Через некоторое время мы с помощником тренера Фрости Форрестолом играем несколько партий в карты. Мы с ним играем уже лет семь, и счет у нас 67246:67231 в его пользу. Когда-нибудь я попробую проверить, правильно ли ведется подсчет очков. Через час тренер Дэн Канни и Фрости начинают заниматься своими тренерскими делами, а я раскладываю пасьянс и смотрю телевизор: старые фильмы, мелодрамы, мультфильмы, словом, что угодно, лишь бы не думать о хоккее. Часов в пять я начинаю разминать мышцы ног, и если они продолжают побаливать, то зову на помощь нашего массажиста и врача Джока Сэмпла. К тому времени подъезжают остальные ребята, и в четверть седьмого я начинаю облачаться в форму.

На одевание у меня уходит не менее получаса. Покончив с этим, я тихонько сажусь на скамью и беру в руки утяжеленную клюшку. Минут пятнадцать я перекатываю ее с руки на руку, чтобы как следует ее почувствовать, отчего моя обычная игровая клюшка кажется потом пушинкой.

Я думаю об игроках соперника и их особенностях

Занимаясь с утяжеленной клюшкой, я начинаю думать о команде, с которой нам предстоит играть в этот вечер. Учтите, я вовсе не думаю о том, как мне играть против этой команды. Нет, я вспоминаю ее игроков и все их повадки. Ведь у каждого хоккеиста НХЛ, когда он овладевает шайбой, есть свой любимый ход. Правда, с моей стороны было бы глупо рассказывать о своих наблюдениях — ведь мне еще предстоит играть против всех них. Но, скажем, мы играем с "Монреаль ка-надиенс". У меня сама собой возникает тревожная мысль, что Жак Лемэр любит занимать позицию прямо перед воротами; что как Курнуайе, так и

Фрэнк Маховлич любят врываться в зону соперника в надежде на длинный пас от своего защитника и что младший брат Фрэнка Питер Маховлич любит сделать вид, будто бросает по воротам, а сам, не сбавляя хода, обводит меня. А если против нас играет «Буффало», я думаю о молодом талантливом центре Жильбере Перро, о его хитроумных перемещениях и финтах, о быстром левом крайнем команды Ричарде Мартине с его коварными бросками и о том, что он обычно проходит по моей стороне. А есть в одной команде широко известный левый крайний нападающий, который не доставляет мне много хлопот, потому что он всегда делает одно и то же движение: ужасный финт внутрь поля и прорыв вдоль борта. После второй или третьей встречи ему не многое удается, когда его команда играет против нашей. Перед игрой мы выходим на разминку ровно в семь часов, но, прежде чем выйти на лед, я беру свою игровую клюшку и обхожу раздевалку, постукивая товарищей по щиткам голени, желая им удачи. Теперь я к игре готов.

То, как я веду себя после игры, зависит от се исхода. При поражении я становлюсь злым и раздражительным. В течение семи лет я "увозил такие игры с собой домой", и мне нечего было беспокоиться, что я расстрою кого-нибудь. Когда я женился, надо было привыкать "оставлять эти игры в раздевалке". Но каков бы ни был исход игры, после нее я долго в раздевалке не задерживаюсь. Выпью пару стаканов воды или сока, переоденусь-и домой. Хоккейные комментаторы Бостона да и других городов, жалуются, что после игры меня трудно заполучить, потому что я быстро ухожу из раздевалки и не хочу делиться своими соображениями о состоявшейся встрече. Скажу прямо: если репортер хочет задать мне вопрос, пусть задает-я постараюсь на него ответить. Но я никогда не буду рассиживать в раздевалке в ожидании этих вопросов и, уж конечно, никогда не буду сам их задавать или предлагать ответы. Это не в моих правилах. Я не хочу вступать в споры. Поверьте, я не люблю судить ни о хоккеистах, ни о других спортсменах. Если какой-нибудь журналист или хоккеист начнет ругать меня в печати или по телевидению-это его дело. Ведь стоит одному хоккеисту выступить публично против другого, как на следующем матче он все три периода горько будет сожалеть об этом. Так было с Брэдом Парком из "Нью-Йорк рейнджере", когда он перед финалом Кубка Стэнли в 1972 году выпустил книгу с нападками на некоторых игроков «Брюинс», и особенно на Фила Эспозито. Пресса тогда много писала об этом, и я знаю, что к началу финальной серии Фил завелся как пружина. В марте против «Рейнджере» он не забросил ни одной шайбы, но зато сделал

девять голевых передач, выиграл почти 95 процентов вбрасываний и хорошо играл в меньшинстве. После серии Фил нелестно отозвался о Парке. Так вот, я не желаю ввязываться в подобные дрязги. Стоит мне только возгордиться и пытаться сделать что-то самому, как мне тут же здорово попадает. Я бы не хотел, чтобы обо мне плохо думали. Мне повезло, что у меня есть талант и что в Бостоне я был в окружении отличных хоккеистов. А вообще — кто я такой, чтобы судить о других? И я убежден, Парк понял, что не стоит дергать нервы другим. Хоккей и без этого трудная игра.

Команда «Брюинс»

Несколько лет назад какой-то хоккеист не то из Нью-Йорка, не то из Монреаля представил «Брюинс» "компанией чудаков и дегенератов, которые ладят друг с другом". И верно, у нас в команде издавна установились хорошие отношения между игроками, что же до «чудаков» и «дегенератов», то это чушь. А однажды один журнал назвал нас "стаей диких животных". Когда в начале и середине шестидесятых годов команда «Брюинс» была слабой, тогда никто ничего не писал и не говорил о нас. Но мы стали играть хорошо, и на нас посыпались всевозможные прозвища. Иной раз такие, что и в словаре не сыщешь.

Что мне больше всего нравится в «Брюин-сах», так это умение вовремя перейти от шутки к делу. Согласитесь, что сезон НХЛ так долог и так труден, что каждый божий день быть серьезным невозможно. Попробуйте сегодня вечером играть в Миннесоте, затем сразу же лететь домой, а следующую игру проводить в Бостоне. Если все время оставаться серьезным и напряженным, то в мае едва ли тебе достанется Кубок Стэнли. Горди Хоу как-то сказал мне, что детройтская "Рэд уингз" была веселой командой, когда в пятидесятых годах несколько раз завоевывала Кубок Стэнли. И я знаю, что монреальская «Ка-надиенс» тоже весело шла к своим кубковым победам.

Скажите, могла ли наша команда быть просто-напросто бандой неудавшихся актеров, если она фактически побила почти все рекорды НХЛ? Например, за сезон 1970–1971 года мы установили рекорды:

1. По количеству очков, завоеванных командой за один сезон, — 121.

2. По количеству побед-51.

3.. По количеству побед на своем льду-33.

4. По количеству заброшенных шайб -399.

5. По количеству шайб, заброшенных при игре в меньшинстве, — 25.

6. По количеству голевых передач-697.

7. По количеству очков за заброшенную шайбу-1096.

8. По количеству игроков, забросивших более 50 шайб, — 2 (Фил Эспозито-76 (рекорд) и Джонни Бучик-51).

9. По количеству игроков, забросивших бо-дее. 2Д шайб, — Щ (Эспозито76.-, Е^чик.- il, Кен Ходж-43, Орр-37, Джонни Маккензи-31, Дерек Сендерсон-29, Эд Уэст-фолл-25, Фред Стэнфилд-24, Уэйн Карл-тон-22, Уэйн Кэшмен-21).

10. По количеству игроков, забросивших 100 или более шайб, — 4 (Эспозито-152, Орр-139, Бучик-116, Ходж-105).

А однажды, играя против ванкуверских «Канукс», мы установили особый рекорд, за три секунды забросив три шайбы. Значит, не все у нас было плохо.

Ну а развлекались мы, как могли. Заводилой у нас был второй вратарь Джерри Чи-верс, который нередко шуткой умел разрядить обстановку. Однажды во время встречи с чикагскими "Блэк хоукс" Чизи пропустил десять шайб. Когда в раздевалке кто-то его спросил, что случилось, Чизи под общий хохот ответил: "У розовой картошки зеленая ботва, нам забили десять, а мы им только два". А в другой раз он поспорил в раздевалке со своим другом Джо Монаханом. Чизи очень любит лошадей, кстати, у него их несколько, и все свое свободное от хоккея время он проводит на ипподроме. И вот он пытался убедить Монахана, что одна из его лошадей-самая высокая в мире. Монахан никак не хотел поверить, покуда Чизи не сказал: "Джо, это такая большая лошадь, что жокею приходится прыгать с нее с парашютом".

Но особенно Чизи был хорош в сезон 1970–1971 года, когда к нам пришел Майк Уолтон по прозвищу «Шейки» (трясучий). Зная, что во время своей бурной карьеры в торонтской "Мэйпл лифе" Шейки однажды был у психиатра, Чиверс поставил большую кушетку как раз напротив скамьи Уолтона в нашей раздевалке, "чтобы Шейки чувствовал себя как дома". Уолтон в 'свою очередь подыгрывал Чизи. Они отработали сценку "посещение психиатра", которую разыгрывали в гостиницах или вестибюлях аэропортов. Чиверс, изображавший врача, садился посреди комнаты, а Уолтон растягивался возле него на полу и, не смолкая, что-то говорил, а Чизи делал вид, что все за ним записывает. Однажды в ванкуверском аэропорту, где мы за-ссдоых. на. нескомыка чаш amp;, иа-за. их. огредсяа. — вления образовалась настоящая пробка.

Наш первый вратарь Эдди Джонстон не такой весельчак, как Чиверс, но и он был не прочь иной раз пошутить. К концу сезона

1972–1973 года в команду «Брюинс» пришел Жак Плант из "Мэйпл лифе" и, по слухам, в Торонто, в качестве компенсации, должен был перейти Эдди Дж. Эдди поверил слухам, которые, кстати, оправдались, и во время нашей последней поездки в Торонто зашел в магазин в "Мэйпл лифе гарден" и купил себе форменный свитер клуба "Мэйпл лифе". В тот вечер во время тренировки он вышел на лед последним именно в этом свитере. Мы буквально со смеху покатились, и тем, кто наблюдал за тренировкой, шутка тоже понравилась. Единственные, кому эта шутка пришлась не по вкусу, были, судя по их вытянувшимся лицам, руководители обоих клубов.

Фила Эспозито к разряду весельчаков не отнесешь, и от нас ему достается за то, что он так верит в приметы. Я не встречал человека более суеверного, чем Эспозито. Послушайте, что он делает, прежде чем одеться на игру. Сначала становится перед красным рогом, висящим у него над скамьей, и несколько раз ему подмигивает. Этот рог-подарок бабушки Фила, и сила его в том, что он хорошо отводит "малоккио"-дурной глаз. Фил лучше выйдет на игру на двухполозных коньках, обвешавшись мешочками с песком, чем откажется подмигнуть своему рогу. Усевшись на скамью, Фил натягивает на себя задом наперед старую черную майку, предварительно вывернув ее наизнанку, а затем пристегивает к подтяжкам медальку с изображением святого Кристофера.

После этого он старательно укладывает между вытянутыми ногами свою клюшку таким образом, чтобы обмотанный лентой крюк точно указывал на северо-запад. Затем кладет свои черно-белые перчатки ладошками вверх по обе стороны рукоятки клюшки. Именно в этот момент с банкой белой пудры в руках появляется Фрости Форре-стол, который посыпает пудрой крюк клюшки Фила. Вслед за этой процедурой Фил зорко оглядывается вокруг, чтобы убедиться, что в комнате нет дурной приметы вроде перевернутого бумажного стаканчика или, боже упаси, перекрещивающихся клюшек. Иногда мы нарочно ставим две клюшки крест-накрест на самом видном месте, и когда Фил их замечает, то просто сходит с ума. Не любит он и так называемый "поцелуй смерти". В раздевалке он сидел рядом с Дереком Сендерсо-ном, и как-то в 1973 году перед второй финальной игрой Дерек, между прочим, сказал ему: "Эстш, до чего ты везучий. У тебя никогда не бывает травм". При этих словах Фил скорчил такую мину, будто кто-то истратил все его. деньги, сломал лезвия коньков, переломал его клюшки и стащил красный рог. "Слушай, Дерек, — завопил он, — никогда этого больше не повторяй". За девять полных сезонов в НХЛ Фил пропустил

только четыре игры, да и в этих вышел бы на лед, если бы их результаты сказывались на окончательном положении команды в турнирной таблице. Кстати, в той самой встрече с нью-йоркскими «Рейнджерсами» защитник Рон Харрис поймал Эспи на силовой прием и свалил его на лед. Фила унесли на носилках, а два дня спустя ему сделали операцию на одном колене. Может быть, ему стоит все-таки быть суеверным.

Дерек, конечно, не имел ввиду ничего плохого, когда сказал Эспозито, что тому везло все эти годы. Бедняга Дерек. Он всегда попадает в какие-то истории. Если бы он захотел, то мог бы стать одним из лучших центров в хоккее. У него множество талантов: он прекрасно играет, когда команда находится в меньшинстве, отлично прессингует по всему полю, он специалист по вбрасыванию и забиванию шайб. Однажды, выступая за «Брюинс», он за год забросил 29 шайб, причем ни разу не выходил на лед при игре в большинстве. Но, по признанию самого Дерека, последние несколько лет его голова занята не одним хоккеем. Меня до сих пор смех разбирает, когда я вспоминаю о том, что он сделал в 1973 году, когда после короткого пребывания во Всемирной хоккейной ассоциации снова вернулся в клуб «Брюинс». Он купил за тридцать тысяч долларов новый темно-красный «роллс-ройс», одна только мойка которого обходилась в восемьдесят пять долларов. И даже шофера нанял. И вот однажды подъезжает он на своем «роллс-ройсе» к служебному входу в «Гарден», открывает заднюю дверцу и появляется в раздевалке, неся в руках солидный белый мешок, на котором четкими печатными буквами написано назва-, ние одного банка. Мы были в полной растерянности, когда он вошел и бросил мешок на мою скамью. Сверху мешок был обмотан цепью, а на ней-два замка. "Это тебе", — сказал Дерек, обращаясь ко мне. Я не знал, что в мешке-деньги или что-нибудь другое. Как оказалось, несколько лет назад мы с Дереком заключили пари на тысячу долларов на то, кто из нас женится первым. В то время мы оба были убежденными холостяками, но потом, пока Дерек играл за филадельфийскую «Блейзере», я успел обручиться, и вот он пришел, чтобы отдать проигрыш. Он открыл замки, перевернул мешок и высыпал его содержимое на пол. Так и есть: тысяча хрустящих бумажек по доллару каждая. Вот вам и Дерек. Зачем выписывать чек на тысячу долларов, когда можно подарить тысячу красивых банкнотов?

Мои колени

Что бы обо мне ни писали, ледовую повязку на левом колене я не ношу. Во-первых, у меня не хватило бы терпения ждать, пока мне ее прикрепят к колену. Во-вторых, я не люблю играть ни со льдом на колене, ни в жестких наколенниках. Фил Эспозито утверждает, что такой наколенник ему не мешает. Может, и мне надо бы его надевать, но я не люблю, когда что-нибудь стесняет движение, а наколенник такого типа наверняка будет мешать.

Чтобы сразу было все ясно, я расскажу, что произошло с моими коленями. Сначала я повредил правое колено. Летом 1967 года мы играли в Виннипеге показательную игру, сбор от которой шел на благотворительные цели. В конце игры мы с товарищем по команде Бобби Лейтером вышли к воротам соперника вдвоем против одного их защитника. Шайба была у меня, и когда я передал ее Бобби, защитник припечатал меня к стойке ворот. Я еще не успел прийти в себя от удара, как Лейтер случайно налетел на меня, и в результате я получил растяжение связок правого колена. Врачи немедленно наложили на ногу гипс, а позднее решили, что в операции нет необходимости. И все-таки из-за травмы я в том сезоне пропустил несколько игр. С тех пор правое колено меня не беспокоит.

Жаль, что я не могу сказать того же про мое левое колено. Его мне оперировали уже трижды, и ни за что на свете я не хотел бы, чтобы это повторялось в четвертый раз. Мои несчастья начались в тот вечер сезона 1967–1968 года, когда отличный защитник Марсель Проново, выступавший тогда за "Мэйпл лифе", сильно толкнул меня на борт катка "Бостон гарден", когда я попытался проскочить мимо него. Полетели связки. Операция № 1. В том же сезоне я снова повредил связки после того, как попал коньком в выбоину во льду катка «Форум» в Лос-Анджелесе. Я провел все оставшиеся календарные игры, а также финал, но летом опять лег на стол. Операция № 2. В течение трех следующих лет это колено не доставляло мне хлопот и лишь слегка побаливало и затекало. Но вот в марте 1972 года за несколько дней до финальных игр во встрече с детройтскими "Рэд уингз" меня сильно и точно ударили по колену. Связки опять пострадали. Весь финал колено давало о себе знать и распухало все больше. А однажды мне даже пришлось уйти с половины игры, чтобы быстро обработать колено льдом.

В июне 1972 года доктор Картер Роу из Бостона вскрыл мое колено и подтянул связки. Одновременно он подчистил и поверхность хряща. Операция № 3. Некоторые думают, что в коленном суставе кости трутся друг о друга. Ничего подобного. Доктор Роу объяснил мне, что в суставах есть особая жидкость, которая выполняет роль смазки. Уверен, что, не согласись я на

третью операцию, в хоккей бы я сегодня не играл. Я долго выступал с травмированным коленом, и боль иной раз становилась невыносимой. Я уже не мог играть, как мне того хотелось и как я играл прежде. Надо было решиться на операцию. Это была моя последняя надежда. Я не особенно волновался после первых двух операций, но после третьей, в 1972 году я здорово перепугался. В хоккее-вся моя жизнь, и с плохим коленом долго не продержаться. После того как в июне доктор Роу прооперировал мне левое колено, я был уверен, что в сентябре смогу участвовать по крайней мере в нескольких матчах серии между Канадой и СССР.

Однако, когда я приехал на тренировочный сбор команды в Торонто, сразу стало ясно, что мое колено еще "не было готово". После тренировок оно по-прежнему сильно распухало. Несколько раз хирургам приходилось выпускать собиравшуюся в суставе жидкость. Я, конечно, расстроился и позвонил в Бостон доктору Роу. Он меня успокоил, сказав, что со временем колено заживет. Но мне было не по себе. Нога так разболелась, что в первых четырех матчах играть я не смог. Я был вполне уверен, что на ответные игры в Москву поеду. Однако и с этой надеждой пришлось распрощаться, потому что на тренировках сборной Канады в Стокгольме колено опять подвело. Врачи запретили мне играть по крайней мере еще в течение месяца, до начала календарных игр НХЛ. Когда это время настало и я вышел на лед, оказалось, что колену не под силу выдерживать вес, который я набрал за это время. Так что еще три недели я занимался лишь тем, что тренировал ногу и колено. В течение этих трех недель я занимался не меньше четырех часов в день. По утрам девяносто минут катался на коньках, а потом проезжал десять миль на тренировочном велосипеде. Затем принимал специальную ванну и занимался физиотерапией. Во второй половине дня я под наблюдением знаменитого, культуриста Джина Берда делал специальные физические упражнения. Кроме того, я тщательно соблюдал диету и через три недели почувствовал, что снова могу играть. Я вернулся в команду, и в первой игре против "Нью-Йорк айлендерс" мне довелось забросить шайбу при первом появлении на льду.

Сказались ли травмы на моей скорости? Да, безусловно, по-моему я сейчас не так хорошо бегаю, как прежде, но, поверьте, я рад, что вообще стою на коньках. Меня часто спрашивают, почему я играю так, будто колени у меня в полном порядке. По правде говоря, я и сам не знаю. Я всегда так играл, а иначе и не умею. В этом сезоне я не пропустил больше ни одной игры.

Когда я владею шайбой и веду ее в зону противника, то не

думаю о своих травмах. Единственное, что меня в этот момент занимает, — это вратарь в противоположном конце поля. Нельзя играть в хоккей и при этом бояться, как бы тебя не сбили с ног.

ГЛАВА II
Конькобежная подготовка

Хочу сказать прямо: в хоккее нет ничего более важного, чем умение кататься на коньках. Тому, кто этого не умеет, дорога в большой хоккей закрыта. Все очень просто. Младшие лиги у нас буквально забиты юными и взрослыми игроками, обладающими и мощными щелчками, от которых шайба летит со скоростью сто миль в час, и хлесткими кистевыми бросками, однако многие из этих ребят не способны пробежать каток из конца в конец без того, чтобы не споткнуться о собственные ноги. Если бы эти горе-хоккеисты (по-другому их и не назовешь, так как они не научились в хоккее главному) уделяли катанию хотя бы половину того времени, которое они тратят на отработку бросков, то давно бы играли в высшей лиге.

Почему же молодежь так не любит кататься на коньках? Подчеркиваю-кататься, а не играть в хоккей. Ведь это далеко не одно и тс же. Когда на банкетах и различных приемах мне доводится встречаться с начинающими хоккеистами, я непременно интересуюсь, нравится ли им кататься на коньках. "Еще как, — отвечают они, — ведь это здорово: погонять шайбу, поймать противника на силовой прием и вообще потолкаться на льду".

Позвольте, а как насчет самого катания? "Ах вот что, — отвечают они после долгой паузы, — ты имеешь в виду беготню без шайбы, рывки-остановки, всякие там «восьмерки»? Так это скучища".

Катание — скучища? Вот уж с этим я никак не могу согласиться. Разве Джек Никлаус понапрасну тратил время, | когда в разгар зимы, одевшись потеплее, он тысячи раз повторял одно и то же упражнение на заснеженном поле для гольфа в Колумбусе? Разве футболисты[5] Джо Неймат и Джим Планкетт напрасно тратили свое время, когда, подкручивая, бросали мяч так, что он пролетал сквозь подвешенные к ветвям деревьев автомобильные покрышки? Едва ли можно назвать хорошим того футболиста, который, отлично распознав намерения защиты противника и правильно организовав игру своей команды, отдает пас таким образом, что мяч, словно подбитый перепел, летит на тридцать ярдов в сторону от цели. Теперь возьмем хоккей. Когда я вижу на поле свободное пространство и у меня созревает план действий, то чистое и правильное выполнение маневра зависит от

моего умения кататься на коньках. Если же в самом начале маневра меня подведут собственные ноги, то, что бы я ни предпринимал в дальнейшем, какие бы финты ни. делал головой, корпусом и клюшкой, все это окажется совершенно бесполезным.

Должен признаться, что в детстве я, как и большинство начинающих хоккеистов, не понимал, как важно научиться хорошо бегать на коньках. Мы с ребятами из Пэрри-Саун-да, небольшого городка, где прошло мое детство, никогда сознательно не работали над техникой катания и не выписывали на льду никаких «восьмерок». Но в отличие от нынешних мальчишек мы только и делали, что бегали на коньках по два, четыре, а то и пять часов в день в зависимости от погоды и школьного расписания. Скажем, в среду, примерно в половине третьего, на речке собиралось человек тридцать ребят, и мы катались, пока не наступали сумерки. Мы разбивались на две команды, одни ворота ставили футах в четырехстах от других и начинали гонять шайбу. Игра не останавливалась ни на минуту. Если ты хотел овладеть шайбой, то должен был как угорелый нестись за ней, а захватив наконец, сломя голову убегать от соперников. Вам когда-нибудь приходилось на коньках прорываться сквозь толпу из пятнадцати, а то и двадцати игроков? Мне приходилось. Благодаря этому я, наверное, научился кататься на коньках. Именно так овладевали искусством бега на коньках и русские хоккеисты.

Не думайте о стиле, пусть вас волнует результат

Когда в сентябре 1972 года я приехал в Москву на матч команд СССР и Канады, мне довелось побывать в спортивном комплексе ЦСКА и понаблюдать за тренировкой одной из юношеских команд Москвы. Тренер команды провел с хоккеистами напряженную полуторачасовую тренировку, первая половина которой была посвящена совершенствованию техники бега на коньках, а, вторая-отработке основных хоккейных приемов. По окончании тренировки на лед вышел второй тренер сборной СССР Борис Кулагин. Пользуясь мегафоном, он попросил остаться на льду шестерых молодых игроков и двух вратарей, разделил их на две команды и велел им играть так, будто в этом матче решалась судьба мирового чемпионата. Поощряемые отрывистыми командами, несшимися из мегафона, эти шестеро хоккеистов целый час самоотверженно трудились на льду. Перерыв наступал только в том случае, если одна из сторон забивала гол. Тогда игроки и вратарь команды, пропустившей

гол, отжимались по пятнадцать раз каждый прямо на льду. То, что русские делали в тот день в Москве и чем они, несомненно, занимаются на каждой тренировке, мало чем отличалось от моих занятий на речке в Пэрри-Саунде. Лучшего метода для выработки прочных конькобежных навыков представить невозможно, тем более что их упражнения включали еще и отжимание.

В хоккее, как и в других видах спорта, манера игры является сугубо индивидуальным делом. Меньше всего думайте о том, как выработать тот или иной стиль игры. Пусть вас заботит результат. В американском футболе Неймат и Планкетт организуют атаку и бросают мяч каждый по-своему. В гольфе Никлаус во время замаха накладывает правую руку на левую, а Арнольд Палмер — наоборот. Баскетболист Рик Бэрри выполняет штрафные броски снизу, Джон Хавличек- сверху, а Чемберлен-вообще как ему придет в голову. Бейсболист Генри Эйарон держит биту за самый конец и высоко заносит руку при ударе, тогда как Феликс Миллан биту держит чуть ли не за середину. Теперь посмотрим, как бегают на коньках лучшие игроки НХЛ.

Фил Эспозито и Кен Ходж из "Бостон брюинс" бегут на коньках в высокой стойке, делая мощные широкие шаги. Уолт Ткачук тоже катается в высокой стойке, но шаг у него, пожалуй, вдвое короче, чем у Эспозито. Питер Маховлич сочетает в себе стили Эспозито и Ткачука: он тоже катается выпрямившись, но перемежает длинный шаг с коротким, отчего многие считают, что он бежит короткими рубящими шагами. Дейв Кион, Бобби Кларк и Клиф Королл бегут, сильно наклонив туловище, причем иногда кажется, что Кларк держит корпус параллельно льду. Манера катания Рателя-сочетание стилей Киона и Ткачука: высокая стойка с наклоненным корпусом. Ну а Фрэнк Маховлич лишь слегка сгибает туловище, однако именно у него был самый длинный шаг.

С другой стороны, многие помнят стиль бега на коньках Джона Фергюсона, или, точнее, отсутствие всякого стиля. Бег Ферги не отличался плавностью, но тем не менее Джон всегда ухитрялся поспеть к шайбе или в угол площадки одновременно с игроком, обладающим хрестоматийным стилем катания на коньках. Ну а коллега Фергюсона по «Канадиенс» Клод Провост, которого мы звали Джо? Ноги Клода были такие кривые, что между ними мог, наверное, пролететь баскетбольный мяч. Передвигался он короткими, резкими толчками, и всегда казалось, будто он не катится, а бежит за шайбой. Так или иначе, а Провост сумел провести пятнадцать сезонов в основном составе «Монреаля». Один из моих молодых товарищей по «Бостону» Терри О'Рейли напоминает и Фергюсона, и Провоста. Бег его

гладок, но когда Терри включает скорость, то несется как угорелый.

Из соперников, с которыми мне когда-либо приходилось встречаться, лучше всех бегал на коньках бывший капитан «Канадиенс» Жан Беливо. Высокий ростом в шесть футов и три дюйма-и невероятно сильный при весе в двести десять фунтов, Беливо как-то величественно скользил по льду, его нака-тистые, мощные шаги словно не требовали никаких усилий. По моему определению, он обладал классическим стилем катания. Так как монреальцы вообще лучше всех в НХЛ бегают на коньках, то, видимо, не случайно, что самый быстрый из моих противников Аи-вен Курнуайе также из этого клуба. Мы не зря прозвали его Бегунком. Курнуайе вдвое быстрее всех в лиге пробегает расстояние от синей до синей линии, разве что Жак Лемэр мог соперничать с ним. Кстати, Лемэр тоже выступает за «Канадиенс». Хоть рост Курнуайе всего пять футов семь дюймов, а вес сто шестьдесят пять фунтов, бедра у него ничуть не меньше, чем у хорошего конькобежца. Именно эти мускулистые бедра и производят энергию, необходимую для его невероятной стартовой скорости. Одна из тактических уловок монреальцев как раз и заключается в том, что какой-нибудь игрок выбрасывает шайбу в среднюю зону на выход Курнуайе, который, подхватив ее, пулей проносится к воротам, оставляя защитников далеко позади. По-моему, Бегунок чаще других в НХЛ забрасывал шайбу после молниеносного отрыва.

Помню игру в Бостоне, когда Курнуайе в течение нескольких первых смен буквально летал по всему полю, забросив в ворота Чи-верса две шайбы. Где-то в середине первого периода у ворот Джерри Чиверса производилось вбрасывание. Джерри выкатился из ворот, подъехал к Айвену и говорит: "Айвен, сбавь немного скорость, ладно?" "Что ты, Джерри, я тут ни при чем, — ответил тот с ухмылкой, выговаривая слова с французским акцентом, — просто мне сегодня дует попутный ветер".

В НХЛ есть только один Курнуайе, поэтому не стоит бросать свою хоккейную карьеру только потому, что вы не можете кататься, как Бегунок. А кто может? Поэтому надо сконцентрировать основное внимание на совершенствовании тех элементов катания, которые необходимы при выполнении заданных функций на поле. Например, нападающий должен уметь быстро набирать скорость со старта, как это делает Курнуайе. Кроме того, он должен уметь резко останавливаться и сразу же двигаться в противоположном направлении. И уж, конечно, нападающий обязан крепко держаться на ногах, чтобы не потерять равновесия, когда против него применят силовой прием.

Как правило, защитнику не обязательно бегать на коньках так быстро, как нападающему, поскольку за короткое время ему не приходится покрывать такие большие расстояния. Однако защитник должен уметь двигаться вперед так же быстро, как и при обычном катании, он обязан в совершенстве владеть техникой поворотов влево, вправо, назад, не делая при этом ни одного лишнего движения. Наконец, защитник должен всегда кататься с оглядкой. Если он любит поводить шайбу, как я, например, ему надо постоянно помнить, что нельзя забираться в зону противника слишком глубоко, чтобы успеть защитить собственные ворота, если шайбой овладеет соперник. Как это ни парадоксально, среди самых быстрых хоккеистов НХЛ можно увидеть и вратарей. Последите, как быстро мчится вратарь к скамье для запасных, когда его меняет полевой игрок. А ведь защитная экипировка вратаря весит пятьдесят фунтов. Когда Джерри Чиверс выступал за "Бостон брюинс", то нередко бегал наперегонки с некоторыми защитниками и нападающими и побеждал чаще, чем проигрывал. В свое время Чиверс играл в нападении за "Фарм-клуб"[6] Торонто. Позднее при наборе вратарей ловкий менеджер Панч Имлах пытался скрыть Чиверса, внеся в списки нападающих. Однако НХЛ разгадала этот маневр. Тогда-то "Бостон брюинс" и приобрел Джерри, и он защищал наши ворота оба раза, когда мы завоевывали Кубок Стэнли в 1970 и 1972 годах.

По-видимому, не случайно то, что у лучших хоккеистов НХЛ сильно развиты мышцы бедер и таза. Чем больше катаешься на коньках, тем сильнее развивается нижняя часть тела. Джонни Бучик двадцать лет выступал за команды НХЛ. Он один может занять половину дивана, так как бедра у него похожи на стволы деревьев. Объем талии у Курнуайе всего лишь около двадцати девяти дюймов, но бедра так налились мышцами, что он носит хоккейные трусы для человека с талией в сорок дюймов. У меня та же самая проблема — трусы мне приходится делать на заказ. Если бы я брал готовые трусы, то талию пришлось бы ушивать примерно дюймов на шесть. Быть может, правильнее следовало бы сказать так: в НХЛ мало, вернее, вовсе нет хороших конькобежцев с тонкими ногами.

Коньки

Начиная с тех пор, как друг моего отца мистер Фернье подарил мне первые в моей жизни коньки, я обычно получал новые примерно раз в три года. Время замены наступало тогда,

когда отец видел, что мои пальцы готовы вот-вот проткнуть носки старых ботинок, и тогда он отправлялся в магазин, чтобы приобрести мне новые коньки с ботинками номера на три-четыре больше моего размера. В те дни хорошие коньки с ботинками стоили двадцать пять-тридцать долларов. Сейчас не каждая семья может позволить себе роскошь менять коньки мальчишке ежегодно, потому что цена на них поднялась до семидесяти пяти — ста двадцати пяти долларов. Правда, в последнее время популярными стали пункты обмена коньков, поэтому родителям уже не надо каждый сезон тратить такие деньги, особенно если хоккеист в семье не один. Пункты обмена коньков создаются при общественных и городских катках и действуют следующим образом: когда коньки становятся хоккеисту малы, он приносит их на обменный пункт, платит небольшую сумму (обычно пять или десять долларов) и меняет их на другие, которые ему впору. Полученные по обмену коньки, конечно, не совсем новые, но зато они по ноге и, главное, родителям не придется залезать в долги.

Тщательно подбирайте новую пару коньков, будь то в магазине или на обменном пункте. Примерьте несколько пар, пока не почувствуете, что ноге в ботинке удобно. Важно, чтобы пальцы не упирались в носок ботинка. В противном случае удар шайбы прямо по носку ботинка может причинить ужасную боль и даже привести к перелому пальцев ноги. Кроме того, важно, чтобы у ботинок были жесткие носки, надежно защищены лодыжки и сухожилия, лезвия прочно припаяны, а коньки крепко прикреплены к ботинку. Следует обратить внимание и на заточку коньков. Некоторые молодые хоккеисты плохо бегают и неумело выполняют повороты из-за того, что слишком большая поверхность лезвия конька соприкасается со льдом. При беге я отталкиваюсь ото льда участком лезвия длиной около одного дюйма, остальная часть служит у меня так называемой «качалкой» для маневрирования. Выбирая коньки, проверьте, годятся ли вам их лезвия. Для этого, взяв по коньку в руку, плотно приставьте их лезвиями друг к другу. Если участок, которым они соприкасаются, длиннее полутора дюймов, вам, скорее всего, будет трудно кататься и совершать повороты. В сезон я обычно изнашиваю не менее двух пар коньков. Получив новую пару, я не тороплюсь натянуть их на ноги и выйти на лед. Ни в коем случае. Как и все хоккеисты, я весьма тщательно прилаживаю новую пару, привыкаю к ботинкам и лезвиям. Вначале я надеваю коньки и затягиваю шнуровку довольно свободно. Затем ставлю ноги в таз с горячей водой и держу до дех пор, пока не размякнет кожа ботинок. Когда нога привыкнет к ботинку, я выхожу на лед и около часа тренируюсь. На

следующий день вся эта процедура повторяется. После этого я вытираю коньки и вешаю ботинки сушиться. Теперь я могу быть уверен, что в этих коньках мне будет очень удобно. Тем не менее я не рискну выйти на игру в новых коньках, покуда не испробую их на нескольких тренировках.

Подобно большинству хоккеистов, я люблю, чтобы ботинки плотно сидели на ноге, служили как бы ее естественным продолжением, и хотя я ношу обычную обувь восьмого с половиной размера, коньки предпочитаю на половину размера меньше. Кроме того, я надеваю коньки на босу ногу. Благодаря этому я лучше чувствую и ботинок, и конек. Выходя на лед, я должен строго контролировать каждое свое движение и не хочу, чтобы что-нибудь мешало.

В отличие от большинства игроков я не затягиваю туго шнуровку и не продеваю шнурки в три верхних отверстия ботинка. Мне так легче двигаться, и я чувствую себя свободнее. Ничто не связывает меня. Стоит же мне зашнуровать ботинок доверху, сразу создается ощущение, будто нога заключена в гипс, вследствие чего у меня резко падает подвижность.

Должен сразу предупредить: я не советую начинающим хоккеистам именно так шнуровать ботинки. За годы катания на коньках у меня хорошо укрепились голеностопные суставы. Тем же, кто стал на коньки недавно, необходима дополнительная жесткость в голе-ностопе, ее можно достигнуть, туго зашнуровав ботинок до самого верха. Кстати, даже в НХЛ немало профессионалов, которые нуждаются в этих супинаторах и предпочитают шнуровку доверху. Это, пожалуй, самый наглядный пример того, что годится мне и большинству профессиональных хоккеистов и не подходит молодым игрокам. И еще один подобный пример. Я многие годы не пользуюсь защитными накладками для голеностопного сустава, так как чувствую себя в них неуклюже. Но начинающим игрокам выходить без них на лед непозволительно. Роль этих защитных накладок у меня исполняют утолщенные языки ботинок, большей, чем принято, длины, которые я пропускаю под щитки. Это как-то спасает меня от травм, хоть мне, как защитнику, все-таки следовало бы пользоваться нормальным инвентарем.

Я люблю выходить на лед в хорошо наточенных коньках. Чем острее лезвия, тем лучше удаются повороты и сильнее получается толчок при старте с места. Я отдаю в точку коньки перед каждой игрой и почти перед каждой тренировкой, хотя это едва ли нужно делать начинающим хоккеистам. Хорошо заточенная кромка лезвия конька не затупится после двух или трех продолжительных периодов катания. А то и дольше. Кстати,

игрок детройтской команды "Рэд уингз" Алекс Дельвеччио точил свои коньки только раз в месяц, однако не было случая, чтобы по этой причине он когда-нибудь падал.

Чтобы проверить, хорошо ли заточены коньки, нужно провести ногтем большого пальца по кромке лезвия сверху вниз. Если при этом с ногтя снимается тонкая стружка, значит, коньки острые. Можно также выйти на лед и сделать несколько рывков и остановок. Если при старте и резком торможении с остановкой вы потеряете равновесие, значит, коньки надо точить.

Игроки НХЛ не пользуются чехлами для лезвий, потому что мы выходим на лед по резиновым дорожкам, а пол в раздевалках покрыт прорезиненной плиткой или толстым ковром. На обычных же катках этих удобств нет, поэтому до выхода на лед обязательно надевайте на лезвия чехлы. Не забудьте их вовремя снять, иначе первый шаг по льду закончится падением.

Техника

Не понимаю одного: почему многие родители упорно покупают своим детям коньки с парными лезвиями. Они, вероятно, думают, что на таких коньках их дети скорее научатся сохранять равновесие и будут реже шлепаться на лед. Может быть, и так, но двухполозные коньки лишь оттягивают неизбежное: независимо от предыдущих приключений на льду юные игроки будут все равно падать бесчисленное количество раз, когда впервые наденут обычные хоккейные коньки. Упав в семимиллионный раз на реке в Пэрри-Саунде, я перестал вести этому счет. Не умея сохранять равновесие, кататься, конечно, вы не сможете. Вспомните, как малыши учатся делать первые самостоятельные шаги. После многих фальстартов это получилось само собой. Чувство равновесия также приходит исподволь, после нескольких занятий на льду. Один из способов заключается в том, что вы просто выезжаете на лед и после каждого падения стараетесь кататься снова и снова, то есть примерно так же, как овладевали умением ходить. Другой, менее болезненный путь состоит в том, чтобы, взявшись за спинку стула с полозьями, толкать его перед собой по льду, используя стул для поддерживания равновесия. Именно так каждым летом мы обучаем новичков в хоккейном лагере Орра-Уолтона. Я даю ученику покататься со стулом день-другой, потом подъезжаю к нему, несколько минут разговариваю, вселяя в него уверенность, а затем отбираю у него стул. Предоставленный самому себе, он, как это ни удивительно, обычно хорошо сохраняет равновесие.

Как только новичок научился сохранять равновесие на льду, я начинаю учить его делать это на одной ноге. Ведь когда вы бежите на коньках, одна нога всегда находится в воздухе, верно? Поэтому я заставляю мальчишку катиться на одной ноге, держа при этом другую на весу просунутой под колено клюшкой. Или он у меня едет спиной вперед, скажем, на левой ноге, держа на весу правую. Как ни странно, но чувство равновесия развивается скорее всего при катании на обычных городских катках без клюшки в руках. Все игроки используют клюшку для опоры. Катаясь без клюшки 1–2 часа в неделю, вы научитесь уверенно и без опаски маневрировать, не падая при этом в самый неподходящий момент.

Как я уже говорил, в НХЛ нет двух игроков, катающихся одинаково. Действительно, за исключением Эдди Шора, я не знаю ни одного профессионального тренера, который бы пытался научить какому-то одному стилю катания всех игроков. Шор был великий мастер катания и великий защитник в НХЛ в 1920–1930 годах; позднее он стал владельцем и тренером команды Спрингфилда в Американской хоккейной лиге. По какой-то причине Шор был убежден, что игроки должны кататься так, чтобы между лезвиями коньков было ровно одиннадцать дюймов, а корпус постоянно находился в наклонном положении. Шор во время тренировок шел на любые-крайности, чтобы добиться своей цели. Выпуская игроков на лед, он связывал их ноги веревкой, чтобы лезвия коньков не раздвигались шире этих одиннадцати дюймов. После чего он сажал их на складные стулья и заставлял кататься по площадке.

Запомните главное: нужно усваивать основные принципы катания и применять их в той форме, которая наиболее удобна для вас. Не копируйте ничьего стиля бега. У Фила Эспозито ноги, вероятно, на пять-шесть дюймов длиннее моих, поэтому его естественный шаг значительно длиннее моего. Я выглядел бы довольно глупо, если бы во время раскатки пытался подстраиваться под каждый шаг Эспозито. Возможно, на каждые три шага Фила мне пришлось бы делать четыре, а то и пять шагов. Честно говоря, я не знаю. Задача заключается в том, чтобы добежать в точку А, Б или какую-либо другую так быстро, как только смогут донести тебя ноги. Широкий шаг, короткий или переменный — это не столь уж важно. Примчаться в нужное место как можно скорее-вот что имеет значение в хоккее.

Сейчас я расскажу, как катаюсь сам. Временами, правда, я инстинктивно меняю технику бега, но перемены этой не осознаю. В общем, вот, кажется, как я катаюсь. Как я хочу бегать на коньках. Наконец, как мне нужно это делать.

Когда я стою на льду, мне всегда кажется, что стопы моих ног слегка развернуты. Почему? Вероятно, мне так удобно, а может быть, потому, что я слегка кривоногий. Тем не менее, если бы я когда-нибудь попытался тронуться с места из этого положения "носки внутрь", я бы споткнулся о свои ноги и растянулся на льду. Поэтому перед стартом я развожу носки коньков под нужным углом в направлении движения. Другими словами, носки моих ботинок, словно стрелки часов, установлены в положении "без десяти два". Я не смотрю на ноги, чтобы убедиться, правильно ли они расположены для начала движения. Это делается как бы автоматически, что обусловлено годами постоянных тренировок. Как видите, это положение обеспечивает прочную и устойчивую базу для начала собственно бега. Я правша, поэтому, как мне кажется, я должен быть также и «правоногим». Как и все люди, я склонен чаще пользоваться своей так называемой предпочтительной стороной. Мне кажется, что легче открывать дверь правой рукой, а не левой. И мне всегда значительно легче выставить вперед правую ногу, нежели левую. Почему? Не знаю, но факт остается фактом: мне удобнее пользоваться своей правой стороной. Соответственно я считаю свою правую часть тела более сильной.

Поэтому, стартуя с места, я первый толчок всегда делаю правой, более мощной ногой. Мне легче поднять правую ногу, чем левую. В течение первых двух-трех толчков, когда я стараюсь набрать ход за счет работы бедер, я больше бегу, нежели скольжу. При этом я делаю упор на пальцы ног (как спринтер в момент старта на 100 ярдов), занося правый конек над левым, потом левый над правым и в конце еще раз правый над левым, толкаясь, толкаясь и толкаясь. Все это время я делаю короткие, рубящие шаги, за счет чего и набираю скорость. Затем я опускаюсь с носка на стопу и постепенно увеличиваю длину шага. От старта до остановки положение моего тела неизменно.

Для лучшего равновесия, маневренности и силы толчка я слегка сгибаю колени. Как защитнику, мне доставляет удовольствие видеть на льду игроков, которые двигаются на прямых ногах. В такой стойке у них нет хорошей устойчивости, поэтому сбить их и забрать шайбу обычно не составляет для меня большого труда. Сам я слегка расставляю ноги в стороны, правда, не знаю, на какое расстояние — одиннадцать дюймов, как любил Эдди Шор, или на два фута. Что такое удобное расстояние между ногами? Попробуйте вот что. Выйдя на лед, расставьте ноги и потанцуйте. Что угодно. Моп. Флоп. Бугалу. Даже твист. Когда вы сможете станцевать один из этих танцев и сохраните при этом устойчивое равновесие на коньках, значит, ноги у вас

расставлены так, как нужно.

Во время движения я также наклоняю вперед корпус. Насколько? Это зависит от обстоятельств. Я люблю вести шайбу далеко от коньков, в противоположность Джонни Бучику, который ведет ее почти у самых ног. Чтобы вести шайбу привычным для себя образом, я должен согнуть туловище так, чтобы мне было удобно. Принимайте удобное положение, и все будет в порядке. Во время бега центр тяжести естественным образом постоянно направлен вперед. Я не раскачиваюсь в стороны — или по крайней мере стараюсь этого не делать. Никогда не допускайте, чтобы центр тяжести во время катания оставался сзади, ибо вы не сможете противостоять силовым приемам даже самых посредственных игроков. Одно из верных средств удержания центра тяжести впереди заключается в том, чтобы голова была всегда впереди коньков. Под этим я подразумеваю, что голова при выполнении шага должна вести за собой коньки. Если это происходит — а так должно быть, — ваш центр тяжести никогда не будет сзади.

Надеюсь, это не звучит слишком упрощенно. Вот послушайте. Слишком часто тренеры, работая с новичками, забивают им голову ненужными деталями. Например, говорят восьмилетнему мальчишке, чтобы он во время бега отрывал коньки ото льда точно на восемнадцать дюймов. Что прикажете делать мальчику? Приносить с собой на тренировку линейку? В принципе не существует правила, на сколько надо поднимать конек ото льда, это вопрос индивидуального выбора, который определяется ощущением удобства. Я бы советовал просто не поднимать ногу выше уровня колена, так как иначе теряется драгоценное время и силы. Не понимаю, почему тренеры внушают молодым игрокам, что качество катания во многом зависит от движения бедер. Что бы они ни говорили, работа бедер имеет второстепенное значение. Если у вас правильно работают ноги, а именно если вы создаете мощность хода за счет ягодичных мышц и при этом энергично толкаетесь передней частью ступни, то в этом случае будут автоматически работать и бедра. Помните, что вы катаетесь на ногах, а не на бедрах.

Бег лицом вперед, конечно, самый легкий элемент конькобежной техники. Давайте теперь обсудим более сложные маневры, которые приходится выполнять в каждой игре, — катание спиной вперед, повороты и остановки.

Катание спиной вперед

Как и все защитники, я двигаюсь спиной вперед примерно треть всего времени, которое нахожусь на льду. Нападающие катятся спиной вперед только тогда, когда обороняются в зоне команды противника, то есть всего 5 процентов времени, которое они проводят на льду. Вдумайтесь в то, что я только что сказал. Не будет ли весьма полезным при подготовке молодых защитников посвящать на тренировке одну треть времени совершенствованию техники бега спиной вперед? Конечно, будет. Тогда скажите, почему на раскатке тренеры не делят игроков на группы согласно их амплуа и не дают защитникам и нападающим отрабатывать те элементы бега, которые они обязаны выполнять в игре чаще всего. К сожалению, для большинства молодых защитников катание спиной вперед длится обычно только одну-две минуты: "О'кей, ребята, теперь один круг спиной вперед", — слышишь в самом конце тренировки, словно об этом вспомнили по чистой случайности. Называя вещи своими именами, следует сказать: если вы не владеете навыками бега спиной вперед так же хорошо, как и обычным бегом, вы будете просто не в состоянии четко выполнять обязанности защитника.

В конце 1960-х годов одна уважаемая команда НХЛ включила в списки игроков, которых она хотела бы приобрести, двадцатилетнего защитника по рекомендации своего компьютера. ЭВМ выдала потрясающую информацию, которая свидетельствовала о том, что физические и умственные данные юного хоккеиста соответствовали показателям идеального защитника, запрограммированного в машине. Как выяснилось, этот идеальный защитник падал на заднее место каждый раз, когда пытался ехать спиной вперед. Хотя, конечно, что машины могут знать о катании спиной вперед!

Я стою на синей линии в ожидании паса из угла площадки. Однако левый крайний команды соперников, правильно оценив обстановку, перехватил шайбу и начал продвижение вперед. Поворачиваюсь ли я и несусь, как сумасшедший, к другой синей линии, чтобы там вновь развернуться и поджидать левого крайнего? Конечно, нет. Сделав так, я бы на несколько секунд выпустил из виду шайбу, и вполне вероятно, что левый крайний мог успеть передать ее другому игроку, пока я делал все эти маневры. Большим преимуществом катания спиной вперед является то, что шайба всегда находится в поле зрения, так же как владеющий ею игрок и большинство других хоккеистов. Поэтому, если левый крайний все-таки перехватывает адресованный мне пас, я начинаю быстро откатываться в свою зону спиной вперед.

В моем первом движении участвуют одновременно и таз и колени. Колени я сгибаю так, что бедра находятся почти

параллельно льду. В это время колени находятся либо точно над носками коньков, либо слегка выдаются вперед. В отличие от обычного бега катание спиной вперед требует резкого «ерзающего» движения таза из стороны в сторону для того, чтобы получилось необходимое серпантинное качение назад — коньки при этом слегка отрываются ото льда. В противоположность обычному катанию, перед тем как тронуться с места, я не устанавливаю свои ноги в положении стрелок часов "без десяти два", а ставлю коньки почти параллельно. Поскольку движения мне легче выполнять правой ногой, и она сильнее левой, я отталкиваюсь внутренним ребром правого конька и делаю маховое движение бедром влево, создавая тем самым движение слева направо. В зависимости от того, насколько длинным мне нужно сделать первый толчок, я врезаюсь лезвиями коньков в лед и продолжаю движение назад, отталкиваясь внутренним ребром левого конька, наклоняя бедра вправо. Во время каждого толчка ноги идут почти вместе, но никогда не касаются друг друга. Я стараюсь поддерживать постоянное положение туловища: ноги согнуты в коленях, бедра параллельны льду. Равновесие сохраняется за счет наклона корпуса и положения головы.

Я заметил одну общую ошибку у молодых защитников-они просто скользят, а не бегут спиной вперед. Между тем это не одно и то же. Во время скольжения вы не в состоянии полностью контролировать свои движения. Тогда как при беге спиной вперед вы создаете мощность, движение, направление, то есть управляете тем, что делаете.

Маневрирование

По какой-то странной причине в североамериканском хоккее нет ни одного игрока (может быть, он и есть, но я его никогда не видел), выполняющего левый поворот сразу после выхода на лед с последующим движением по. часовой, стрелке. Есхи бы нокичок w› время тренировочного сбора «Брюинс» решил прокатиться прогулочным шагом по ходу часовой стрелки, его тут же сбила бы толпа из двух дюжин хоккеистов, привычно движущихся в противоположном направлении.

Как вы, наверное, догадались, у хоккеистов тоже есть свои привычки. Вероятно, когда-то первый тренер по хоккею на самой первой тренировке приказал первой хоккейной команде кататься справа налево, что стало неписаным правилом, сохранившимся еще с тех далеких дней. Это катание по часовой стрелке привело к тому, что игроки, как правило, довольно свободно выполняют

маневрирование справа налево, однако либо спотыкаются, либо начинают бесцельное скольжение, когда им необходимо повернуть в другую сторону. Есть три основных маневра, которые я выполняю в процессе игры: бег по радиусу вокруг ворот, переход на бег спиной вперед и крутой поворот-и все это должно делаться уверенно и точно.

Бег по радиусу

Тренеры часто говорят, что один из их игроков предпочел "туристский маршрут" в той или иной игровой ситуации и позволил своему подопечному забить легкий гол. Они имеют в виду, что вместо энергичного отталкивания при движении за воротами игрок предпочел длинное бессмысленное скольжение по большой дуге. Скольжение вокруг ворот в процессе игры всегда чревато риском. Движение за воротами по часовой стрелке является более трудным маневром, нежели в противоположную сторону, главным образом из-за того, что моя более мощная правая нога является опорной. Во время движения за воротами сила и точность выполнения поворота достигается за счет работы другой ноги. По этой причине мне, как и большинству игроков, значительно легче выполнять поворот влево, чем вправо, так как правая нога в этом случае движется с внешней стороны дуги. В течение игры мы совершаем за воротами, поьвдтайому, одинаковое количество поворотов влево и вправо, поэтому на тренировках им также уделяем одинаковое внимание.

Техника выполнения этих маневров одна и та же независимо от того, в какую сторону вы катитесь. Когда я начинаю свое движение за воротами, то переношу тяжесть тела на внешнее ребро конька опорной ноги и наклоняю туда же туловище. Вместо того чтобы просто катиться за воротами, я ставлю внешнюю ногу-правую или левую, в зависимости от направления движения-впереди внутренней и сильно толкаюсь внутренним ребром конька. Слишком сложно? Вовсе нет, если только раз попробовать. Задача лишь в том, чтобы развить скорость и мощь за счет толчка «внешней» ноги. Как только я заканчиваю объезд ворот, меня как бы выбрасывает вперед. Мне не нужно стартовать заново, скорость я уже набрал. Естественно, что самой трудной частью поворота вокруг ворот является правильная работа внешней ноги. Не держите ее в воздухе. Управляйте ею. Передвигайтесь сильными укороченными шагами. Стремитесь обогнуть ворота по самому короткому радиусу. Если, например, я начинаю делать поворот, находясь в двадцати пяти футах от

ворот на лицевой линии, то это вовсе не значит, что я выскочу с другой стороны их на таком же расстоянии. Временами я закладываю столь крутые виражи, что едва не спотыкаюсь о заднюю часть каркаса ворот, а бывало и так, что я и в самом деле падал на сетку ворот. И тем не менее в конце виража мне совершенно не хочется оказаться где-то в углу площадки. Это пустая трата времени и сил, а самое печальное — может стоить моей команде гола.

Поворот «улитка»

Это самый сложный маневр, который защитнику приходится выполнять во время игры при движении спиной вперед. Представьте себе такую ситуацию. Я откатываюсь назад в то время, как соперники нападают втроем против двоих. Как только центрфорвард достигает синей линии, он сильно посылает шайбу в правый от меня угол, надеясь, что его левый крайний окажется у нее быстрее меня и выложит ему пас на «пятачок». Сложность моего положения заключается в том, что левый крайний соперника имеет передо мной явное преимущество, так как он двигаегся вперед, а я отступаю. Если я не сделаю быстрого поворота вперед без потери скорости, то он без труда будет у шайбы раньше меня. Для того чтобы повернуть вправо, я инстинктивно слегка выдвигаю правую ногу, перешагиваю через нее левой и ставлю ее на лед точно в направлении шайбы. Затем *я отталкиваюсь внутренним ребром левого конька, вывожу вперед правую ногу и ставлю ее рядом с левой: я готов к борьбе. При выполнении такого поворота очень важно не потерять равновесия. Для этого в самом начале, когда я ставлю правую ногу в нужном мне направлении, я сознательно разворачиваю плечи в сторону шайбы, а ноги уж следуют за ними.

Крутой разворот

Этот маневр применяется и нападающими, когда они преследуют соперников, и защитниками, когда те держат оборону перед воротами. К примеру, если Грегг Шеппард опекает центрфорварда соперника и тот неожиданно отдает шайбу партнеру по команде, то Греггу некогда делать остановку, разворачиваться и начинать все сначала. Тем более он и думать не может о развороте по большому радиусу-"туристскому маршруту". В защите, если вратарь отбил шайбу и она оказалась в

нашей зоне за моей спиной, я должен сделать молниеносный разворот, чтобы вывести ее из опасного места. Для этого я наклоняю тело в требуемом направлении, делаю дугообразное движение на внешнем ребре внутреннего конька и ставлю перед ним внешнюю ногу. Предположим, мне надо повернуть вправо. Я просто наклоняю тело вправо, вращаюсь на внешнем ребре правого конька, подтягиваю и ставлю левую ногу перед правой. Разворот закончен. Крутизна разворота зависит от радиуса дуги. Радиус дуги тем меньше, чем круче должен быть разворот.

Торможение

Существует много разных способов торможения на льду. И действительно, как только не приходится тормозить во время игры. Но, делая остановку, я всегда стараюсь принять такое положение, которое позволило бы мне незамедлительно тронуться в каком-либо другом направлении. Если мне предстоит затормозить из движения вперед, то я предпочитаю сделать это на двух коньках. Это означает, что в процессе торможения участвуют оба конька. И хотя надо уметь тормозить как левой, так и правой ногой, я все-таки предпочитаю делать это правой ногой, поскольку она у меня сильнее. Для остановки я одновременно: 1) слегка разворачиваю корпус влево или вправо; 2) несколько отклоняю тело назад; 3) ставлю коньки в том же направлении, что и корпус, и 4) врубаюсь коньками в лед, поднимая целый столб ледяной крошки. После остановки я отталкиваюсь правой ногой в любом направлении. Очень часто во время игры из-за непредвиденных ситуаций приходится тормозить одним коньком. В этом случае тело и конек совершают такие же движения, и я торможу внутренней стороной конька, а затем трогаюсь, отталкиваясь той же ногой. Иногда приходится тормозить и внешней стороной конька, но я стараюсь свести такие случаи к минимуму. Почему? Попробуйте сами. Вы убедитесь, что если тормозить так, то можно легко потерять равновесие, а ведь из неустойчивого положения нельзя принять хороший старт. Как защитнику, мне приходится часто тормозить и останавливаться при движении спиной вперед. Любопытно, что такие остановки не составляют большого труда. Я либо ставлю коньки в положение «у», врезаясь внутренней кромкой коньков в лед, либо торможу так же, как при движении лицом вперед.

В конце книги в главе "Общефизическая подготовка" перечисляется ряд отличных упражнений, которые помогут вам улучшить свое катание, если вы добросовестно к этому

отнесетесь.

Глава III
Владение клюшкой

Я слышал, что знаменитый игрок в гольф Арнольд Палмер держит у себя в кладовой чуть ли не пять тысяч клэбов — клюшек для игры в гольф. И каждую из них он самолично подгоняет под свой вкус. Поверьте, столько хоккейных клюшек я не храню, более того, у меня дома даже и двух клюшек не найдется, не говоря уж о молотках, сверлах и прочих инструментах для их обработки. Но я отлично понимаю, почему Палмер так поступает. Как и он, я отношусь к своим хоккейным клюшкам с особым вниманием. Перед игрой я проверяю каждую из них: дает ли она то ощущение, которого я добиваюсь. И по весу, и по виду клюшка может быть вполне подходящей, но руки почему-то ее не чувствуют. С такой клюшкой я на игру не выйду.

Представьте, чего только не приходится делать при помощи клюшки: и поддерживать равновесие, и вести шайбу, и делать передачи, и принимать их, и бросать шайбу, и прерывать передачи. Иными словами, кроме катания, все остальное выполняется с помощью клюшки. В этом смысле клюшка как "орудие труда" лишь немногим уступает конькам. Поэтому-то я так придирчиво выбираю себе клюшку.

Выбор клюшки

И здесь тоже общепринятые нормы профессиональным хоккеистам не подходят. Почему же так происходит? Потому, видимо, что за годы почти повседневных занятий хоккеем у нас выработались индивидуальные особенности, не соответствующие этим нормам. Например, по традиции клюшка считается правильной длины, если поставленная на кончик крюка между коньков игрока она противоположным концом упирается ему в подбородок. Если же игрок стоит в обычной обуви, то клюшка должна доставать ему до носа. Я же предпочитаю клюшку, которая достает мне до плеча, когда я на коньках, или до нижней губы, если обут в обычные ботинки. Все дело в привычке. Кен Ходж из команды «Брюинс» значительно выше меня ростом, но клюшки у нас примерно одной длины. Но я бы никогда не стал играть клюшкой Айвена Курнуайе или Майка Уолтона: они так коротки-всего лишь по грудь им, — что и десятилетним малышам было бы, пожалуй, трудно пользоваться такими клюшками.

Однако как тот, так и другой прекрасно ими орудуют, о чем говорят и их хоккейные рекорды.

Изготовители клюшек утверждают, что я капризный заказчик, так как люблю, чтобы при небольшом весе у клюшки была жесткая палка. Обычно у легких клюшек гибкие палки, а у тяжелых жесткие. Я же предпочитаю сочетание легкого с жестким. Все мои клюшки делаются на заказ и весят чуть меньше полутора фунтов. Перед игрой я проверяю свои клюшки на жесткость. Если при давлении сверху вниз палка сильно прогибается, то такая клюшка мне не подходит. Я возьму на игру ту из них, которая не очень гнется.

Я держу клюшку ниже, чем другие, и при катании стараюсь, чтобы крюк и шайба находились далеко впереди коньков. Крюк и палка клюшки образуют угол, величина которого говорит, пологая клюшка или крутая. Угол клюшки определенным образом нумеруется. Все игроки «Брюинс» пользуются номерами 5, 6 или 7, кроме вратаря, угол клюшки которого бывает где-то между 10-м и 14-м номерами.[7] Выбор величины угла зависит от индивидуальных особенностей игрока. Эспозито, например, — игрок высокого роста и катается выпрямившись, поэтому клюшка у него крутая. Она к тому же и вдвое тяжелее моей-как боевая дубинка. Грегг Шеппард ведет шайбу далеко от себя, и клюшка у него с углом 5. Каких-то точных правил опеределения угла не существует, и чтобы подобрать подходящую клюшку, нужно просто выйти на лед на коньках и выбрать такую из них, которая окажется самой удобной для вашей манеры катания. Никогда не следует пробовать клюшку в обычной обуви или без обуви вообще-ведь в хоккей играют на коньках, что делает вас на несколько дюймов выше. Два практических совета: во-первых, если, выйдя на лед, вы обнаруживаете, что при данном угле ваши руки держат клюшку выше или ниже привычного для вас места, значит, эта клюшка вам не подходит; во-вторых, в нормальном для вас положении крюк клюшки должен полностью соприкасаться со льдом; если же этого не происходит, то клюшка вам не годится. К сожалению, многие родители любят дарить своим детям клюшки, не заботясь о том, подходят они им или нет. Часто приходится видеть, как ребятишки орудуют клюшками большей, чем они сами, величины или такими, у которых крюк упирается в лед только пяткой или носком. Правильно выбранная клюшка стоит ровно столько же денег. Но обрабатывать шайбу правильной клюшкой гораздо удобнее.

Большинству начинающих хоккеистов невдомек, что крюки клюшек могут быть разной длины и ширины. Согласно официальным нормативам, длина крюка от пятки до носка не

должна превышать двенадцати с половиной дюймов, а ширина должна быть не менее двух и не более трех дюймов. Длина крюка моих клюшек десять с половиной дюймов, а ширина-два с половиной. Мне кажется, что такой укороченный и узкий крюк позволяет мне лучше контролировать шайбу и делать точные передачи, да и броски получаются более меткими, потому что уменьшается поверхность крюка. Честно скажу, когда шайба у меня на клюшке, я чувствую ее, и это главное, что определяет выбор хоккейной клюшки. Если, ведя шайбу, вы ее постоянно теряете, а броски ваши становятся неточными, попробуйте сменить клюшку, и, быть может, это поможет вам. Я даже уверен в этом. Больше всего вреда принесло хоккею повальное увлечение клюшками с искривленным крюком, охватившее игроков в середине шестидесятых годов. Только поймите меня правильно. Если Бобби Халлу нравится играть клюшкой, похожей на бумеранг, это его дело.

Если у клюшек Стэна Микиты, Фила Эспозито и Рода Жильбера сильно изогнуты крюки, это тоже их дело. Они ежедневно занимаются хоккеем и почти в совершенстве овладели искусством обращения с такими клюшками. Но когда клюшку с изогнутым крюком берет в руки новичок, это идет ему только во вред, потому что нацеливает его только на бросок в ущерб технике совершения передач и владения шайбой. Хуже того, большинство начинающих хоккеистов, да и многие профессионалы НХЛ, не умеют толком совершать прицельные броски изогнутым крюком, а лишь швыряют шайбу в направлении ворот, надеясь просто-напросто застать вратаря врасплох. Загнутым крюком почти невозможно выполнить бросок с «неудобной» стороны. Я заметил, что в самый разгар увлечения загнутыми крюками немало наших профессионалов оказалось в полосе невезения: их лучшие броски летели в сектор Б, ряд 3, место 9 второго яруса. Затем НХЛ резонно ограничила величину загиба крюка, постановив, что искривление не должно превышать половину дюйма. И вот сейчас игрок, вышедший на лед с нестандартной клюшкой, тут же удаляется на две минуты и штрафуется на сто долларов. Это у всех отбило охоту шельмовать. И по-моему, не случайно, что вслед за введением этого ограничения некоторые игроки НХЛ сразу же вошли в число лучших бомбардиров. Например, Вик Хэдфилд, выступавший тогда за "Нью-Йорк рейнджере", тут же вдвое превысил результат своего предыдущего сезона, забросив 50 шайб и установив рекорд команды.

Крюк моей клюшки изогнут менее чем на четверть дюйма у самого носка, и сделано это не ради того, чтобы было удобнее

бросать. Как защитнику мне приходится очень много орудовать клюшкой при отборе шайбы и часто доставать шайбу из углов поля. Пользуясь клюшкой со слегка изогнутым крюком, гораздо легче контролировать шайбу, а для защитника очень важно уметь хорошо контролировать шайбу. Легко догадаться, что я советую начинающим хоккеистам не пользоваться клюшками с загнутым крюком, покуда они не научатся как следует обращаться с подобными клюшками и уж, конечно, пока не выйдут из детского возраста. Ну а если вы центральный нападающий, то вам ни в коем случае не следует пользоваться такой клюшкой. Центрфорвард «питает» шайбами левого и правого нападающих, и если окажется, что у «центра» левый хват и пользуется он клюшкой с загнутым крюком, не представляю, как он сможет выполнить точный пас левому крайнему тыльной стороной крюка. Кроме того, центральному нападающему нередко приходится гоинимать пас от ворот у «пятачка» неудобной стороной клюшки и стремиться при этом о" дать шайбу в одно касание, чтобы обыграть вратаря, так что у него просто нет времени пфеложить шайбу на другую сторону клюшки. И вообще, бросок тыльной стороной должен быть едва ли не главным оружием центр-ф)рварда. За время своей славной карьеры в НХЛ игрок «Канадиенс» Жан Беливо забросил более пятисот шайб, и, по его подсчетам, примерно сто пятьдесят было забито иленно из неудобного положения. Беливо всегда играл клюшкой с прямым крюком.

Подготовка клюшки

В Национальной хоккейной лиге насчитывается примерно триста шестьдесят игроков, и, думаю, можно смело сказать, что лишь очень немногие из них прочли официальные правила лиги от корки до корки. И вот однажды, в октябре 1972 года, перелетая с командой «Брюинс» на очередную игру в какой-то новый город, я от нечего делать стал лениво листать брошюру с правилами. Просмотрев Раздел третий (Экипировка хоккеиста-клюшки), правило 20, пункты «а», "Ь" и «с», я подумал, что, видимо, пропустил одно конкретное положение. Тогда я внимательно перечитал правило 20 и, не найдя там того, что искал, стал просматривать другие разделы книжки. Увы, все бесполезно. В результате я первым из игроков НХЛ перестал обматывать крюк клюшки изоляционной, лентой.

Подобно всем моим коллегам, я полагал, что правила обязывают нас обматывать клюшку лентой, и покрывал ею

примерно десятую часть поверхности крюка. Обнаружив, что в правилах ничего об этом не говорится, я обратился к руководству Лиги за разъяснением. Выяснилось, что делать это вовсе не обязательно. В прежние времена лента применялась для придания крюку клюшки прочности. Сейчас же крюк покрывается слоем синтетического материала, и поэтому нужда в укрепляющем слое изоляционной ленты отпала.

Что до меня, то вопрос об обмотке крюка лентой сводится к одному: как я «чувствую» клюшку. Предложите мне две одинаковые клюшки — одну со слоем ленты на крюке, другую-без ленты, и мне кажется, я сумею их отличить. По-моему, лента лишь утяжеляет клюшку. Вскоре после того, как я перестал обматывать свои клюшки, я заметил, что моему примеру последовали и другие хоккеисты. Один спортивный журналист даже повел счет тем, кто перестал пользоваться лентой, и к середине сезона 1973–1974 года он насчитал более ста игроков. С другой стороны, два лучших бомбардира НХЛ-Фил Эспозито и Айвен Курнуайе-обматывают не просто какой-то участок крюка, а покрывают его лентой целиком-от пятки до носка. Возможно, Фил и Айвен придерживаются старого представления, что на темном фоне ленты черную шайбу трудно различить, в результате чего вратарь на мгновение может потерять ее из виду. Учитывая количество заброшенных ими шайб, я не стану оспаривать их точку зрения. Однако сам предпочитаю не пользоваться лентой, чтобы клюшка была полегче.

Хотите верьте, хотите нет, я как-то забросил шайбу как раз тогда, когда впервые вышел на лед с необмотанной клюшкой. Мы играли против "Нью-Йорк айлендерс" в Нью-Йорке, когда после трехнедельного перерьша из-за травмы колена я снова вернулся в команду «Брюинс». В середине первого периода в зоне «Айлендерс» справа от вратаря состоялось вбрасывание, и наш тогдашний тренер Том Джонсон впервые выпустил меня на поле. Я выбрал позицию напротив ворот примерно в десяти футах от синей линии, и Фил Эспозито, выигравший, как всегда, вбрасывание, послал шайбу ко мне. Я в это время слегка скользил по льду — прекрасное положение для щелчка, — поэтому я отвел клюшку назад и щелкнул по шайбе и потом видел, как она, не коснувшись ни одного игрока перед воротами, влетела в сетку над правым плечом вратаря. Удача.

Я не люблю давать советы вратарям, потому что сам никогда не защищал ворота и не собираюсь этого делать в будущем. Однако я думаю, что вратарям следует обматывать крюк своих больших клюшек ярко-белой лентой. Почему? Как известно, шайба-черного цвета, и нередко она катится прямо в створе

ворот, а вратарь отчаянно старается отбить ее прочь. Если бы крюк его клюшки был обмотан белой лентой, ему было бы легче различить шайбу на белом фоне крюка.

Хотя крюк клюшки лентой я не обматываю, на верхнюю часть палки я наматываю три слоя белой ленты там, где держу клюшку правой рукой. По двум причинам: чтобы удобнее было с ней обращаться и лучше ее чувствовать. Очень часто во время игры клюшку выбивают из рук, и она падает на лед. Вам когда-нибудь приходилось в хоккейных перчатках подбирать со льда обычную клюшку? Это очень не просто сделать, потому что выступающая часть перчаток на кончиках пальцев упирается в лед и не дает руке захватить рукоять клюшки. Остается лишь снять перчатку и подхватить клюшку голой рукой. Клюшку легко выронить во время броска или при столкновении, потому что ее рукоять обычно бывает очень скользкой, так же как и внутренняя поверхность перчаток. Большинство игроков решают проблему просто: на кончик палки насаживают прорезиненный набалдашник или наматывают на него целый рулон ленты: благодаря этому набалдашнику палка клюшки не касается льда и поэтому ее легче поднять. Если во время броска или при столкновении клюшка начинает выскальзывать у хоккеиста из рук, то благодаря набалдашнику он, наверное, еще сможет удержать ее в руках. Но я набалдашником не пользуюсь, потому что мне он кажется слишком громоздким, мешает манипулировать клюшкой. Поэтому-то я наматываю три слоя ленты на рукоять клюшки, чтобы пальцы и ладонь правой руки соприкасались с лентой, а не с деревом клюшки. Благодаря этому я лучше чувствую-опять это слово-и клюшку, и шайбу, к тому же так легче действовать клюшкой. Даже такой тонкий слой ленты слегка приподнимает клюшку надо льдом, и ее легче подхватить. Хочется предупредить, что некоторые игроки вместо ленты стали применять какую-то липкую смесь, отчего клюшка просто прилипала к перчатке. Лента-достаточно хороший материал для этой цели.

Во многом я, кажется, похож на Арнольда Палмера, поскольку, как и он, люблю, чтобы руки идеально чувствовали так называемое "орудие труда". Перед каждой игрой я перебираю с десяток клюшек, проверяю их на вес, жесткость, подбираю по размеру. Выбираю пять или шесть из них, обматываю рукояти лентой и ставлю их рядом с другими "игровыми клюшками". Поверите ли, спустя четыре или пять часов, перед выходом на лед для разминки, я снова примеряю те же клюшки, что совсем недавно казались мне вполне пригодными, и обнаруживаю, что одна из них скорее напоминает молот, нежели клюшку, а вторая-

карандаш. Я лихорадочно ищу им замену. Разумеется, все это-игра воображения, не больше.

Как держать клюшку

Правило № 1: независимо от позиции всегда держите клюшку обеими руками. В каждой игре я наблюдаю, как некоторые игроки упускают явную возможность забросить шайбу из-за того, что держат клюшку одной рукой-обычно той, что держит клюшку за верхний край, — и потому не могут как следует принять пас. Кем бы вы ни были, но, если держите клюшку одной рукой, вы не примете не только сильно посланную шайбу, но и мягкий пас и не сможете надлежащим образом бросить по воротам. Как и у всех хоккеистов, моя верхняя рука положения не меняет, тогда как нижняя перемещается по палке клюшки в зависимости от того, что я делаю. Верхняя рука «контролирует» клюшку, а нижняя сообщает ей «силу». Сверху у меня, конечно же, правая рука. Я захватываю ладонью верхнюю часть клюшки, как бы здороваясь с ней. То есть, я крепко держу клюшку, плотно обхватив ее. Между ладонью и палкой нет пустоты. При этом большой палец не заходит на другие пальцы. Я стараюсь как можно прочнее держать клюшку, поэтому крепко прижимаю пальцы друг к другу, а большой палец ложится рядом с указательным. Если кто-нибудь попытается вырвать у меня клюшку, ему едва ли это удастся.

Положение нижней руки зависит главным образом от того, что я намерен делать с шайбой: вести ее, передать или бросить по воротам. При ведении я добиваюсь того, чтобы как можно лучше чувствовать шайбу на крюке, и поэтому моя нижняя рука поднимается близко к верхней — на ширину перчатки от нее. Совершая передачу, я несколько опускаю нижнюю руку — на полторы перчатки от верхней, чтобы придать броску силу, не теряя при этом точности. При броске мне необходима только сила и мощь в ущерб остальным требованиям, для чего я опускаю руку как можно ниже. Чем ниже рука, тем ближе ко льду наклонится тело и тем мощнее окажется бросок. Нижней рукой я захватываю клюшку так же прочно, как и верхней, — без просветов между рукой и палкой. Исключение составляет лишь кистевой бросок, во время которого большой палец вначале находит на указательный а при самом броске отделяется от него на некоторое расстояние и «повисает» в воздухе. При таком положении пальцев я, кажется, лучше чувствую шайбу, и мне легче производить необходимые действия кистью. Но об этом

позже.

Ведение шайбы клюшкой

Да, именно ведение клюшкой. А не дриблинг. Клюшкой ведут шайбу, а дриблингом баскетбольный мяч. Проблема заключается в том, что мальчишки часто совершают слишком много движений клюшкой во время ведения шайбы. Получив шайбу, они стремятся по нескольку раз переложить ее с одной стороны крюка на другую, да делают это так энергично, словно рубят, ожидая, видимо, возгласов одобрения. Ну а потом шайбу у них отбирает первый набежавший соперник. Чего им удалось этим добиться? Ничего. Одним из общих недостатков игроков "Монреаль канадиенс" является то, что они не очень хорошо владеют клюшкой. В «Канадиенс» не любят, когда игрок слишком долго держит шайбу; там требуют, чтобы шла игра в пас. Да, «Монреаль» исповедует, как мы говорим, игру в отрыв. Игрок, владеющий шайбой, следуя указаниям тренера, незамедлительно передает ее партнеру, бегущему впереди. Жан Беливо объяснил это однажды так: "Чем меньше ты возишься с шайбой, тем меньше у тебя шансов ее потерять". Помнится, однажды мы говорили о тех, кто мог хорошо владеть клюшкой. Кто-то из нас заметил, что в «Монреаль» таких хоккеистов было от силы два-три: Беливо, Питер Маховлич и, возможно, Анри Ришар.

Причем все они были центральными нападающими. "Да, — заметил я шутя, — всех остальных виртуозов, поскольку они не умели играть в пас, либо перепродали, либо вернули обратно в "Новую Скотию".[8]

Как атакующий защитник, я контролирую шайбу в течение продолжительного времени. Для меня владение клюшкой заключается не в том, чтобы перекладывать шайбу с одной стороны крюка на другую, извлекая при этом звук, похожий на барабанную дробь. Вместо этого я достигаю контроля легкими движениями крюка вперед-назад или просто подталкиваю шайбу клюшкой вперед. И стараюсь держать шайбу достаточно далеко перед собой, чтобы можно было видеть ее, партнеров и соперников одновременно. Мальчишки почему-то любят вести шайбу, держа ее у себя под ногами. В результате им приходится часто искать ее глазами, теряя при этом из виду партнеров и соперников. Это плохо. Держите шайбу всегда подальше от своих коньков-практически на длине клюшки. Владея шайбой, держите голову поднятой, в противном случае вас тут же собьют с ног силовым приемом.

Что мне по-настоящему понравилось в сборной команде СССР, когда она играла с командой Канады, так это необычайное умение русских хоккеистов обращаться с клюшкой. Шайбу они всегда ведут так, словно она привязана к крюку, причем делают это без зрительного контроля. Тренировке навыков обращения с клюшкой они придают столь большое значение, что включают ее даже в предыгровую разминку. По сигналу капитана команды Бориса Михайлова каждый игрок, взяв шайбу, на полной скорости в течение примерно двух минут бежит по кругу в зоне, ограниченной синей линией. Двадцать игроков несутся на головокружительной скорости, но шайб не теряют. Ведь если ты ее потеряешь, то надо будет обязательно посмотреть на лед, чтобы найти ее, а это уже чревато столкновением.

Передачи

Первое правило выполнения передачи состоит в том, что надо всегда видеть, куда ты ее даешь. Даже желторотые новобранцы знают это, во всяком случае, должны знать. Это была моя вторая или третья игра в профессиональном хоккее: «Брюинс» играла с "Нью-Йорк рейнджере" в старом "Мэдисон-сквер гарден". Я был новичком, впервые попавшим в так называемый большой город, и, конечно, страстно хотел не ударить лицом в грязь. В самом начале игры я пошел с шайбой вперед, полагая, что за мной следуют два партнера из «Бостона». Как только я достиг синей линии «Нью-Йорка», тут же услышал сзади от кого-то из своих партнеров: "Бобби, Бобби". Я, понятно, оставил ему шайбу, а сам продолжаю бежать вперед, чтобы добить возможный отскок после его броска. Броска, однако, так и не последовало. А игроком, звавшим "Бобби, Бобби", оказался Вик Хэдфилд из «Рейнджере». Когда я наконец обернулся, чтобы узнать, что с шайбой, то увидел, что она у Хэдфилда, и он вот-вот забросит ее в мои собственные ворота. "Шайбу забросил Хэдфилд, № 11, с подачи Орра, № 4". Я ехал на скамейку с опущенной от стыда головой, пытаясь припомнить, во сколько уходит последний нью-йоркский поезд на Пэр-ри-Саунд.

Насколько важна передача? Настолько, что это своего рода искусство, а не ремесло. В каждом сезоне в НХЛ забивают примерно 4000 голов, причем 99,44 процента из них после передач. Хороших, острых передач от партнеров и пасов, перехваченных у соперников. Я знаю, что не случайно лучшую игру в пас показывают те хоккеисты, которые играют вместе долгое время. Так же как не случайно именно такие команды

выходят на первое место или выигрывают Кубок Стэнли. Например, «Канадиенс» всегда была одной из лучших, если не самой лучшей командой в хоккее в смысле игры в пас. Причиной тому, уверен, было то, что в основной состав редко брали более трех-четырех новичков. Возьмите "Брюинс".

В 1967 году Гарри Синден создал три постоянные тройки и две пары защитников и заставил всех привыкать друг к другу. В одном звене играли Фил Эспозито в центре, Кен Ходж и Рон Мерфи на краях, в другом-Фред Стэнфилд с крайними нападающими Джонни Бучиком и Джонни Маккензи, а в третьем дебютант Дерек Сен-дерсон играл с крайними Эдом Уэстфоллом и Эдди Шэком. В защите Дон Оури играл в паре с Тедди Грином, а я-с Далласом Смитом. В течение последующих пяти сезонов «Брюинс» дважды выигрывала чемпионат, один раз разделила первенство и дважды выиграла Кубок Стэнли. Причем за эти пять сезонов мы сделали лишь три настоящие замены в составе: Уэйн Кэшмен заменил закончившего выступать Мерфи в звене с Хеджем и Эспозито; Майк Уолтон, Уэйн Карлтон и Дон Маркотт постоянно играли на левом краю в разное время в звене с Сендер-соном и Уэстфоллом; а Рик Смит и Кэрол Вадне выступали попеременно в защите с Тедди Грином. Легче выигрывать, когда ты привык к партнерам, о чем говорят и итоги выступлений нашей команды за эти годы. Опыт работы Синдена с «Брюинс» в 1967 году должен явиться хорошим уроком и тем многим неопытным тренерам-общественникам, которые работают с детскими командами. Слишком многие тренеры постоянно меняют составы своих звеньев в поисках правильного сочетания троек. Тем самым они никогда не дают игрокам возможности выработать навык коллективной игры на льду, без которого звено не может быть эффективным.

Вот что я вам скажу. Даже Эспозито потребовалось время, чтобы выучиться: куда, когда и как надо отдавать пас Ходжу и наоборот. Я играл с Далласом Смитом вместе почти семь лет, и хотя за это время у нас появилась некая «телепатия» на льду, тем не менее временами кто-то из нас делал вдруг нечто абсолютно новое и совершенно неожиданное. Как же тренеры могут ожидать, что их девятилетние правые крайние будут знать, что их восьмилетний партнер по тройке сейчас сделает на красной линии финт влево, пойдет вправо, повернется спиной, сделает ускорение, выйдет на свободное место и будет ждать пас от борта, если раньше эти ребята никогда не выходили вместе на лед. На это нужно время. В любой игре я обычно выполняю четыре вида передач своим партнерам. Во всяком случае, я надеюсь, что мои партнеры всегда получают их от меня. Когда я

передаю шайбу вперед или назад, то стараюсь сделать это плавным движением.

Секрет передач удобной и неудобной стороной крюка состоит в том, чтобы шайба всегда лежала на льду своей плоской частью. Для того чтобы достичь этого, я держу клюшку чуть-чуть надо льдом и во время выполнения движения стараюсь держать шайбу в центре крюка. Если я подниму крюк вверх, то шайба взлетит в воздух, а как раз этого мне и хочется избежать. Во время прорыва я держу клюшку в направлении цели, что помогает мне получить шайбу в нужном месте. Оставление шайбы всегда чревато неприятностями вроде той, когда Хэдфилд с моей передачи забил гол в наши ворота в игре с «Рейнджере» в Нью-Йорке. В «Брюинс» мы оставляем шайбу, как правило, в двух случаях: 1) выходя из своей зоны, игрок с шайбой оставляет ее идущему сзади партнеру, когда чувствует, что он не сможет прорваться через преследующих его нападающих противников; 2) во время прорыва в зону соперников "вдвоем против одного" или "втроем против двоих" игрок с шайбой оставляет ее следующему за ним партнеру, а сам устремляется вперед, чтобы в случае отскока добить шайбу. Как только игрок с шайбой оставляет ее, он почти всегда попадает на силовой прием, примененный против него хоккеистом команды противника. Поэтому оставление шайбы сопряжено с определенным риском. Оставляя шайбу партнеру, я стараюсь сделать все от меня зависящее, чтобы она спокойно лежала на льду. Если я оставлю партнеру подпрыгивающую, вращающуюся шайбу, то он, скорее всего, не сможет произвести хороший бросок по воротам. Для того чтобы оставить шайбу таким образом, я веду ее клюшкой до точки, где я хочу это сделать. В нужном месте задней стороной крюка я останавливаю движение шайбы. Сам же продолжаю идти вперед, уже забыв о шайбе, держа при этом крюк клюшки на льду, чтобы вратарь соперников не видел шайбу.

Есть еще один вид передачи, именуемый перекидкой. Несмотря на очевидную легкость, перекидка шайбы является одним из наиболее трудновыполняемых элементов. Вот пример того, когда и где я использую этот вид передачи. Шайба у меня, и мне нужно передать ее партнеру, находящемуся от меня в пятнадцати футах, но на ее пути стоит защитник, готовый перехватить обычный пас по льду. Единственный выход из положения-перекинуть шайбу через клюшку соперника. Сложность состоит в том, что такие пасы чрезвычайно трудно контролировать, поскольку шайба отрывается ото льда. Выполняя пас перекидкой, я стараюсь держать шайбу как можно ближе к основанию крюка и затем делаю резкое движение кистями. Шайба

взлетает в воздух. При правильном выполнении этого вида передачи шайба перелетает через клюшку соперника и по льду плавно скользит к моему партнеру. К сожалению, так получается лишь в одном случае из десяти. Так как при выполнении пасов перекидкой приходится уповать на везение, на тренировках я стараюсь отрабатывать их больше, чем другие виды передач. На каждой тренировке вместе с каким-нибудь из товарищей по команде мы перекидываем шайбу друг другу в течение трех-четырех минут. Если мне удается «приземлить» шайбу в двух дюймах от предполагаемой цели, то, можете поверить, я просто счастлив.

Я не затрагиваю здесь еще одного вида передачи, именуемого щелчком. Я забыл об этом виде паса много лет назад и советую вам поступить так же. Невозможно контролировать шайбу, переданную таким образом. Поэтому забудьте об этом. Два совета: помните, что при передаче шайба должна всегда опережать вашего партнера, чтобы ему не приходилось притормаживать для получения паса; никогда не давайте пас через зону перед своими воротами. Выполняя передачу, я стараюсь направить шайбу так, чтобы она не сколько опережала моих- партнеров. Лучше пас на двадцать футов вперед на ход своему нападающему, нежели «недодать» шайбу на два дюйма. Если для приема передачи вашему партнеру необходимо остановиться или даже притормозить, он тут же может попасть на силовой прием.

Прием передач

Игрок, делающий передачу, не может абсолютно точно знать, насколько его пас должен опережать того, кому он адресован. Как я уже говорил ранее, игра в пас во многом зависит от степени взаимопонимания между игроком пасующим и игроком, принимающим передачу. Прием передачи можно облегчить, если держать клюшку на льду, чтобы она являлась своего рода мишенью для того, кто дает пас. В момент приема передачи необходимо ослабить хват клюшки и постараться как бы накрыть шайбу крюком. Если держать клюшку слишком жестко, то крюк не сможет погасить скорость движения шайбы, и она обязательно отскочит. Нужно иметь в виду, что передачи не всегда выполнены идеально: нередко шайба попадает в коньки.

В таких случаях, в зависимости от движения игроков вокруг меня, я принимаю одно из двух решений. Если рядом со мной никого нет, то я поворачиваю лезвие конька таким образом,

чтобы шайба, ударившись о него, тут же остановилась. После чего я подправляю ее ногой, подхватываю клюшкой и устремляюсь вперед. Однако если я нахожусь в гуще игроков, то ставлю один из коньков так, чтобы отскочившая шайба ушла в сторону. Прием шайбы коньками не составляет особых затруднений. Терри О'Рейли из «Брюинс», может, и не катается, как Кур-нуайе, зато он лучше других хоккеистов НХЛ умеет распорядиться шайбой, когда она попадает ему в коньки. Каждый раз после тренировки он минут десять отрабатывает ведение шайбы коньками без клюшки. Поэтому не отказывайтесь от адресованного вам паса только потому, что он не попал в центр крюка вашей клюшки.

ГЛАВА IV
Броски

Просто удивительно, как некоторые события оседают в памяти. В пятницу вечером 1 сентября 1972 года, сидя где-то в десятом ряду зала "Монреаль форум", я впервые собственными глазами наблюдал за тренировкой советской сборной за день до встречи с командой Канады. Глядя, как русские катаются, я подумал, что на льду два десятка клоунов: они бегали короткими, рубящими толчками, держа ноги циркулем. Скорость, правда, у них была хорошая, "туристских маршрутов" они избегали. Выяснилось, что они умеют быстро и точно пасовать, знают, как вести шайбу клюшкой и коньками. Улыбку же у меня тогда вызвали их броски. Они бросали шайбу не с той ноги, неверно распределяя вес тела. Шайба летела с небольшой скоростью и далеко не всегда попадала в сетку ворот. Словом, оценка, данная игре русских нашими «разведчиками», полностью оправдалась: русские умеют делать все, что полагается делать хоккеисту, кроме умения бросать по воротам.

Но на следующий день я понял, что русские нас просто дурачили. В первой же встрече, которую они выиграли со счетом 7:3, были продемонстрированы такие молниеносные, сильнейшие и точные броски, какие мне вообще редко доводится видеть. Отчетливо помню один гол, настолько он был хрестоматиен. Быстрый правый форвард советской команды Валерий Харламов подхватил шайбу в своей зоне, прошел с ней до середины поля, сделав финт вправо, пересек нашу синюю линию и с ходу, продолжая движение влево, выстрелил: шайба словно пуля влетела в ворота Кена Драйдена. Очень сильный бросок Харламова застал вратаря врасплох: шайба была направлена в незащищенный угол ворот, бросок был сделан без подготовки. Сейчас я покритиковал бы русских лишь за то, что они мало бросают по воротам, делая при этом слишком много передач.

В каждой игре команды упускают десятки возможностей для взятия ворот, потому что игроки иной раз увлекаются передачами. Если я овладеваю шайбой в двадцати футах от ворот, а щедрый вратарь оставляет в них четыре незащищенных угла, я, конечно же, не стану передавать шайбу партнеру, даже если он совершенно не прикрыт. Во-первых, шайба может перекатиться через его клюшку, а во-вторых, к нему может подоспеть игрок соперника. Возможно также, что с его позиции ворота будут полностью закрыты. Когда я оказываюсь в удобном для броска

положении, я бросаю. Даже если вратарь преградит путь шайбе, она может отскочить, и тогда ее попытается добить подоспевший игрок нашей команды. Конечно, когда возможности для хорошего броска по воротам у меня нет, я стараюсь передать шайбу партнеру.

Главное в игре — бросок по воротам

Очень ли важен бросок по воротам? Возьмите бомбардира из бомбардиров Фила Эспозито. За сезон 1970–1971 годов Фил 550 раз бросил по воротам соперника, на 136 бросков превысив прежний рекорд НХЛ, принадлежавший Бобби Халлу. В течение того же сезона Фил Эспозито забил 76 голов, что также выше старого рекорда Халла, равного 58 голам. Когда Эспозито получает шайбу вблизи ворот, он не задает лишних вопросов и не ищет, кому бы ее отдать. Да и зачем? Он всегда славился молниеносным броском, при котором вратари замечают шайбу только тогда, когда она трепыхается в сетке их ворот. Но даже если вратарю и удается преградить путь летящей как пуля шайбе, сила броска Эспозито такова, что потрясенный вратарь уже не в состоянии среагировать на добивание. В том же сезоне Эспозито, забросивший 76 шайб, сделал также 76 голевых передач. Я думаю, что 20 или 25 из них были отскоки после мощных бросков Эспозито.

Или посмотрите на мои статистические показатели. За один полный сезон я обычно совершаю вдвое больше бросков по воротам, чем любой другой защитник НХЛ. Бросок по воротам-это один из трех критериев, по которым я оцениваю собственную эффективность в данной игре. Два других-окончательный результат встречи и то, сколько раз я находился на льду, когда успеха добивался соперник. К середине сезона 1973–1974 годов, то есть за семь с половиной лет игры в НХЛ, я забросил свою двухсотую шайбу и совершил почти 500 голевых передач. Из этих 200 голов примерно половина была заброшена от синей линии зоны соперника, 60-с расстояния 10–35 футов, 35 заброшены с близкого расстояния от ворот, 5-6-в пустые ворота на последних секундах игры. Что касается голевых передач, то не менее 150 из них были фактически отскоками после моих бросков по воротам. Так что, как видите, бросок по воротам-главное, что должен делать игрок в зоне соперника.

Учтите, однако, хорошими бомбардирами случайно не становятся. Например, Эспозито почти никогда не покидает лед сразу по окончании общей тренировки: еще минут 15–20 он

отрабатывает технику броска по воротам. Но он не просто берет десяток шайб и обстреливает ими вратаря. Нет, он шлифует броски, чаще всего встречающиеся в игре. Вначале он занимает привычную позицию у пятачка и просит кого-нибудь из игроков, тренера или даже продавца кукурузных хлопьев встать в углу поля и посылать шайбы прямо ему в коньки. Приняв шайбу коньком, Фил одним движением обрабатывает ее и бросает по воротам. Затем, маневрируя перед воротами, Эспозито просит пасовать ему шайбу на клюшку и опять одним мощным, быстрым, почти неуловимым движением посылает ее в ворота. Под конец Фил катается перед створом ворот, стараясь подправить броски-одного из партнеров от синей линии. Я уверен, что многие болельщики считают, будто подправленная в ворота шайба на 99 процентов случайность. Нет, это на 60 процентов результат мастерства хоккеиста.

Хорошим бомбардиром может стать лишь тот, кто упорно тренируется. Когда у нас в Пэрри-Саунде не было льда, я осваивал технику броска, тысячи раз посылая шайбу в стенку гаража. Льдом мне служил лист фанеры, а шайбы отец делал унции на две тяжелее обычных. Сила и упорная тренировка-вот что необходимо хоккеисту. У всех лучших бомбардиров НХЛ сильные и мускулистые руки и кисти. Чем больше бросков совершаешь, тем сильнее становятся руки. Рядом с ручищами Айвена Курнуайе руки теннисиста Рода Лейвера выглядят просто спичками. У Дейла Таллона из чикагской "Блэк хоукс" кисти рук такие сильные, что при замахе не больше трех футов он может послать мяч для игры в гольф дальше чем на двести ярдов. И у лучшего молодого бомбардира из "Буффало сейбрс" Рика Мартина невероятно сильные и большие руки. В его руках баскетбольный мяч выглядит словно шарик для пинг-понга, а если бы ему пришло в голову

При щелчке моя голова находится почти прямо над шайбой, левая рука должна быть опущена как можно ниже. При замахе руки поднимаются чуть выше пояса. В удар по шайбе я вкладываю вес всего тела.

Я отбираю шайбу у нападающих.

Здесь видно, как я увеличиваю длину шага. Для лучшего равновесия и маневренности слегка приседаю и наклоняю корпус вперед.

На этих фотографиях хорошо видно, как защитник реагирует на изменение ситуации: десятый номер команды «Брюинс» Кэрол Вадне, двигаясь вперед спиной, пересекает красную линию, затем приближается к владеющему шайбой игроку, готовый вступить в борьбу и наконец занимает нужную позицию.

Чтобы оторваться от преследующего вас соперника, объезжайте ворота по крутой дуге, как можно ближе к штанге. Я набираю скорость за счет резкого отталкивания «внешней» ногой. Корпус наклоняется внутрь виража, то есть центр тяжести тела переносится на лезвие конька, находящегося ближе к воротам.

Хороший хоккеист должен уметь делать резкие и неожиданные повороты. В этом игровом эпизоде я неожиданно разворачиваюсь и ухожу от, казалось бы, загнавших меня в угол соперников.

Кистевой бросок: выводя шайбу вперед, я «взвожу» кисти рук. Голова в этот момент наклоняется над шайбой, перемешается вместе. В последней фазе броска я выпрямляюсь, делаю поворот кистями сверху вниз, «провожая» шайбу клюшкой в направлении цели. Иной раз приходится нарушать каноны и выполнять бросок с «неправильной» ноги — как показано на…

Игрок с шайбой против защищенного маской стража ворот: чтобы уменьшить угол обстрела, вратарь выкатывается мне навстречу, но своевременный бросок подкидкой может достичь цели.

Правильная позиция защитника: я стараюсь оттеснить Жана Рателя от шайбы и овладеть ею.

Занять на пятачке выгодную для взятия ворот позицию — главная задача нападающего. Задача защитника — всегда находиться между вратарем и игроками соперника.

Принимать бросок на себя лучше всего, опустившись на одно колено. Но часто приходится становиться на оба, как на этом снимке, где против меня играет Уолтер Ткачук из "Нью-Йорк рейнджере". В этом случае, однако, я на какое-то мгновение выбываю из игры, и никто не может помешать Ткачуку воспользоваться возможным отскоком.

Мышцы рук можно развивать не только бросками шайбы на льду. Летом я до сих пор по нескольку раз в неделю отжимаю штангу, лежа на скамье, и делаю это только для того, чтобы поддерживать в форме нужные для игры мышцы. Дома у меня есть гантели, с ними я упражняюсь через день по десять-пятнадцать минут. Мои гантели весят всего по двадцать фунтов каждая. Я вовсе не хочу стать победителем конкурса культуристов, но стараюсь развивать и поддерживать в форме мышцы, которые чаще всего работают во время игры. Когда смотришь вечером телевизор, почему бы не взять в руки пару упругих резиновых мячей и не помять их кистями рук полчаса во время любимой передачи? Гарантирую-уже через две недели вы почувствуете, что ваши руки и кисти стали другими.

Хочу предостеречь: осваивая броски, не пользуйтесь

резиновым мячом вместо шайбы. Он значительно легче шайбы, иначе ведет себя на льду и на земле и из-за своей формы может полететь в ненужном направлении. Вообще, тренируясь в любом виде спорта, никогда не пользуйтесь предметами легче тех, которые придется применять во время соревнований.

Итак, броски. Все они подразделяются на четыре категории: кистевой, бросок-удар (щелчок), подкидка и подправка. Каждый из этих видов бросков рассмотрим в отдельности. Бросок тыльной стороной крюка и бросок без замаха, которому Фил Эспозито научился у Бобби Халла, когда выступал с ним в одной команде, входят в категорию кистевых бросков. Из моих первых двухсот голов, пожалуй, 60 процентов приходится на шайбы, заброшенные щелчком, 35 процентов-кистевым броском и 5 процентов — подкидкой. У защитников соотношение голов, забитых щелчками и кистевыми бросками, обычно выше, чем у форвардов, поскольку защитники чаще, чем нападающие, бьют по воротам щелчком. Ведь защитникам приходится атаковать ворота издалека, а я знаю, что при щелчке шайба у меня быстрее достигает ворот, чем при кистевом броске. И если больше половины моих голов забито щелчком, то у Эспозито, Курнуайе и Мартина, быть может, только 10 процентов заброшенных ими шайб приходится на щелчок. Это относится ко всем хоккеистам, так что не понятно, почему новички стараются овладеть только щелчком, игнорируя другие виды бросков. Наблюдая за тренировками мальчишек в Бостоне и других городах, я обратил внимание на то, что в девяти случаях из десяти они бросают шайбу щелчком в ущерб остальным способам. Создается впечатление, что руки у них так и чешутся, чтобы изо всей мочи ударить по шайбе. Даже если ворота от них всего в пятнадцати футах. Ерунда да и только.

Осваивая броски, учитывайте свое амплуа на поле. Если вы центральный нападающий, работайте над кистевым броском вдвое дольше и интенсивнее, чем над броском щелчком. Защитник же должен одинаково хорошо владеть обоими бросками. В непосредственной близости от ворот самый совершенный щелчок в мире может оказаться безрезультатным, если вам помешали его выполнить. Не лучше ли быстрой перекидкой послать шайбу в сетку ворот через выставленную в сторону ногу вратаря?

Техника броска

Я не считаю, что для овладения хоккейным мастерством,

помимо упорного труда и участия в соревнованиях, надо знать еще какие-то секреты. Тем не менее за годы экспериментирования с отработкой разных способов броска я пришел к выводу, что один «секрет» хорошему бомбардиру все-таки нужно знать. Сейчас объясню. Подавляющее большинство игроков НХЛ бросают шайбу почти одинаково: после отрыва шайбы от крюка обе руки вращают клюшку так, что крюк поворачивается внутрь. Иными словами, крюк не «провожает» шайбу к цели, а как бы совершает круговое движение перед хоккеистом. На языке гольфа, они «цепляют» собственный бросок. По-моему, так делать не следует.

Выполняя бросок, я не поворачиваю кисти рук на себя. Наоборот, я вращаю палку клюшки от себя. Поэтому в заключительной фазе броска крюк моей клюшки оказьюается строго на одной линии с шайбой. Все это делается для того, чтобы до самого отрыва шайбы контролировать ее. По-моему, это правильная техника броска. Какой бы бросок я ни выполнял, кисти у меня совершают именно такое движение — поворот от себя.

Кистевой бросок

В последние годы лучшие бомбардиры НХЛ, например Эпозито, Курнуайе, Бобби и Дэнис Халлы, стали называть свой кистевой бросок "снэп-шот"-"моментальный" бросок. Как бы они его ни называли, суть не меняется: в бедного вратаря летит шайба, пущенная резким поворотом кистей. Я «лево-рукий» хоккеист, поэтому моя правая рука держит конец древка клюшки и направляет ее, тогда как левая рука располагается внизу и сообщает броску силу. При кистевом броске я опускаю левую руку, покуда она не займет удобного положения. Чем ниже рука, тем мощнее получается бросок. Я прочно держу клюшку, будто стараюсь раздавить ее кистями, причем нижняя рука сжимает ее сильнее, чем верхняя. При броске удобной стороной крюка шайба находится слева от меня, а при броске тыльной стороной — справа, и в обоих случаях я становлюсь лицом к воротам соперника. В технике выполнения этих бросков нет существенной разницы: при броске тыльной стороной крюка моя нижняя, левая рука опускается еще ниже, чтобы бросок был мощнее. Рассмотрим технику броска удобной стороной крюка, поскольку во время игры так бросают шайбу почти в десять раз чаще, чем тыльной стороной.

Готовясь выполнить бросок, я разворачиваю корпус влево,

чтобы шайба находилась прямо передо мной. При этом левую ногу, находящуюся несколько сзади, я ставлю перед шайбой, а правую поворачиваю по направлению к цели. При кистевом броске большинство хоккеистов посылают шайбу носком либо пяткой крюка, но я поступаю иначе: стараюсь, чтобы шайба находилась строго посредине крюка. Если во время броска шайба скатывается к носку или пятке крюка, я еще имею возможность исправить ошибку-ведь шайба все еще на крюке. Бесчисленное количество игроков упускают возможность взятия ворот из-за того, что выполняют кистевой бросок с пятки или носка, и шайба скатывается с клюшки. Радио- и телекомментаторы в этом случае говорят: "У него сдуло шайбу". Слышать такое не очень приятно, и, чтобы избежать этого, надо держать шайбу на середине крюка. Все очень просто. Итак, я готов совершить бросок.

Я начинаю выводить шайбу из-за левой ноги. Вся штука в том, чтобы отвести руки и клюшку как можно дальше назад, но не в ущерб силе броска и не теряя при этом равновесия. Когда я вывожу шайбу вперед, кисти моих рук «взведены», голова по возможности находится над шайбой, а корпус наклонен вперед. Помните, при броске центр тяжести тела всегда перемещается вперед. Перевод шайбы в переднее положение для броска-это тонкий технический прием. Одни хоккеисты выводят шайбу рывком, другие бьют по ней, а третьи осторожно вытягивают. Я стараюсь подхватывать шайбу сильным пластичным движением, чтобы ни на мгновение не потерять контроля над резиновым диском. К сожалению, очень часто при выполнении кистевого броска не хоккеист ведет шайбу, а она его, в результате чего шайба или срывается с клюшки, или летит мимо цели.

Я могу выстрелить шайбой в любой момент ее плавного перевода вперед. Для этого надо лишь пустить в ход кисти, резко повернув их, так сказать, под себя-а не наоборот, — и проводить шайбу крюком в направлении цели. За исключением тех случаев, когда между мной и вратарем возникают осложнения в виде, скажем, защитника, старающегося принять мой бросок на себя, я никогда не выпускаю шайбу до естественного завершения замаха. Я говорю «естественного» потому, что величина замаха зависит от конкретной позиции, расстояния от ног до шайбы, наклона корпуса над шайбой и величины хвата. При естественном окончании замаха я готов выстрелить шайбой по воротам.

Рассмотрим положение моего тела в самом конце замаха: 1) голова находится немного позади шайбы и крюка, глаза устремлены на цель; 2) вес тела постепенно переходит на правую ногу; 3) левая нога повисает в воздухе. Что бы ни говорили тренеры, не обращайте внимания при броске на положение

находящейся сзади ноги. У меня, например, она каждый раз занимает иное положение. Айвен Курнуайе поджимает ее под себя, а Бэрри Уилкинс из "Ванкувер канукс" так высоко задирает ногу, что едва не задевает ею свое ухо. Когда я делаю бросок, моя «задняя» нога становится почти невесомой, поэтому контролировать ее положение невозможно. Если я начну думать об этом, то не сумею вложить в бросок силу и инерцию тела, что гораздо важнее. Могу рекомендовать только одно: находящуюся позади ногу не следует поднимать слишком высоко, во всяком случае не выше талии, иначе можно потерять равновесие.

Выпуская шайбу, я резким движением поворачиваю кисти рук, вращая их под себя, а не на себя, и сообщаю броску все сто девяносто два с половиной фунта своего веса. Именно в это мгновение происходит нечто странное. При выполнении кистевого броска моя левая рука несколько иначе захватывает палку: большой палец накрывает указательный. И вот когда кисти рук совершают поворот, большой палец выпрямляется и становится торчком. Когда все это происходит и шайба несется к цели, у меня возникает ощущение, будто я стою на одном кончике большого пальца правой ноги. Чтобы придать броску максимум силы, я стараюсь вложить в него весь свой вес до последнего грамма, а потому тело должно устремиться как можно дальше вперед. Переместив весь свой вес на кончик большого пальца правой ноги, я добиваюсь именно этого. На заключительной стадии броска я регулирую траекторию полета шайбы положением крюка клюшки по отношению ко льду. Если я хочу, чтобы шайба летела низко или даже скользила по льду, я прижимаю крюк пониже ко льду или даже касаюсь им льда. Если же я хочу поднять шайбу-учтите, высота ворот четыре фута, а ширина шесть, — то соответственно поднимаю и крюк. В любом случае, провожая шайбу, крюк еще долго остается строго перпендикулярным к цели. Завершая бросок, я разворачиваюсь всем телом к вратарю и опускаю левую ногу на лед почти совсем рядом с правой. Это-"обязательная" концовка заключительной фазы броска, благодаря которой я снова прочно стою на обеих ногах и могу поехать в любом направлении.

Щелчок

Все любят бросать щелчком, потому что он вызывает восторженную реакцию на трибунах. А щелчком он называется потому, что клюшка действительно щелкает по шайбе. В отличие от кистевого броска, который можно назвать прицельным, щелчок

во многом зависит от везения. С хорошей позиции кистевым броском я, пожалуй, попаду в ворота девять раз из десяти. А щелчком, наверное, смогу сделать это только раз пять. Другой отрицательной чертой щелчка является то, что на его выполнение требуется значительно больше времени, следовательно, сопернику легче предотвратить гол. Бросок щелчком следует применять разумно. Однако он очень удобен для защитников, обстреливающих ворота издалека. Я знаю, например, что у меня при самом слабом щелчке шайба долетит до ворот так же быстро, если не быстрее, чем при моем самом сильном кистевом броске.

По сути, щелчок является техническим вариантом кистевого броска. Выполняя последний, я совершаю «замах» с шайбой на крюке и выпускаю ее в конечной точке «замаха». При броске щелчком шайба лежит на льду, и клюшка во время замаха ее не контролирует. Я стараюсь ударить по шайбе именно в той точке, где крюк соприкасается со льдом. Или, заимствуя терминологию из гольфа, я добиваюсь, чтобы шайба находилась в нижней точке замаха. Это-естественная для удара точка, где на шайбу придется вся его сила. Эта оптимальная точка находится несколько впереди и прямо передо мной. Чтобы лучше выполнить этот бросок-удар, я стараюсь встать так, чтобы голова находилась как раз над шайбой. А чтобы бросок получился мощнее, я опускаю левую руку ниже (делаю хват шире), чем при кистевом броске.

Беда большинства начинающих хоккеистов, обожающих щелчок, в том, что им кажется, будто сила броска тем больше, чем больше замах. Иногда такой замах выглядит комично. Помню одного девятилетнего хоккеиста, занимающегося в моем спортивном лагере, который делал такой замах, будто хотел расписаться клюшкой в небесах. Другой малыш задевал себя крюком по затылку. При таком замахе удар по шайбе не получится плавным. Вместо этого новички рубят шайбу или подсекают, подцепляют ее, а то и просто промахиваются. Однажды я видел, как мальчишка так энергично замахнулся для мощного щелчка, что не только промахнулся по шайбе, но и на ногах не удержался. После этого его прозвали Мельницей.

При щелчке я замахиваюсь клюшкой так, чтобы руки поднимались не выше пояса. Поэтому и крюк у меня пойдет тоже ненамного выше. По сути дела, я умышленно ограничиваю свой замах. Зрители, правда, редко награждают меня восторженными криками, но бросок получается точнее. Движение клюшки вперед для удара осуществляется так же, как при кистевом броске. Вес тела постепенно перемещается, и к тому моменту, когда крюк касается шайбы, он целиком приходится на выставленную вперед ногу, тогда как находящаяся сзади нога (у меня левая) опять

повисает в воздухе. Как и в предыдущем случае, я регулирую высоту полета шайбы положением крюка в завершающей фазе. После броска я оказьшаюсь лицом к вратарю на широко расставленных ногах: я без труда могу продолжать игру.

За годы моей хоккейной карьеры у меня выработался так называемый «укороченный» щелчок. При нехватке времени все элементы щелчка выполнить надлежащим образом не возможно. «Укороченный» же щелчок, как подсказывает само название, выполняется быстрее. Я им пользуюсь, потому что люблю входить в зону соперника, чтобы попытаться прервать комбинацию, перехватить шайбу или просто подержать ее в чужой зоне. Вот пример: мы играем последний матч с "Нью-Йорк рейнджере" на Кубок Стэнли 1972 года. В середине первого периода у точки вбрасывания слева от вратаря «Рейнджере» Жиля Виллемюра завязывается борьба за шайбу. Вдруг благодаря усилиям моих партнеров по команде Джонни Бучика и Уэйна Кэшме-на шайба отлетает к синей линии-прямо ко мне. Два соперника несутся в моем направлении. Ясно, что для выполнения щелчка или кистевого броска времени у меня не хватает. К тому же нападавшие на меня игроки, видимо, решили, что я просто пошлю шайбу вдоль борта в угол площадки. В такой ситуации лучше всего применить «укороченный» вариант щелчка. Он сводится, собственно говоря, к одному: как можно быстрее послать шайбу к воротам. Может быть, шайба застанет вратаря врасплох или кто-нибудь подправит ее в сетку. А может, один из моих партнеров добьет ее при отскоке. В выполнении этого броска участвуют практически одни руки. При замахе клюшка поднимается дюймов на восемнадцать, не выше. Я не стараюсь вложить в этот бросок всю свою силу, а стремлюсь как можно быстрее его выполнить. В той памятной встрече в Нью-Йорке посланная мной шайба пролетела и мимо столпившихся у ворот игроков, и мимо вратаря Виллемюра, не видевшего момент броска. Мы тогда победили со счетом 3:0 и завоевали Кубок.

Бросок подкидкой

Как и все хоккеисты, я пользуюсь этим броском, чтобы поднять шайбу и перекинуть ее через вратаря, когда нахожусь не дальше чем в десяти футах от ворот. Мой партнер по команде Джонни Бучик (Чиф) — большой мастер забрасывать шайбы именно этим способом. Чиф любит стоять у левого угла пятачка (справа от вратаря). В этой, точке он может: 1) принять пас из угла поля; 2) воспользоваться прострелом вдоль ворот; 3) бросить

шайбу, отскочившую от вратаря. Как только шайба попадает к Чифу, вратарю остается только просить у него пощады. Чаще всего в этот момент вратарь либо растянулся в створе ворот, либо скользит ногами или руками вперед по пятачку. В подобной ситуации многие хоккеисты теряют самообладание и бросают шайбу прямо в распростертого вратаря. Но Бучик не таков. Джон, клюшка которого самая короткая в НХЛ, подцепляет шайбу на кончик крюка и спокойно перебрасывает ее в ворота через голкипера.

Выполняя подкидку, я тоже перевожу шайбу на кончик крюка, а затем резким движением кистей как бы подцепляю ее и поднимаю в воздух. Этот бросок — не сильный. Он требует высокого мастерства владения клюшкой и рассчитан на то, что вратарь либо лежит на льду, либо падает и не может оказать нападающему достойного сопротивления. Я помню встречу с «Рейнджере» в 1970 году на розыгрыше Кубка Стэнли, когда я прорвался сквозь заслон нью-йоркских защитников и окгзался в шести или восьми футах от ворот Эдди Джиакомина. Вратарь сделал шпагат на л!ду. Я слегка переместился влево на сво-бодгое пространство. Джиакомин щитком правой ноги, клюшкой и правой рукой перекрыл почти весь створ ворот, за исключением каких-нибудь шести дюймов под самой перекладиной. Так что задача состояла в том, чтоби послать шайбу именно в это незащищенное пространство, минуя ногу, клюшку и руку вратаря. Я подцепил шайбу, будто хотел поднять ее, и перекинул через Джиакомина в сетку ворот. Примени я другой бросж, Джиакомин наверняка защитил бы ворота.

Изменение направления полета шайбы

Как защитнику мне не часто приходится подтравлять шайбу в ворота соперника, скорее нападающие подправляют мои броски.

Спросите любого вратаря, он подтвердит, что труднее всего отражать бросок, при котором направление полета шайбы меняется. Когда шайба летит в сторону ворот, вратарь соответствующим образом перемещается, чтобы отразить или остановить ее. Стоит кому-нибудь из игроков изменить направление ее полета, и вратарь в беде. Нередко защитники случайно подправляют шайбу в собственные ворота, что совсем уж досадно. Выступая за команду Бостона, я раз двенадцать или пятнадцать посылал шайбу в сетку своих ворот и уверен, что, пока играю, сделаю это еще несколько раз. Неумышленно, конечно. Очень часто в толчее возле ворот теряешь шайбу из

виду, и она вдруг отлетает рикошетом от клюшки и оказывается в сетке ворот. В таком случае не остается ничего иного, как стараться забросить ответную шайбу.

Припоминаю несколько интересных случаев. Один произошел во время игры между командами Нью-Йорка и Чикаго в финале розыгрыша Кубка Стэнли несколько лет тому назад. Это была пятая встреча серии, в которой после четырех матчей счет был ничейным. Время этой встречи подходило к концу, а счет в ней тоже был равным. Тренер чикагской команды Билли Рэй подал сигнал на смену составов, и дебютант "Блэк хоукс" Бобби Шмаутц, выступающий теперь за бостонский «Брюинс», подъехал к красной линии и не задумываясь бросил шайбу в дальний угол площадки. Реакция Эда Джиакомина на этот бросок была естественной: он переместился в правый угол ворот. Однако один из защитников «Рейнджере» опрометчиво попытался отразить этот бросок, в результате чего шайба изменила направление полета. Эдди был бессилен что-либо сделать, и шайба влетела в незащищенный левый угол ворот. Благодаря этому броску команда «Чикаго» выиграла встречу, а вместе с ней и серию.

Два подобных случая произошли в одной игре в сезоне 1973–1974 годов, когда «Брюинс» встречалась с командой «Рейнджере» в зале "Бостон гарден". Может показаться, что я помню эпизоды только из наших встреч с ньюйоркцами. Дело в том, что они всегда проходили интересно и остро, а потому их легко запомнить. В начале игры я забил гол перекидкой с неудобной руки: шайба проскочила между двумя игроками и влетела в ворота. Потом я забросил еще две шайбы, в четвертый раз за свою хоккейную карьеру поразив ворота соперника трижды, причем в двух случаях шайба влетела в ворота, отскочив от клюшек защитников соперника. В первом голе их защитника винить было нельзя, так как в суматохе у ворот он пытался преградить своей клюшкой путь шайбе. Во втором же вина за гол ложится целиком на защитника «Рейнджере».

С точки у синей линии, откуда я совершил бросок, ворота Джиакомина просматривались по прямой совершенно беспрепятственно. И все-таки мало кто в хоккее, в том числе и в НХЛ, может забросить шайбу с такого расстояния каким бы то ни было способом, если вратарь отчетливо видит шайбу с самого начала броска. Мой бросок был несильным, и, по-видимому, шайба пролетела бы в футе от правой стойки ворот. Джиакомин был готов легко взять эту шайбу. Но, пытаясь отбить шайбу, один из защитников «Рейнджере» выставил вперед клюшку. Шайба отскочила от нее и над правым плечом вратаря влетела в сетку. К тому времени мы вели с большим счетом, но этот гол настолько

подействовал на Джиакомина, которому и так здорово досталось в тот вечер, что он швырнул свою клюшку на лед, а перчатки запустил в воздух. Это я хорошо понимаю.

Если бы я был форвардом, то на каждой тренировке несколько минут учился бы подправлять шайбу в ворота с разных точек. Техника выполнения этого приема очень проста; клюшку надо держать свободнее, чем при броске, и крюк ставить под углом к воротам. Как только игрок совершает бросок, следите за шайбой и решайте, как и куда надо отклонить ее полет. А еще лучше понаблюдать, как это делают во время игры Фил Эспозито, Стэн Микита, Жан Ратель, Бобби Кларк, Дейв Кион. Следите за тем, как они стоят и как держат клюшку — в особенности до броска, а не после.

Отрабатывайте все способы броска. Становясь старше, развивайте мускулатуру и приобретайте уверенность в правильном выполнении броска. Научитесь делать ложные движения, финты, которые отличают мастеров броска от посредственных исполнителей. Тренируйтесь упорно и настойчиво, иначе потом вам будет гораздо труднее. Но вот я не понимаю, почему тренеры занимаются отработкой броска только в том случае, когда разучивают отрыв игрока. Как часто такой эпизод возникает во время игры? Наверное, один раз с каждой стороны, да и это, пожалуй, многовато. Тем не менее тренеры, похоже, стараются доставить новичкам удовольствие: обыграть вратаря и прорепетировать победный клич со вскинутыми вверх клюшками. Но толку от такой тренировки мало. В моем спортивном лагере выход один на один с вратарем отрабатывается лишь постольку-поскольку. У нас дети учатся выполнять броски, имея перед собой одного, а то и двух защитников, потому что именно такие ситуации чаще возникают в игре. Или, получив шайбу в центре поля, игрок продвигается в зону противника и пытается совершить бросок, преследуемый игроком обороняющейся стороны. То есть одновременно отрабатывается бросок и отбор сзади. Малыши должны научиться бросать из трудных положений. Часто ли вам во время игры удается прорваться к воротам одному? Не полезнее ли учить игроков обводить и защитника, и вратаря соперника? Не нужно искать легкой жизни. Я прекрасно помню, как русские ухитрялись делать броски по воротам, находясь в окружении трех, а то и четырех хоккеистов команды Канады, потому что на тренировках они преимущественно отрабатывают те элементы, которые встречаются в настоящей игре.

Работая с начинающими хоккеистами, обучая их основам игры, я применяю строго индивидуальный подход. Например,

если я знаю, что двенадцатилетний правый нападающий обладает прекрасным кистевым броском, но кидает шайбу с пятки крюка, а не с середины, я не стану говорить, что так, мол, нельзя, а пало учиться бросать с середины. Не стану же я упрекать Фила Эспозито в том, что при кистевом броске у него недостаточно широкий хват? То же относится ко всем талантливым игрокам, выступающим в других видах спорта. То есть техника игры в хоккей не есть нечто застывшее.

Тренируйтесь. Найдите кусок старой фанеры. Прикрепите к стене гаража или сарая мишень размером с хоккейные ворота. PI обстреливайте ее.

ГЛАВА V
Игра в нападении

Все ведущие профессиональные команды во всех видах спорта придерживаются своей особой тактики игры в нападении. В ряде случаев эта тактика предопределяется владельцами команды, которые под нее подбирают игроков. Например, команда "Монреаль ка-надиенс" всегда состояла из игроков, хорошо катающихся на коньках, и стиль ее игры в нападении отличается точными передачами на выход. Поэтому все, кого приобретает этот клуб, как правило, хорошо катаются на коньках и умеют точно пасовать шайбу. В других случаях схему игры в атаке определяют таланты отдельных игроков. Например, бостонские «Кельты» до прихода Билла Рассела в 1956 году были заурядной баскетбольной командой. Благодаря умению Билла подбирать мяч у щита и посылать в быстрый отрыв таких игроков, как Кусис, Шэрман, Хавли-чек, Джонс и Хайнсон, «Кельты» быстро стали одной из величайших команд в профессиональном баскетболе. А иногда размеры поля, климат или какие-то иные обстоятельства определяют характер игры данной команды в нападении.

Начиная с сезона 1967–1968 годов команда «Брюинс» тоже стала отличаться присущим только ей стилем игры в нападении. Состав был значительно обновлен: из восемнадцати игроков двенадцать были новичками. В команду вошли самые рослые, сильные, бесстрашные и талантливые хоккеисты, привыкшие выступать у себя дома на самой маленькой в НХЛ площадке. В то время Гарри

Синден вводил систему нападения всей пятеркой с началом атаки из глубины обороны и особое внимание обращал на силовые приемы и умение контролировать шайбу. Мы по сей день пользуемся этой системой. Чего-чего, а терпения у нас хватает. И паниковать мы не любим. Это дает свои плоды.

С сезона 1967–1968 по 1973–1974 годы наша команда дважды завоевывала Кубок Стэнли, трижды занимала первое место и один раз поделила первое место с другим клубом в своей подгруппе. Но лучшим показателем атакующего стиля игры «Брюинс» служит статистика наших выступлений на родном льду в "Бостон гарден". Так вот, из двухсот тридцати календарных встреч, которые мы провели на льду «Гарден» за шесть лет, проиграли только тридцать три, а в сезон 1973–1974 годов мы одержали там

двадцать две победы подряд и лишь в двадцать третьей игре потерпели поражение. Значит, что-то мы делаем правильно.

Оборона или наступление?

За годы игры в хоккей меня не раз награждали приличными и неприличными прозвищами, но только одно из них — "блуждающий защитник" — по-настоящему выводит меня из себя. Стоит кому-нибудь сказать: "Орр не защитник. Он-блуждающий защитник", и я готов на стену лезть. Позвольте мне с самого начала заявить: я не блуждающий защитник.

И не центрфорвард. И не центральный защитник. И не крайний нападающий. Я даже не дополнительный форвард. На чистом хок-ке4ном языке я-атакующий защитник. По-нягно? Атакующий защитник. По сути дела, я лграю атакующего защитника едва ли не с того самого дня, когда шестилетним мальчишкой стал участвовать в соревнованиях в Пэрри-Саунде.

Причины, побудившие меня стать таким защитником, вполне понятны. Еще мальчишкой я стремился находиться на льду как можно дольше и всегда старался овладеть шайбой и повести ее в зону соперника. Защитники выходят на лед каждую вторую смену, а нападающие-только каждую третью. По моему месту на поле я был защитником. Но в отличие от других я не оставался безучастным к атаке. Я как-то ухитрялся участвовать в ней: вел шайбу, пасовал ее, обстреливал ворота, преследовал форвардов соперника. Наверное, Бако Макдональд мог просто прекратить мою карьеру защитника, передвинув меня в центр или на край. Но он этого не сделал. Бако дал мне играть в свою игру. И так было всегда: ни один из тренеров в Шрри-Саунде, Ошаве или Бостоне не старался изменить мой стиль. Ни один из них не предложил мне специализироваться в обороне. До сих пор, по крайней мере. Как ни странно, когда в 1966 году я подписал свой первый профессиональный контракт с «Брюинс», в Бостоне серьезно подумывали поставить меня центрфорвардом, чтобы, как кто-то выразился, "полностью использовать мой талант нападающего". Слава богу, этого не произошло, хотя в одном сезоне, после травмы колена, я шесть или восемь игр провел в нападении.

Со мной могут не согласиться, но я не вижу технической погрешности в том, что игрок обороны участвует в атаке. Вопреки утверждениям моих критиков я не первый из за-щитнико" стал принимать активное участие в наступлении своей команды. Говорят, таким был Эддя Шор, а при мне Дуг Харви, Ред Келли,

Пьер Пилот и многие другие игроки обороны участвовали в атаке, а в некоторых случаях и возглавляли атаку своей команды. К тому же вполне понятно, что та команда получит преимущество над соперником, которая в состоянии привлечь к атаке четырех или пятерых хоккеистов вместо традиционных трех: центрального и двух крайних нападающих. Взгляните на команду русских. Их атака основана на системе сборочного конвейера с максимальным использованием в атаке всех пятерых игроков. Более того, советские тренеры придают так много значения сыгранности пятерых игроков, что смены во время игры производят строго пятерками.

Заметив открытое место, я делаю ускорение.

По-видимому, я помог повысить роль атакующего защитника тем, что смело входил в зону соперника. Огромное же большинство защитников НХЛ, доведя шайбу до синей линии, либо пасуют ее партнеру, либо посылают в угол. Русские же, похоже, совсем избегают вбрасывания шайбы в зону и преследования ее, предпочитая пасовать ее открывшемуся партнеру. Что до меня, то синяя линия — не красного цвета. Она не означает сигнала «стоп». Если я дохожу до нее и вижу впереди открытое пространство, то ускоряю ход, а не замедляю его, о чем пойдет речь ниже.

Создается впечатление, будто многие забывают, что защитники, как правило, лучше видят поле, чем нападающие. Играя в оборонительном эшелоне, я всегда вижу, как может развиваться данный игровой эпизод от начала до конца. Все события происходят прямо передо мной. Форварды же нередко катятся спиной к происходящему на льду; иной раз им приходится принимать пасы или броски, не зная, что творится на других участках льда, потому что они просто их не видят.

Чем больше я думаю об этом, тем чаще прихожу к мысли, что защитники должны всегда поддерживать атаку своей команды, а не устраняться от нее, поскольку именно игроки обороны и вратарь лучше видят все происходящее на площадке. Кстати, не забывайте и про голкиперов. В нашей команде вратари всегда помогали нам, исправляя допущенные нами в обороне или нападении ошибки, кроме того, они анализировали тактические схемы и манеру игры. В финале Кубка Стэнли против "Торонто мэйпл лифе" несколько лет назад Эдди Джонстон подозвал меня к воротам, делая вид, будто просит меня помочь убрать воду и мусор от линии ворот. А в действительности он хотел мне подсказать, что игрок, опекающий меня при игре нашей команды в большинстве, всегда смещается влево от меня еще до того, как я совершаю бросок. Я поблагодарил его и побежал в зону

противника, так как мы продолжали играть в большинстве. После вбрасывания шайба отлетела ко мне, и передо мной тут же возник мой опекун. Я замахнулся, как для щелчка, и тут заметил, что тот, как предсказывал Эдди, действительно сдвинулся влево, открыв для меня 45-футовый коридор до ворот. Вместо броска я подхватил шайбу, рванулся вправо, приблизился к воротам и примерно с двадцати футов послал шайбу во вратаря. Он мой бросок отбил, но шайба отскочила на пятачок, и кто-то из моих партнеров легко протолкнул ее в сетку ворот. Эдди, конечно, не — получил очка за голевую «передачу», но он заслуживает всяческой похвалы.

Так уж случилось, что я вступил в НХЛ в период, когда хоккей претерпевал серьезные изменения. В прежние времена игра почти всех шести команд, составлявших тогда НХЛ, отличалась прессингом по всему полю и невысоким счетом, причем количество бросков по воротам с обеих сторон редко достигало сорока. Но вот в 1967 году количественный состав НХЛ удвоился, и мы стали свидетелями захватывающих поединков, завершавшихся с большим счетом, когда каждая из сторон совершала по сорок бросков по воротам. Нынче НХЛ разрослась до восемнадцати команд, и во всех отношениях атакующий стиль игры стал преобладать над оборонительным. Лорд Стэнли, несомненно, перевернулся в гробу в тот майский вечер 1973 года, когда в одной из финальных игр на Кубок Стэнли чикагская "Блзк хоукс" победила "Монреаль канадиенс" с невероятным счетом — 8:7. Вратари соперничавших тогда команд были отнюдь не зелеными новичками: выступавший за Чикаго Тони Эспозито и монреалец Кен Драйден считались лучшими голкиперами лиги. А ведь в 1952 году, когда завоевавшая кубок "Рэд уингз" из Детройта победила сначала "Мэйпл лифе", а затем и «Канадиенс», покойный Терри Савчук забросил только четыре безответные шайбы, а общий счет в восьми матчах составил всего пять голов.

Сегодня даже вратари принимают участие в атаке. Десять лет назад голкиперы касались шайбы только в целях самозащиты. Сейчас они подбирают шайбу за воротами, принимают ее на клюшку, пасуют своим форвардам и нередко получают очки за голевую передачу. А вратарь из Канзас-Сити Мишель Пляс-се ухитрился даже сам забить гол, когда еще выступал за команду низшей лиги. На последней минуте матча его команда вела в счете с перевесом в один гол, и соперник, пытаясь сравнять счет, решил заменить 'своего вратаря полевым игроком. Время шло, и вот Пляссе остановил шайбу клюшкой, обработал ее и бросил через всю площадку в пустые ворота соперника. В НХЛ ни одному из голкиперов не удавалось забить гол противнику, хотя Эдди

Джиакомин был близок к этому, когда на последних секундах матчˆ. против "Мэйпл лифе" в Торонто посланная им шайба угодила в стойку ворот. Поверьте, я вовсе не утверждаю, что пришла пора и вратарям забивать шайбы. Но могут найтись знатоки, по мнению которых в хоккее еще нет места и для атакующих защитников.

Игра на неудобной стороне

Я «леворукий» хоккеист, хотя играю правого защитника. С точки зрения теории я стою не на своем месте: в старых пособиях по игре в хоккей говорится, что «леворукие» хоккеисты должны играть слева, а «праворукие» — справа. Но это в теории. По-моему, играть можно на любой стороне. Айвен Кур-нуайе бросает с левой руки, а в команде «Канадиенс» выполняет функции правого форварда.

"Праворукий" Узин Кэшмен из "Бостон брюинс" играет левого нападающего в самом результативном в хоккее звене, где его партнерами являются Фил Эспозито и Кен Ходж. Среди многочисленных защитников с левым хватом, играющих справа, мы видим Брэда Парка из нью-йоркской «Рейнджере», Стива Савара и Ги Ляпойнта из "Монреаль кана-диенс" и Кэрола Вадне из команды «Брюинс». А в Москве четверо или пятеро крайних нападающих и трое или четверо защитников сборной СССР тоже играют с «неудобной» стороны. И, кстати, то же относится к человеку, которого навсегда запомнили в России, — к левому форварду Полу Хендер-сону, бросающему шайбу с правой руки и выступающему сейчас за торонтскую «Торос». Играя с «неудобного» края, он в трех последних играх московской серии забросил шайбы, решившие исход матчей в пользу команды Канады, включая и последний гол за тридцать четыре секунды до конца последней, восьмой встречи, который принес общую победу канадской команде. Однако, за исключением Хендерсона и Кэшмена, большинство тех, кто играет с «неудобной» стороны, — «леворукие» хоккеисты, исполняющие функции крайних правых форвардов или правых защитников. По непонятной причине сейчас в хоккее значительно больше «леворуких», чем «праворуких» хоккеистов. В НХЛ из каждых четырех защитников и пяти нападающих-трое имеют левый хват. В сборной команде СССР дестнадцать из восемнадцати форвардов 1 семь из восьми защитников бросают с левой эуки. В сезон 1973–1974 годов в составе "Бостон брюинс" было, например, тридцать «леворуких» и шесть «праворуких» хоккеистов. В тот же сезон в трех ведущих

клубах Восточного района НХЛ-командах Бостона, Мон-›еаля и Нью-Йорка — не было ни одного по-тоянного защитника, который бы бросал правой руки. Быть может-как это произошло в бейсболе, — через двадцать лет все будет наоборот. Пять или шесть лет назад менеджеры жаловались на нехватку молодых талантливых «кэтчеров». Но вот откуда ни возьмись в большом бейсболе появились Джонни Венч, Термон Мансон, Тед Симмонс, Карл-тон Фикс и Рэй Фосс, и теперь те же самые люди сетуют на нехватку полевых игроков.

Если просто перечислить недостатки игры с «неудобной» стороны, их окажется больше, чем преимуществ, но, по-моему, преимущества эти так значительны, что берут верх над недостатками. Например, играя с «неудобной» стороны, я всегда испытываю трудности при обработке шайбы у борта. Далее, мне приходится чаще, чем я бы этого желал, принимать и давать пасы тыльной стороной клюшки. Наконец, когда я делаю рывок по правому краю, мне приходится дальше, чем нужно, отпускать от себя шайбу. Помните, игра с неудобной руки-это'слабое место любого хоккеиста, включая и меня. Одно небольшое преимущество игры на «неудобном» краю площадки заключается в том, что иногда соперник, выбрасывающий шайбу из своей зоны, забывает, что я играю с «неудобной» стороны, и пытается послать шайбу через середину поля, а не вдоль борта. Когда это случается, с моей позиции можно легко перехватить шайбу и либо выстрелить по воротам, либо отдать пас. Но главное преимущество заключается в том, что мне отсюда удобнее обстреливать ворота. По моим подсчетам, при броске с левой руки вместо правой, находясь на правом краю у своей синей линии, я оказываюсь примерно на двенадцать футов ближе к центру льда, чем «праворукий» защитник. А чем ближе я нахожусь к центру льда, тем у меня лучше угол обстрела ворот и больше возможностей для передач. По мне, это все равно что деньги найти.

Я вовсе не хочу этим сказать, что тренерам нужно тут же взять всех своих десятилетних хоккеистов с левым хватом и превратить их в правых крайних нападающих или правых защитников. В этом возрасте ребятам еще нужна научиться хорошо стоять на коньках и освоить основы игры. Не стоит усложнять их жизнь. Но как только станет ясно, что они овладели основами и научились выполнять на льду сложные маневры, не задумываясь ставьте их на «неудобный» край, если, конечно, это нужно для игры. Короче говоря, играть с «неудобной» стороны вполне удобно.

Выбор варианта атаки

Прямая-это самое короткое расстояние между двумя точками, но только не в хоккее. Если взять двенадцать игроков и поместить их на катке размером 200 на 85 футов, а затем бросить между ними маленькую шайбу, то кратчайшим расстоянием между любыми двумя точками окажется кривая с массой опасных препятствий. Хоккей можно сравнить с городской автомагистралью в часы пик. Ведь для продвижения вперед там надо пользоваться малейшей возможностью. То же и в хоккее, игре, которую я не раз называл "игрой благоприятных возможностей". Потому что генерального плана взятия ворот соперника не существует. Мы ведь не собираемся толпой позади своих ворот и не решаем, каким именно образом шайба попадает к Филу Эспозито, когда тот окажется за спиной правого защитника противной стороны. Но если Филу удастся это сделать и если между ним и мной есть открытое пространство, я немедля постараюсь отпасовать шайбу ему. Иной раз, правда, кажется, что нападающий открылся, а фактически — нет, потому что игрок, владеющий шайбой, не в состоянии передать ее ему. Когда такое случается, я ищу другую возможность для передачи.

Не знаю, сколько таких возможностей может возникнуть во время начала атаки из глубины обороны, поскольку это зависит от расположения на льду остальных игроков. Пусть это звучит странно, но мне кажется, что в течение одного периода не бывает двух одинаковых проходов в зону противника. Я не могу предложить рецепта для идеального перехода в атаку, потому что такого рецепта в наступательном хоккее просто не существует. Начиная атаку, я оцениваю обстановку и выбираю оптимальный вариант для своей передачи. То есть у меня существует определенный порядок перехода от обороны в наступление. Прежде чем даже подумать о передаче шайбы из своей зоны, я сосредоточиваюсь, оцениваю обстановку в своей зоне и тогда принимаю решение.

Переход от обороны в наступление можно, мне кажется, разбить на пять этапов: 1) подготовительный, 2) выход из зоны защиты, 3) решение у красной линии, 4) вход в зону соперника и 5) бросок по воротам. Итак, шайбой владеет соперник, который начи нает выводить ее из своей зоны. Перейдя через красную линию, левый форвард бросает шайбу в борт, и она летит мимо меня в правь [и от нашего вратаря угол поля.

Подготовка атаки

Когда нападающий команды соперника вбрасывает шайбу в нашу зону, я, конечно, двигаюсь спиной вперед. Поэтому прежде всего быстро разворачиваюсь, перенося левую ногу над правой и мощно отталкиваясь правой, что позволяет мне резко затормозить, круто изменить направление движения и оказаться лицом к шайбе. Многие новички не любят делать поворота «переножкой», предпочитая двигаться спиной вперед к тому месту в углу, где, как им кажется, находится шайба. Плохо. Смерти подобно. Идя на шайбу, поворачивайтесь к ней лицом. Делая разворот, я прикидываю, в каком месте поля я могу овладеть ею. В то же время я не спускаю глаз с игрока, вбросившего шайбу в зону, и стараюсь увидеть, где находятся остальные хоккеисты. В данной конкретной ситуации меня больше всего интересует поведение левого форварда.

Если он, переведя шайбу в нашу зону, сам бросился к своей скамье запасных, я сразу понимаю, что соперник производит смену составов. Иногда из-за легкого замешательства в момент смены составов без остановки игры возникают благоприятные условия для ответ ной атаки. Итак, предположим, что левый край действительно направился к своей скамье. Заметив это, я не задумываясь бегу к шайбе и подбираю ее. Мой следующий ход будет зависеть от «географии» площадки в этот игровой момент. Если скамья соперника находится в дальней от меня стороне льда, я резко развернусь и дам пас своему открытому игроку или же поведу шайбу по «свободной» стороне льда, то есть по дальней от скамьи соперника стороне, так как она дольше, нежели ближняя к скамье, будет свободна от игроков. Но если я подберу шайбу в своем правом углу и скамья запасных соперника окажется на той же стороне, я, конечно же, постараюсь дать пас своему открытому партнеру, находящемуся на свободном участке льда у противоположного борта. В зале "Бостон гарден", например, правый защитник играет с той же стороны, где в первом и третьем периодах находится скамья гостей, а во втором периоде — скамья для запасных "Бостон брюинс".

Но если левый форвард соперника вбрасывает шайбу в нашу зону и пытается ею овладеть, то я знаю, что смены составов не будет и что соперник постарается атаковать нас всей пятеркой. И вот, двигаясь к шайбе, я быстро оглядываюсь, чтобы определить: 1) где находятся те, кто хочет атаковать меня справа, 2) где находится шайба и 3) где находится левый форвард и все, кто может атаковать меня слева. От того, что я увижу, зависит, что и как я буду осуществлять в течение следующих десяти-двенадцати секунд или по крайней мере покуда мы не получим возможность атаковать ворота соперника.

Как правило, в обороне команды применяют один из трех типов атаки на игрока, овладевающего шайбой в углу своей зоны. Поскольку я узнаю, какой из трех способов атаки применяет противник, лишь за секунду-две до прикосновения к шайбе, я едва ли могу заранее знать, что буду делать, овладев шайбой. Это может показаться странным, но мое поведение целиком зависит от поведения игроков соперника. И действовать я должен, полагаясь на интуицию. Вот описание того, как я поступаю в каждом отдельном случае, чтобы шайба осталась у нашей команды.

1. Соперник посылает против меня в глубину нашей зоны только одного своего игрока. Вероятно, им будет левый крайний, бросивший шайбу в угол и находящийся к ней ближе своих партнеров. Оглядываясь по сторонам, я стараюсь разгадать маневр противника. Овладев шайбой, я поступаю тем или иным образом в зависимости от того, как близко от меня находится нападающий соперника и с каким энтузиазмом он собирается меня атаковать. Например, если он летит, не сбавляя хода, с явным намерением припечатать меня к борту и отобрать шайбу, я, по всей вероятности, пошлю шайбу вдоль борта позади своих ворот своему партнеру по обороне, который должен уже вернуться в свою зону. Если все идет гладко, то за нашим левым защитником должен следовать и левый форвард. Иными словами, у противоположного борта к приему шайбы должны быть готовы два игрока «Брюинс». Передав им шайбу, я стараюсь на время задержать атаковавшего меня игрока соперника в нашей зоне и тем самым создать для своей команды условия для контратаки.

Но если этот левый крайний просто преследует меня, не намереваясь прижимать к борту, я, вероятно, постараюсь пройти за нашими воротами и повести шайбу к средней зоне вдоль противоположного борта.

Огибая свои ворота, я как бы ощущаю моральное превосходство над своим преследователем, потому что я только начинаю очередной наступательный маневр своей команды, тогда как он только что завершил свой, причем сделал это неудачно. Таким образом, у меня есть психологическое превосходство над соперником. Обогнув ворота и устремляясь вперед, я всегда чувствую себя так, будто бегу по наклонной плоскости и будто мне в спину дует ветер со скоростью пятьдесят миль в час. И наоборот, когда нападающий возвращается на свою половину поля после неудавшейся атаки, ему кажется, что он взбирается вверх по склону ледяной горы. Что бы каждый из нас ни чувствовал, на пути от своих ворот до красной линии я всегда на несколько шагов уйду от своего преследователя. 2. Кроме левого

крайнего, в борьбу за шайбу в глубине нашей обороны может включиться и центрфорвард соперника. Обычно он приближается ко мне с противоположной стороны-по правому от себя краю, стремясь пройти за нашими воротами и помочь своему партнеру.

Направляясь к шайбе и оглядываясь по сторонам, я должен увидеть этот маневр. Если я его замечу и уйду от своих преследователей, моя команда получит блестящую возможность для атаки, потому что в глубине нашей зоны застрянут уже два игрока соперника, а не один. Главное, что требуется от меня в данной обстановке, — это выдержка: до самого последнего момента мне предстоит удерживать шайбу, иначе моя команда не получит этой блестящей возможности для взятия ворот. Овладев шайбой в углу площадки, я стараюсь увернуться от атакующих меня соперников и в то же время ищу открытого партнера. Прежде всего меня интересует наш правый крайний, который по идее должен был преследовать левого форварда соперника во время его рывка в нашу зону. Затем я взгляну в сторону своих ворот, позади которых должен расположиться мой партнер по защите. После этого я посмотрю в направлении противоположного угла-не пришел ли нам на выручку левый форвард нашей команды. Все это происходит в считанные секунды, хотя и кажется, будто прошла вечность. Шайба же будет послана тому партнеру, у кого наилучшая возможность ворваться в зону противника. Как правило, им чаще всего бывает наш правый крайний. Обычно его некому прикрывать, потому что левый крайний соперника преследует меня, а их левый защитник опасается углубляться в нашу зону. К тому же правый крайний находится ближе остальных моих партнеров и ко мне, и к шайбе.

Итак, развернувшись, я жду, чтобы оба игрока соперника буквально оседлали меня, а затем пасую шайбу своему открытому партнеру. Я стараюсь пасовать вдоль борта, чем свожу к минимуму возможность потери шайбы из-за плохого паса. Плохой же пас, сделанный поперек площадки, может, чего доброго, привести к взятию наших ворот. Ну а плохой пас вдоль борта-это просто плохой пас, что досадно, но вовсе не всегда ведет к катастрофе. Сразу же после броска я наверняка окажусь зажатым между двумя нападающими соперника. Прекрасно! Чем дольше они заняты мной, тем скорее мои товарищи создадут голевую ситуацию у противоположных ворот. К сожалению, оказавшись в своем углу лицом к лицу с двумя игроками соперника, многие хоккеисты ведут себя как камикадзе. Вместо того чтобы без особых осложнений сделать короткий пас своему партнеру, они стараются вывести шайбу из угла самостоятельно. Ни в коем случае не следует так поступать. Ведь двое соперников наверняка

отберут у вас шайбу и получат возможность поразить ворота. Пас открывшемуся партнеру-единственный способ обыграть двух атакующих игроков соперника. Во всяком случае, это разумный выход из положения.

3. Соперник может принять решение не атаковать меня, а вместо этого попытаться тремя форвардами перекрыть все пути выхода из зоны. Кстати, все команды НХЛ дают возможность отступающим защитникам или нападающим уйти с шайбой за свои ворота, опасаясь, видимо, как бы один или два их игрока не опоздали на защиту собственных ворот. Что же касается меня, то позади своих ворот с шайбой на клюшке я чувствую себя вполне уверенно. Именно с этой позиции — из-за своих ворот-команда «Брюинс» почти всегда начинает наступательные действия.

Выход из своей зоны

Остановитесь и оглядитесь вокруг! Заняв позицию позади ворот, я бросаю быстрый, но внимательный взгляд на площадку. Я смотрю, смотрю и еще раз смотрю. Боюсь, что большинство молодых хоккеистов слишком самонадеянны, когда дело доходит до того, чтобы вывести шайбу из своей зоны. Они заезжают за свои ворота, на мгновение там останавливаются, чтобы бросить поверхностный взгляд вокруг себя, и тут же бегут вперед в любом направлении. Они не дают себе труда подумать о конкретной тактике, применяемой соперником в обороне, и, что еще хуже, не обращают внимания на то, как расположены их партнеры. Такой игрок воображает, что сейчас он войдет в среднюю зону, пройдет через центр и ворвется в зону соперника по правому краю; там проскочит мимо защитников, с помощью финта уложит вратаря на лед и тыльной стороной клюшки перебросит через него шайбу прямо в верхний левый угол ворот. Честь ему и слава, если это удастся. Беда лишь в том, что те, кто злоупотребляет подобными рейдами, вскоре оказываются в низших лигах или часто сидят на скамье запасных. Повторю ещё раз: в игре под названием «хоккей» нет заранее спланированных комбинаций.

Есть много различных причин, по которым комбинации могут начинаться из-за своих ворот. Прежде всего, когда я там нахожусь, в мое поле зрения попадает все, что происходит на льду. То есть я лучше любого другого игрока вижу открытых партнеров. Далее, на секу яду или две остановив игру, я даю возможность своим игрокам перестроиться для атаки. Наконец, поскольку до последнего момента я не знаю, с какой стороны обогну ворота-слева или справа, — я усложняю действия игроков

противника, находящихся в нашей зоне Уж коли я не знаю, каким будет мой следующий ход, то они и подавно не представляют, а потому должны быть готовы ко всему.

Стоя за воротами, я почти упираюсь в борт и держу шайбу строго перед собой. Многие неопытные игроки имеют привычку либо стоять слишком близко к воротам, либо сдвигать шайбу на одну сторону. А некоторые делают и то, и другое: стоят близко к воротам и держат шайбу сбоку. Чем ближе ты находишься к воротам, тем труднее будет вывести шайбу в поле; может случиться, что она заденет за низ ворот и выйдет из-под контроля. Если же, стоя позади ворот, вы держите шайбу ближе к одной из сторон, то сами облегчаете задачу противнику: он может сообразить, в какую сторону вы двинетесь. Скажем, если шайба лежит слева от меня на фут или два от моего левого конька, то не исключено, что я обогну ворота именно слева или же дам пас влево. Не нужно быть гением, чтобы разгадать этот маневр.

Итак, я стою позади своих ворот, держа шайбу прямо перед собой, и оцениваю обстановку на площадке. Повторяю еще раз, мой следующий ход будет зависеть от позиции и поведения соперников. В такой оборонительной ситуации команды НХЛ обычно ставят своего центрфорварда у кромки пятачка, а крайних-у бортов, в относительной близости от крайних нападающих атакующей команды. И хотя в такой ситуации невозможно точно предугадать действия центрфорварда, какие-то стандартные тактические ходы все-таки существуют.

Дейв Кион из "Торонто мэйпл лифе" является одним из лучших конькобежцев в хоккее. Обычно он маневрирует перед воротами, ожидая, пока я не выкачусь, а потом атакует меня, демонстрируя отличное умение отбирать шайбу. Он такой быстрый и ловкий, что обыграть его удается только при помощи паса с партнером в одно касание. В своей зоне я почти никогда не рискую обводить Кио-на. Ни Уолт Ткачук из "Нью-Йорк рейнджере", ни Бобби Кларк из "Филадельфия флайерс" не обладают скоростью и ловкостью Киона, однако они гораздо крепче Киона, любят применять силовые приемы и пускать в ход клюшку. Игра в одно касание со своим партнером является лучшим средством и против них.

Оба они входят в группу самых агрессивных хоккеистов НХЛ, включающую также Дона Люса из «Буффало», Пита Стемковско-го из "Нью-Йорк рейнджере" и Дэниса Хекстола из "Миннесота норт старз". Все они обожают силовую борьбу за воротами и стараются прижать к борту игрока, владеющего шайбой, чтобы добиться вбрасывания. Но каждый такой игрок может попасть за ворота только с одной стороны, оставив открытым пространство с

противоположной. И хотя иной раз им удается застать защитника врасплох-в конце концов, кто может знать, что нападающий рискнет заехать за ворота? — тот, растерявшись, либо сразу теряет шайбу, либо старается прижать ее к борту. В последние годы я научился избегать таких неприятных инцидентов, применяя тактику игры в кошки-мышки.

Когда игрок соперника устремляется ко мне за ворота, я, пригнувшись, бегу в противоположную сторону, пробегаю перед своим вратарем и возвращаюсь на старое место позади ворот. На маленьком участке льда под прикрытием своих ворот преимущество всегда на стороне игрока, владеющего шайбой.

Не говоря уж о всяких неожиданностях, выведение шайбы из-за ворот в среднюю зону является порой трудным делом. По сути, защитник выполняет функции полузащитника, призванного в нужное время начать комбинацию. Каждый мой ход основан на интуиции в сочетании с опытом. Иными словами, все мои маневры на льду выполняются интуитивно, являясь ответом на действия соперников, которые те предпринимают.

Ну а еще проще, я всего лишь иду по линии наименьшего сопротивления, каким бы длинным ни оказался при этом мой путь. Если мне не мешают соперники, от своих ворот до красной линии я могу доехать за три-четыре секунды. Но если в нашей зоне от соперников буквально, проходу нет, как это обычно и бывает, то, чтобы доставить шайбу из-за ворот к красной линии, нужно двадцать-двадцать пять, а то и тридцать секунд (пять или шесть передач).

Ключом успешного начала атаки является ее четкая организация, причем главное внимание следует обращать на правильное расположение игроков в начальной стадии атаки. Когда я с шайбой нахожусь позади своих ворот, мой партнер по защите должен стоять перед воротами, а оба крайних нападающих-располагаться каждый у своего борта, между кругом вбрасывания и синей линией. «Центр» же предоставлен сам себе. У нас в «Бостоне» всегда были умные центрфорварды: Эспозито, Сендерсон, Фред Стэнфилд, а нынче — Грегг

Шеппард и Андре Савар. Все они понимают важность взаимодействия с атакующим защитником для успешного развития атаки. Скажем, Фил Эспозито, видя меня за воротами, оценивает позиции соперников и точно знает, могу ли я сам вывести шайбу из-за ворот. В этом случае он уходит в среднюю зону. Но если Фил приходит к выводу, что без посторонней помощи мне трудно самому выйти с шайбой из-за ворот, то направляется ко мне, и мы выводим шайбу вдвоем.

Защитник — хозяин положения при выходе из зоны

Выход из зоны парой-очень удобная и обычно эффективная комбинация. Выполняется она так: я, конечно, нахожусь с шайбой за воротами и оцениваю создавшуюся обстановку. Тем временем наш центрфорвард либо катится спиной в сторону ворот соперников, либо, набирая скорость, идет вдоль заднего борта, а это значит, что он видит не все, что происходит в нашей зоне. Следовательно, окончательное решение о том, кто выведет шайбу-центрфорвард или я, — принимать мне. Если, например, в десяти футах слева от меня игрок соперника, а наш нападающий приближается справа, я, конечно же, не стану передавать ему шайбу, а пропущу центрфорварда вперед: он либо сделает заслон, либо откроется для короткого паса. Но если центрфорвард выходит справа, а — 'слева никого нет, я отдам ему шайбу, а сам пойду следом за ним. Это важное решение принимается в самый последний момент, поэтому центрфорвард всегда должен быть начеку. Если я хочу, чтобы он взял шайбу, то говорю "да, да, да" или "бери, бери, бери" и во избежание недоразумений осторожно отвожу свою клюшку от шайбы. Но если я не хочу передавать ему шайбу, то говорю "нет, нет, нет" или просто накрываю шайбу крюком. Учтите, хозяином положения здесь является защитник, а не нападающий, и очень важно, чтобы они понимали друг друга. Совершая маневр вдвоем, защитник и нападающий не должны расходиться далеко, чтобы в нужный момент подстраховать друг друга. К примеру, если шайбу выводит из-за ворот центрфорвард, я следую за ним по пятам на случай, если из-за вмешательства соперника ему надо быстро избавиться от шайбы. А когда шайбу вывожу я и попадаю в- беду, то всегда рассчитываю на помощь находящегося рядом центрфорварда. А вообще, команда «Брюинс» почти всегда начинает контратаку парой со множеством передач в одно касание или с оставлением шайбы позади себя.

Но предположим, что наш «центр» оценил обстановку и решил не заезжать за ворота. Что же делать мне? То, что подскажет чутье. В зависимости от расположения соперников я еду влево или вправо: ищу открытое место, где бы оно ни находилось. Выйдя из-за ворот, я стараюсь держаться середины площадки, чтобы иметь возможность для большего числа комбинаций — и как игрок, владеющий шайбой, и как игрок, могущий дать пас. Если, например, меня встречает соперник, я могу обойти его справа или слева; прижать меня к борту невозможно. Если же я захочу передать шайбу, то могу послать ее левому крайнему, правому крайнему, центрфорварду или даже назад-второму защитнику. Посудите сами, как мало у меня будет

вариантов, если при атаке из глубины обороны я смещусь ближе к одной из сторон площадки. Идя по правому краю, я не рискну давать поперечный пас левому крайнему; для того чтобы передать шайбу правому нападающему, мне, наверное, придется играть о борт; и центрфорвард сможет принять от меня пас только с ближней ко мне-правой-стороны. Таким образом, проход по одному из флангов уменьшает возможность подключения к атаке моих партнеров, находящихся на противоположном краю.

Двигаясь по середине площадки, я все время смотрю по сторонам, но ни в коем случае не на шайбу. Неприкрытый партнер — вот кто мне нужен. Не воображайте, что сумеете пробиться в одиночку и забить гол, как я это делал в прошлом. Есть такое шаблонное изречение: в команде не может быть «я». Если открылся левый «край», шайба идет к нему. Если открылся «центр», шайба идет к нему. Если открылся правый «край», шайба идет туда. Коллективизм был одной из первых истин, которые я познал еще в Пэрри-Саунде, и эта истина была очень важна для шестилетнего ученика первого класса. Продвигаясь вперед, проявляй гибкость, а не глупость и всегда стремись найти открывшегося партнера.

У красной линии

Я не обороняющийся защитник. Я люблю шайбу, люблю вести ее. Большинство защитников НХЛ весьма редко заводят шайбу далеко за красную линию из боязни «провалиться», что может стоить их команде гола. Они усвоили, что призваны защищаться, а не наступать. В России, например, защитники только «питают» шайбами своих нападающих. Насколько я помню, за все восемь матчей серии СССР-Канада в 1972 году защитники советской сборной едва ли пять-шесть раз совершали рейды в нашу зону в одиночку. Такая игра не по мне. Уж если я вхожу в среднюю зону с шайбой, то почти наверняка буду продолжать движение вперед и постараюсь быть активным участником атаки. И опять в зависимости от расположения на льду как моих партнеров, так и игроков команды соперников я буду подсознательно перебирать варианты возможного развития атаки.

1. В поисках открытого партнера я могу заметить, что один из наших крайних нападающих в своей полосе движения опережает своего преследователя и на шаг-два находится впереди меня. Если я сам попытаюсь войти в зону противника с шайбой, то, несомненно, наш крайний нападающий, который раньше меня пересечет синюю линию, окажется в положении "вне игры".

Вместо этого я посылаю шайбу через синюю линию в ближний к нашему нападающему угол. Он наверняка овладеет шайбой. Во-первых, преследующий его соперник отстал на шаг или два. Во-вторых, в то время как он на полном ходу несется в угол, опекающий его защитник катится спиной вперед и теперь, увидев, что шайба послана за его спину в угол, должен быстро развернуться, набрать скорость и кинуться в погоню за шайбой. Как защитник уверяю вас-это почти всегда безнадежное дело.

2. Если я увижу, что защитник соперника собирается приблизиться ко мне и силовым приемом вывести меня из игры, то сделаю вид, будто не догадываюсь о его намерениях, и постараюсь выманить его на себя. Конечно, он может толкнуть меня. Но, направляясь ко мне, он волей-неволей открывает большой участок льда. Один из моих партнеров наверняка заметит это свободное место, и, перед тем как соперник обрушится на меня, я постараюсь передать шайбу этому партнеру. В случае удачи мы можем оказаться перед воротами в большинстве.

3. Я могу заметить, что защитники откатываются в свою зону, предоставляя мне оперативный простор. В этом случае я, вероятно, сам войду в их зону, а затем уж буду решать, что предпринять дальше.

4. Предположим, что все пять игроков соперника встали стеной у синей линии. Такую оборонительную тактику любит применять против нас команда "Нью-Йорк рейнджере". В этом случае я либо бросаю шайбу сквозь «щель» в этой стенке, и наши форварды устремляются за ней в угол площадки; либо посылаю шайбу вдоль борта, чтобы один из крайних нападающих мог подхватить ее позади линии обороны и передать партнеру по звену; либо, наконец, сыграю в одно касание с кем-нибудь из своих игроков. В последнем случае, передав шайбу партнеру, я постараюсь прорваться сквозь заслон противника и броситься к воротам в надежде получить ответную передачу. Выстраивание стенки на синей линии дает обороняющейся команде определенные преимущества: сужается «репертуар» атакующей стороны.

Недостаток же такой оборонительной тактики состоит в том, что у нападающих все же имеется возможность уйти от защитников, поскольку второй линии обороны не существует.

5. Я не вижу открытого партнера. Но вместо того чтобы предпринять какой-нибудь отчаянный маневр, рискуя потерять шайбу, я откатываюсь к своей синей линии и пытаюсь начать комбинацию снова. Если первая попытка не удалась, надо пробовать снова и снова.

Начиная атакующую комбинацию в средней зоне, я стараюсь избегать повторения одних и тех же маневров. Но один из них я вообще почти никогда не предпринимаю. Я не помню, когда в последний раз врывался в зону соперника вслед за шайбой, проброШен-ной мною туда из-за синей линии. Почему? Потому что для защитника такой маневр смерти подобен. Позвольте объяснить. У игроков обороны, которые любят играть в нападении, должно быть полное взаимопонимание со своими крайними нападающими, что-то наподобие телепатии. Крайние нападающие должны предвидеть маневр защитника, владеющего шайбой, не разрушить комбинацию, оказавшись в положении "вне игры". Более того, если я войду с шайбой в зону соперника и буду участвовать в атаке, один из нападающих должен задержаться и подстраховать меня у синей линии. Никогда не следует допускать, чтобы при атаке ворот соперника в глубине его обороны оказывались сразу четыре игрока: атакующий защитник и трое нападающих. Один из форвардов должен задержаться и занять мое место у синей линии. К моему счастью, в «Бостон» с этим никогда не было проблем, хотя у нас и не существует правила, которое бы гласило: "Если Орр идет влево, делает финт вправо, входит в зону, разворачивается, падает и бросает шайбу, распростершись на льду, то в этом случае правый крайний отстает и занимает его место у синей линии". В подобных ситуациях крайние нападающие должны полагаться на свой опыт. Порой меня подстраховывает тот «край», который идет сзади, особенно если он находится на противоположном от меня фланге. Иной раз игрок противоположного фланга должен почувствовать, что ему надо отстать, если ему кажется, что мне легче будет осуществить комбинацию с ближним ко мне крайним нападающим, нежели пытаться вовлечь его в какой-либо рискованный маневр. А если на том фланге, по которому я веду шайбу, сосредоточиваются два или три соперника, то ближнему ко мне форварду следует занять мое место у синей линии, потому что его дальнейшее продвижение вперед лишь создает ненужную толчею.

Итак, при наличии сыгранности с крайними форвардами моя попытка ворваться в зону соперника вслед за шайбой вызвала бы у него крайнее недоумение. К тому же я на собственном горьком опыте убедился, что поступить так — значит дать возможность сопернику сыграть в отрыв "двое против одного" или "трое против одного" и создать реальную угрозу для наших ворот.

После того как я пересек синюю линию, вошел в зону и передал шайбу, я мысленно проверяю свой список. Во-первых, я немедленно убеждаюсь, что один из наших крайних страхует

меня у синей линии; если оба они рвутся к воротам, я тут же выхожу из атаки и занимаю свою обычную оборонительную позицию. Если же я подстрахован, то быстро оцениваю сложившуюся передо мной обстановку и смотрю, сможем ли мы удержать шайбу в зоне противника. Стоит мне в этом усомниться, как я ищу кратчайший путь в свою зону, чтобы отразить неизбежную контратаку противника. Когда же интуиция подсказывает: «Вперед», я делаю рывок к воротам, чтобы получить пас от партнера, подправить шайбу в ворота или воспользоваться отскоком.

Вход в зону соперника

Чаще всего, когда входишь с шайбой в зону противника, сталкиваешься с определенными стандартными положениями. Бывает, что мне противостоит единственный защитник, то есть "один против одного". А если мы вдвоем выходим против одного защитника соперника, создается положение "двое против одного". Или же возникает положение "трое против двоих", то есть я с двумя партнерами выхожу против двух соперников-чаще всего защитников. Во всех этих случаях, разумеется, последнюю линию обороны обеспечивает голкипер. Вот что приходит мне в голову, когда я ввожу шайбу в зону соперников и сталкиваюсь с одним из таких стандартных положений.

Один против одного. Я не изучаю индивидуальную манеру игры соперников и не собираю статистических данных на защитников, центрфорвардов или крайних нападающих, чтобы знать, как в 99,2 случаев из ста поведет себя игрок, если я выйду на него со скоростью 13,74 мили в час, сделаю финт влево, а сам сверну направо, протолкну шайбу у него между ног и постараюсь овладеть ею за его спиной. Одинаковые стандартные положения встречаются, пожалуй, не больше двух-трех раз в сезон, так что ведение такого учета-пустая трата времени. Когда я выхожу один на один с соперником, то просто хочу, чтобы не я, а он допустил ошибку. Если он слишком медленно откатывается назад, я, вероятно, попробую рывком обойти его с той стороны, где больше свободного пространства. А если он слишком быстро откатывается и неумышленно надвигается на своего вратаря, я постараюсь как можно ближе подкатиться к ним обоим и бросить шайбу в любую «дыру». Старая хоккейная истина гласит, что когда оказываешься лицом к лицу с соперником, то не следует смотреть ему в глаза — глаза должны быть устремлены ему на грудь. Дело в том, что смотреть он может в каком угодно

направлении, тогда как поехать лишь туда, куда повернута его грудь, если только он не резиновый.

Насколько я знаю, в хоккее такие люди не водятся, хотя у меня иной раз возникают сомнения относительно Жильбера Перро из "Буффало сейбрс". К тому же, когда смотришь сопернику на грудь, а не в глаза, тебя труднее сбить с толку. Но что бы ни утверждали, когда я приближаюсь к сопернику, то смотрю ему в лицо. Прямо в глаза. И они говорят мне все, что я хочу знать. А жду я того, чтобы он, желая проверить, не спешит ли мне на помощь мой партнер, хотя бы на секунду отвел глаза. В этом смысле его грудь ничего мне не подскажет. Стоит мне увидеть, что соперник перевел взгляд в сторону и на мгновение забыл обо мне, как меня и след простыл. Конечно, если он знает, что в ответ на движение его глаз я совершу какой-то маневр, то, возможно, постарается нарочно посмотреть куда-то в сторону, чтобы я выдал свои намерения, и тогда, к моему изумлению, легко нейтрализует мои действия. То есть просто перехитрит меня, и с этим ничего не поделаешь. Оказываясь в положении "один против одного", я всегда стараюсь действовать неожиданно. Более того, я скорее предпочту какую-нибудь немыслимую комбинацию финтов, чем совершу маневр, уже не раз приносивший мне успех.

Например, я продвигаюсь по правому флангу навстречу одному защитнику соперника. Борт справа от защитника примерно в восьми-десяти футах, а слева между ним и противоположным бортом целых восемьдесят. Следовательно, я автоматически пойду влево, так? Быть может, но, скорее всего, я воспользуюсь более коротким и быстрым маршрутом. Иными словами, я попробую проскочить между защитником и ближним бортом. Меня могут припечатать к борту, но попытаться стоит. Почему? Защитник полагает, что я пойду по более просторному участку льда, то есть справа от него. И его глаза могут подсказать мне, что он думает. Чтобы помочь ему, я сделаю ложное движение. Теперь он убежден, что я направлюсь именно туда. Это напоминает игру в кошки-мышки. Стоит ему двинуться вправо, как я бегу в противоположную сторону, и, пока он сообразит, что я делаю, мне, вероятно, удастся проскочить между ним и бортом. Но, как я говорил выше, бывает, что и он меня обманывает. Помню игру против "Чикаго блэк хоукс", когда я оказался у борта один на один с хитрейшим защитником Билли Уайтом. Посмотрев ему в глаза, я заметил, что он поглядывает в сторону более просторной части льда, опасаясь, видимо, что я пойду именно туда. Я поверил его глазам, сделал обманное движение, а сам рванулся к борту. В следующее же мгновение я с треском влетел в борт и оказался на льду. Не я, а он меня провел. Кое-как

встав на ноги, я посмотрел на Уайта. Голова его была опущена, но он поднял на меня глаза и улыбнулся. Он улыбнулся! Пришлось и мне рассмеяться. В хоккее побеждает тот, кто хитрее, и не все же время выигрывать мне. Но надо стремиться побеждать чаще, чем проигрывать.

Двое против одного

Вся штука здесь в том, чтобы оба атакующих игрока продвигались вперед, не снижая скорости, так как в противном случае положение "двое против одного" быстро превратится в "двое против двоих", а то и "двое против троих". Прежде чем самому решить, какие действия предпринять, я как игрок, владеющий шайбой, стараюсь заставить соперника выдать свои намерения. При положении "двое против одного" стандартное правило защиты гласит, что вратарь берет на себя игрока, владеющего шайбой, а защитник — второго игрока атакующей стороны. Но для того чтобы запутать защитника, я обычно сдвигаюсь к одной из сторон. Если, он, растерявшись, преследует меня, я передаю шайбу партнеру, которому никто не мешает бросить по воротам. Если же защитник не обращает на меня внимания и опекает моего товарища, я постараюсь совершить бросок по воротам с близкого расстояния.

Еще одна комбинация, которую я люблю разыгрывать в положении "двое против одного", — оставление шайбы. В этом случае я иду посередине зоны, тем самым подсказывая партнеру, что ему надо приблизиться и следовать со мной. Оставив ему шайбу, я продолжаю движение вперед, стараясь нейтрализовать защитника. То есть я пытаюсь вывести его из игры силовым приемом или стараюсь закрыть бросок своего партнера. Положение "двое против одного" часто возникает, когда игрок одной команды отбывает наказание, а четверка соперников, играющих в большинстве, «проваливается» в зоне защиты. Дерек Сендерсон и Эдди Уэстфолл играли лучше всех в НХЛ, когда их команда оставалась в меньшинстве, и чуть ли не в каждой встрече им удавалось вдвоем хотя бы раз выходить к воротам соперника против одного защитника. Когда при игре нашей команды в меньшинстве Сендерсон в паре с Филом Эспозито выходили вдвоем против одного защитника, они применяли весьма рискованный, но зато довольно успешный маневр, приводивший вратарей и защитников в полное недоумение. Зная, что защитник обычно держится середины площадки, а вратарь следит за действиями игрока, владеющего шайбой, Дерек и Фил создавали

полный хаос, идя на небольшом расстоянии друг от друга и беспрерывно передавая шайбу друг другу. Защитник не знал, что ему делать, и вратарь тоже пребывал в неведении. Шайбу мог бросить и тот, и другой, причем ни Дерек, ни Фил сами не знали, кто из них это сделает. Откуда же знать соперникам? Но кто бы ни завершал комбинацию, обычно она приносила успех. Однако то, что получается у Дерека и Фила, не следует делать неопытным хоккеистам, поскольку успех этого маневра зависит от прекрасной сыгранности и совершенной техники его участников. Молодым хоккеистам лучше занимать позицию подальше от защитника, чтобы вынудить его пойти на обострение, а потом уж действовать самим, сообразуясь с обстановкой. Преимущество на вашей стороне, так что не растеряйте его.

Трое против двоих

Во время игры это стандартное положение возникает чаще всего, когда гри игрока-обычно это форварды-ока-зываюгся в зоне соперника против двух защитников. Будучи атакующим защитником, я участвую во множестве таких игровых моментов, потому что в отличие от других защитников не стараюсь избавиться от шайбы в средней зоне. В прежние времена атакующие неизменно передавали шайбу центрфорварду, чтобы он разыгрывал комбинацию. Сейчас такого правила уже не существует. И в самом деле, разыгрывающим может быть любой из трех атакующих игроков. И опять, здесь тоже нет готовых рецептов, которые привели бы к взятию ворот. Игрок, контролирующий шайбу, должен искать удобный момент і пользоваться им. Тем не менее существует несколько стандартных маневров, которые новичкам следует отрабатывать. Овладев стандартными маневрами, можно видоизменять их бесчисленное множество раз. Вот пример: если в положении "трое против двоих" я контролирую шайбу и продвигаюсь по флангу, то предпочтительней, чтобы игрок в центре слегка отставал, а второй крайний прорывался к «пятачку». Таким образом создается положение "двое против одного" с одним атакующим "на подхвате". В результате я могу бросить шайбу сам, зная, что мои партнеры в центре или на краю смогут, если понадобится, добить отскок; или дать пас на выход своему крайнему, а тот в свою очередь протолкнет шайбу в ворота; или просто оставить ее своему партнеру в центре, имеющему хорошую возможность для обстрела ворот. Но если я веду шайбу посередине поля, обоим моим крайним лучше прорываться к воротам. Делая это, они

отвлекают на себя внимание обоих защитников, что позволяет мне приблизиться к воротам и развивать атаку дальше. Теперь я могу бросить по воротам сам или отдать шайбу тому из партнеров, кто окажется в более выгодной позиции. Мне не хотелось бы это повторять снова, но в подобных ситуациях я никогда не действую по заранее подготовленному плану. До последнего момента я ожидаю самой выгодной позиции и тогда полагаюсь на свой инстинкт. Но бывает, что в положении "трое против двоих" я не контролирую шайбу. В этом случае располагаюсь на шаг или два позади одного из партнеров по атаке, чтобы быть готовым принять оставленную шайбу или добить ее после отскока.

Кроме этих стандартных положений, в процессе игры возникает множество других ситуаций, таких, как "трое против одного", "четверо против двоих" и "четверо против троих". Помните одно правило: всегда ориентируйтесь на игрока с наилучшей позицией для взятия ворот и сами ищите такую позицию. А если вы участвуете в комбинации, где четверо ваших партнеров атакуют одного, двух или трех соперников, следите за тем, чтобы один из вас сумел вовремя поспеть на защиту своих ворот, если ваша атака сорвется и противник начнет контратаку.

Обыгрывание вратаря

Я не занимаюсь анализом игры вратарей и не составляю генеральных планов взятия ворот в определенных ситуациях. Кстати, одно и то же положение может вообще никогда не повториться. Я не знаю, что я буду делать с шайбой, пока там не окажусь. Где «там»? Клянусь честью, не знаю. «Там» может быть дальше тридцати футов от ворот или чуть ли не в створе ворот. То есть я хочу повторить, что на лед нельзя выходить с заранее составленным планом действий. Во время игры вы руководствуетесь интуицией. Поверьте мне, в свое время из-за каких-то планов я упустил немало возможностей взятия ворот. Помню, как-то мы играли с командой "Детройт рэд уингз", ворота которой защищал молодой вратарь. Кажется, это был Дут Грант, покидавший, по словам наших «разведчиков», ворота после первого же финта. В самом начале первой игры я выхожу один на один с вратарем. Приближаясь к воротам, я вспоминаю, что говорили о нем наши «разведчики». И вот вместо того, чтобы пытаться бросить шайбу в незащищенную часть ворот, я решаю ловким финтом выманить вратаря на себя. Все мое тело с головы до ног приходит в движение, и я жду, что он вот-вот растянется

на льду. Ничего подобного: вратарь стоит как вкопанный. Тогда в панике я применяю другой набор финтов. Никакого впечатления. Не успеваю я опомниться, как оказываюсь позади ворот, так и не воспользовавшись прекрасной возможностью забросить шайбу.

Кстати, о сообщениях «разведчиков». У всех нас в памяти их рассказ о вратаре советской сборной Владиславе Третьяке. Накануне матчей Канада-СССР для ознакомления с игрой советской сборной в Москву вылетели Боб Дэвидсон и Джон Маклеллан из "Торонто мэйпл лифе". В Москве наши «разведчики» узнали, что русские хоккеисты тренируются в Ленинграде. Их тут же отправили в Ленинград и чуть ли не с поезда, измученных, повезли на товарищеский матч между игроками первой и второй сборных СССР.

Еще раньше Дэвидсон и Маклеллан слышали, что Третьяк сбвсем плохо играет левой рукой — ему баскетбольный мяч ею не поймать, не т0 что летящую шайбу. Результаты товарищеской встречи подтвердили эти слухи. Третьяк пропустил двенадцать шайб, причем девять из них пролетели с левой стороны, а когда ему удавалось поймать шайбу, то он делал это очень неуверенно.

Не умеет брать шайбу перчаткой-ловушкой-таков был приговор Дэвидсона и Мак-леллана, и больше мистера Третьяка в России они не видели. Но нашим разведчикам не было известно, что лишь за два дня до их приезда Третьяк женился и прервал свой медовый месяц, чтобы принять участие в показательном матче. Им также было невдомек, что в течение последних четырех месяцев Третьяк по девяносто минут в день тратил на то, чтобы ловить шайбы, пущенные автоматом-катапультой, приобретенным… где бы вы думали? Да-да, в старой доброй Канаде. Впоследствии оказалось, что умение невероятно ловко ловить шайбу ловушкой — самая сильная сторона Третьяка. А нам потребовалось четыре или пять игр на то, чтобы понять, что в левую сторону ворот бросать шайбу Третьяку нет смысла. Вот чего стоят сообщения «разведчиков» о вратарях.

Чаще всего в дуэли между вратарем и полевым игроком побеждает тот, у кого крепче нервы. Я всегда жду, когда вратарь первым сделает ход и тем самым даст мне возможность атаковать ворота. Он же хочет, чтобы первый ход сделал я. В этой странной ситуации один из нас может не выдержать. А если нервы крепкие у обоих, то мы оказываемся в тупике. Вообще, как только я вижу возможность для броска, я использую ее немедленно. Я предпочитаю посылать шайбу низом, но если замечаю незащищенное место где-то в верхней части ворот, то стараюсь попасть шайбой в него. Каждый выбирает то, что ему удобней. Мне, например, легче забросить шайбу, чем обмануть вратаря. А

игрокам вроде Грегга Шеппарда, Жильбера Перро, Стэна Микиты и Питера Маховлича, обладающим великолепной техникой и мастерски выполняющим финты, пожалуй, легче добиться успеха, выманив вратаря, чем просто забросить шайбу. Фил Эспозито? Он обладает прекрасным броском и столь же прекрасной техникой владения клюшкой. Что бы он ни предпринимал, шайба почти всегда оказывается в сетке.

За первые восемь лет своей карьеры в НХЛ из всех моих бросков по воротам примерно 12,5 процента достигли цели. Не вообще бросков, а бросков по воротам. В этом вся разница. С учетом того, что чаще всего мне приходится обстреливать ворота с расстояния от тридцати до пятидесяти футов, соотношение один к восьми кажется мне вполне при-личным. И тем не менее вратари всегда приводят меня в недоумение: у каждого свой стиль, своя техника, свои привычки, присущие только ему одному. К примеру, мне было легче играть против Кена Драйдена, когда он выступал за «Канадиенс», чем против Тони Эспозито из "Блэк хоукс". Почему? Не знаю. Я не говорю, что мне было жаль, когда Драйден временно перестал играть и в сезоне 1973–1974 годов не участвовал, хотя каждый год я забрасывал в его ворота по несколько шайб. Как ни странно, еще в 1971 году, после того как команда «Канадиенс» выиграла у нас в начале розыгрыша Кубка Стэнли, в чем немалая заслуга Драйдена, он где-то сказал, что я слишком часто посылал шайбу низом в сторону его ловушки. Может быть, да, а может, и нет. Я бросал шайбу в незащищенные участки ворот, и честь и хвала Драйдену, если он успевал поймать мои шайбы в ловушку, что, впрочем, не всегда ему удавалось, ведь мне все-таки довелось в одной игре трижды поразить его ворота. С Тони Эспозито другое дело. По-моему, за пять лет, что он выступает за «Чикаго», мне удалось забросить в его ворота не больше трех-четырех шайб. У него какой-то особый стиль игры. Но самое главное то, как он владеет руками. В общем, разобраться в нем я не мог. Существовало мнение, что Тони плохо справляется с дальними бросками, вот я время от времени наудачу и обстреливал его издалека. Покуда мне не везло. Как ни странно, остальным моим товарищам по команде больше везло с братом Фила, чем с Драйденом. Так что попробуйте разберитесь во вратарях. Мне это не по силам.

Как уже говорилось выше, я люблю обстреливать ворота низом. Исключение составляют те случаи, когда голкипер лучше отражает броски низом, нежели верхние. К примеру, когда ворота "Буффало сейбрс" защищает Роже Грозье, то шайбу лучше посылать в верхнюю часть ворот, потому что он стоит, согнувшись в три погибели и едва не касаясь носом льда, а когда падает, то

закрывает ногами весь низ ворот. Бросать верхом лучше и в ворота Рогатьена Вашона из "Лос-Анджелес кингс", просто потому что он самый низкорослый голкипер НХЛ и не любит, когда шайба летит на уровне его плеч. Вообще же существуют четыре причины, по которым я отдаю предпочтение броскам низом: 1) у посланной низом шайбы больше шансов проскочить мимо десятка ног и влететь в ворота; 2) вратарям-даже таким, как Грозье и коротышка Вашон, — труднее видеть шайбу, посланную низом; 3) ну а если бросок низом труднее увидеть, его труднее и остановить; 4) так как низовой бросок труднее остановить, столь же трудно и контролировать отскок, что дает атакующей команде возможность еще и еще раз совершить бросок по воротам. Стоит учесть и то, что вратарь двигает руками гораздо быстрее, чем ногами. Попробуйте надеть на себя вратарское облачение. Я однажды примерил на себя вратарские щитки и тут же их снял-слишком тяжелыми они оказались. Представляю, чем они кажутся в конце игры уставшим вратарям — тяжелыми чугунными гирями. Совершая бросок, я стараюсь учитывать, какой рукой вратарь ловит шайбу. При прочих равных условиях я предпочитаю бросать шайбу в сторону, где у него клюшка, а не перчатка-ловушка. Понятно почему: рукой, которая держит клюшку, он, конечно, шайбу поймать не может, к тому же она у него не столь подвижна.

Совершая бросок по воротам, я просто хочу забить гол

Совершая бросок со своей точки справа у синей линии, в общем-то, я не очень думаю, полетит ли шайба низом или верхом, где у вратаря клюшка или перчатка. Главное, чего я желаю, чтобы от моего щелчка-а к нему я прибегаю чаще всего-или кистевого броска шайба оказалась вблизи ворот. Если же шайба летит в створ ворот, есть вероятность, что вратарь ее пропустит или ее подправит кто-либо из моих партнеров. Но если даже вратарь и отобьет шайбу, она может попасть на клюшку одного из моих вездесущих товарищей, и тот забьет гол. Иными словами, бросая от синей линии, я вовсе не рассчитываю непременно поразить цель. Если вратарь видит момент броска от синей линии, ему не составляет абсолютно никакого труда поймать шайбу. Для него это как забава: хороший вратарь непременно отразит бросок, сделанный с расстояния шестидесяти футов, если никто ему не мешает. Когда мы играем с "Чикаго блэк хоукс", их защитники из сил выбиваются, чтобы от моей точки до Тони Эспозито была открытая трасса. Более того, они стараются оттеснить с трассы

всех наших игроков, в результате чего все мои броски от синей линии у Тони как на ладони, и ему не составляет никакого труда ловить все мои шайбы. Во встречах против Канады русские фактически применяли аналогичную тактику. Наши хоккеисты все время жаловались на неправильную блокировку, когда русские старались оттеснить их от ворот, но судьи не реагировали на эти жалобы. Вся штука в том, что атакующая сторона пытается создать у ворот толчею, чтобы запутать вратаря и не дать ему увидеть бросок. Я лично предпочитаю бросать в толпу игроков перед воротами. Вратарь может не увидеть момент броска. Кто-нибудь может изменить направление полета шайбы. Может, вратарь увидит шайбу в последний момент, неудачно отобьет ее, и кто-то из моих партнеров забьет гол. Когда бостонцы играют в большинстве, я знаю, что у самого угла ворот, справа от вратаря, прочно располагается Джонни Бучик. Зная это, я стараюсь посылать шайбу к нему в надежде, что он или подправит шайбу в ворота, или примет пас и перебросит шайбу через вратаря.

Как и все, я больше всего люблю выход к воротам один на один с вратарем. Понятия не имею, сколько раз мне это удавалось за годы выступления в НХЛ, но одно я знаю: выйдя один на один, я никогда не применяю бросок щелчком. Щелчок-бросок не прицельный, так зачем же пользоваться им в отрыве? Тут опять идет война нервов. Как ни странно, большинство вратарей НХЛ в отличие от полевых игроков пишут целые книги о манере соперников бросать шайбу и, вероятно, прекрасно знают, как ты себя поведешь, выходя к их воротам. Поэтому повторю еще раз: не действуйте шаблонно. Я, например, всегда иду прямо на вратаря, а не приближаюсь к нему сбоку. Поступая так, я расширяю себе зону действий: могу свернуть влево, вправо или даже атаковать ворота в лоб. Я жду момента для броска. Дождавшись, бросаю по воротам. Если подходящий момент для броска не наступает, я пытаюсь создать его сам. По-моему, ситуация, подобная той, которая возникла, когда я забросил шайбу в ворота "Сент-Луис блюз" в 1970 году, является самой неприятной для вратарей. А получается вот что. Когда идешь прямо на вратаря, а затем сдвигаешься в сторону, вправо или влево, вратарь вынужден тоже сдвигаться в ту же сторону. При этом он в какой-то момент расставляет ноги, и в это время как раз можно забросить шайбу. Иной раз это получается, иной раз-нет. Но мне в такой ситуации чаще всего везло.

Во время контратаки главное, о чем надо думать, — это о выходе на позицию для броска и контроле над шайбой. То же самое происходит при игре в большинстве, только основное

внимание обращается на контроль шайбы. В НХЛ чаще всего назначаются двухминутные штрафы. Иными словами, команда, оказавшаяся в большинстве, в течение двух минут имеет на одного игрока больше, если, конечно, ей не удастся забросить шайбу до истечения этих двух минут. К сожалению, многие полагают, что гол надо непременно забивать в течение первых же секунд штрафного времени. В результате затеваются рискованные маневры, даются отвратительные пасы, совершаются немыслимые броски. К чему такая спешка? Что зазорного в том, что для взятия ворот команде потребовалась минута и пятьдесят девять секунд? В большинстве случаев время не играет решающей роли. Задача заключается в том, чтобы контролировать шайбу в зоне защиты соперника ровно столько, сколько потребуется для того, чтобы дать пас открывшемуся партнеру или подготовить бросок в незащищенную часть ворот.

Помните, что игра в большинстве означает, что у команды есть преимущество в одного игрока. Рано или поздно один из участников атаки должен выйти из-под опеки соперника для хорошего броска по воротам. Так что спешка здесь ни к чему. В течение последних семи лет команда «Брюинс» почти всегда удачно играла, имея численное превосходство. В 1969–1970 годах мы установили рекорд НХЛ, забросив 81 шайбу в 76 играх, то есть играя в большинстве, мы забрасывали более одной шайбы за встречу. Фантастический результат! В 1970–1971 годах мы немного сдали, забросив 80 шайб в 78 играх, а в 1971–1972 годах и того меньше: 74 шайбы в 78 играх. Быть может, я напрасно употребил слово «сдали», поскольку и в те два сезона мы лидировали по шайбам, заброшенным при игре в большинстве, и в книге рекордов НХЛ по двум этим показателям занимали соответственно места второе и третье. Кроме того, в сезон 1970–1971 годов Фил Эспозито установил рекорд НХЛ, когда при игре в большинстве забросил 25 шайб, но на следующий год он побил свой же рекорд, забив 28 голов. Хорошая сыгранность участников атаки является ключом к успеху. Общеизвестно, что за все пять лет-с 1967 по 1972 год, — когда команда «Брюинс» дважды завоевывала Кубок Стэнли и дважды занимала первое место, наша тактика игры в большинстве оставалась неизменной. Эспозито занимал место в центре, а по краям у него были Джонни Бучик и задиристый Джонни «Пирожок» Маккензи. Фред Стэнфилд, центровой игрок с прекрасной техникой владения шайбой и точным низким броском, занимал место левого защитника, а я, как всегда, играл справа. В 1972–1973 годах на правом крыле вместо Маккензи играл Кен Ходж, так как Маккензи ушел во вновь образованную Всемирную хоккейную

ассоциацию; позицию левого защитника, кроме Стэнфилда, стали занимать и другие игроки. Не мудрено, что из-за этих перемен результативность игры в большинстве резко упала. Однако в сезоне 1973–1974 годов мы опять заняли ведущее место в НХЛ по результативности игры в большинстве. Тогда, как и прежде, Бучик, Эспозито и Ходж играли впереди, а место левого защитника прочно занял Кэрол Вадне, защитник атакующего плана, с прекрасным броском и великолепной техникой владения шайбой. Не указывая ни на кого пальцем, я хотел бы заметить, что предпочитаю, чтобы при игре в большинстве со мной в паре был защитник, подобный Вадне. Дело в том, что защитник привык выполнять оборонительные функции, и, когда соперник прерывает нашу комбинацию и переходит в контратаку, Вадне не растеряется, даже если ему придется отражать натиск двух соперников. К тому же защитнику привычнее отбирать шайбу у борта, что, поверьте, далеко не легкое дело.

Имея численное преимущество, мы ждем, пока один из наших игроков не избавится от опеки соперника и не выйдет на открытое место, а до тех пор контролируем шайбу, передавая ее друг другу. Соперник обычно применяет против нас зонную защиту, то есть четверо его игроков выстраиваются квадратом перед своими воротами: каждый из них защищает опеределенный участок льда. Разрушить зонную защиту не так просто, поэтому, прежде чем совершить бросок по воротам, нам приходится передавать шайбу тридцать, шестьдесят, а то и девяносто секунд.

Когда я владею шайбой, то учитываю следующее. Я знаю, что Бучик займет свое привычное место справа от вратаря, в непосредственной близости от него. Кроме того, я знаю, что перед воротами будет маневрировать Фил Эспозито, готовый подправить шайбу, принять пас или закрыть поле зрения вратаря. Если позволит обстановка, я выдам пас Бучику. Если Фил освободится от опеки, я отпасую ему или же пошлю шайбу в сторону ворот, надеясь, что Фил подправит ее в сетку. И наконец, может быть, бросок по воротам удастся совершить мне самому. Я поступаю, как подсказывает мне интуиция, и стараюсь не паниковать. Две минуты-это довольно долго. И если кто-то при игре в большинстве не может за две минуты хотя бы раз избавиться от опеки соперника, значит, он не заслуживает права быть на площадке, когда его команда получает такое преимущество. Я все рассуждаю о важности длительного контроля шайбы, но в одной игре сопернику был назначен двухминутный штраф, а две секунды спустя Эспозито прямо с вбрасывания посылает шайбу в сетку ворот. Вот и говори после этого о контроле!

ГЛАВА VI
Защита

По мне, лучшей обороной является нападение, хотя я знаю, что среди тех, кто со мной не согласится, будут вратари, игравшие за моей спиной в «Бостоне». По их мнению, лучшей обороной является хорошая оборона. Если бы я носил маску и в меня каждый вечер летели шайбы, то я, наверное, чувствовал бы то же самое. Я знаю, что своим пониманием роли Защиты в хоккее доводил до безумия вратарей «Брюинс». Многие годы Эдди Джонстон и Джерри Чиверс постоянно покрикивали на меня во время игры:

"Бобби, смотри".

"Сзади тебя".

"В углу, Бобби".

"Бобби, там".

"Вон они".

"Отдай пас, Бобби".

"Смотри за крайним".

"Сдвинься в сторону, мне за тобой не видно, Бобби".

"Потеряешь шайбу".

"Да посмотри же, Бобби".

Моим недостатком как защитника является то, что я не уделяю достаточного внимания соперникам, расположившимся вокруг моего вратаря. Я думаю об атаке. Мне нужна шайба. Зместо того чтобы пристально следить за соперниками, расположившимися у моих ворот, и ждать, пока они не получат пас или к ньм не отскочит шайба, я всегда пытаюсь предугадать направление, в котором она может появиться. Соперники обычно стремятся проскочить мимо меня и занять постоянное место у моих ворот.

В конце концов мне приходится туго. Ничего не остается делать, как начать распихивать и расталкивать этих искателей приключений, конечно в рамках правил, в основном для того, чтобы напомнить им о себе. Защитнику следует всегда помнить, что он должен находиться между соперниками и своим вратарем; другими словами, ни в коем случае нельзя оставлять голкипера один на один с форвардами соперника. К сожалению, именно это основное правило игры в обороне я и нарушаю чаще всего. Моя игра в защите базируется на элементах риска и внезапности; я рискую для того, чтобы застать врасплох игрока с шайбой и

отобрать ее. Иногда мне везет, иногда нет. Как-то мы играли с «Рейнджере» и, наращивая счет, постоянно находились на чужой половине поля, а наш новый страж ворот Жиль Жильбер стоял без дела. Я начал играть в защите слишком беспечно и позволил игроку «Рейнджере» Стиву Виккерсу удобно расположиться напротив ворот справа от Жильбера. Вик-керс — один из многих игроков НХЛ, который забивает около 75 % своих голов с игры вблизи ворот. Мне надо было бы как-то вывести его из игры законным способом, но сделать этого не удалось. Неожиданно шайба проскочила мимо меня, откатилась к Виккерсу, и у бедного Жильбера-нашего вратаря- не осталось никаких шансов. Я оказался в дурацком положении: как только вратарю потребовалась помощь, я его подвел.

Во времена, когда я играл за «Бостон», голов мы забивали больше, чем пропускали.

С сезона 1967–1968 годов и по 1973–1974 годы наша команда была самой результативной в лиге, а в 1971 году мы установили рекорд НХЛ, забив 399 голов в 78 играх, то есть более пяти шайб за один матч. За семь лет общая разница забитых и пропущенных голов была у нашей команды самой высокой в НХЛ; мы забили на 750 голов больше, чем пропустили. В те годы мы побеждали чаще и проигрывали реже, чем какой-либо другой клуб НХЛ. И, несмотря на общее мнение, что с защитой у нас не ладится, мы все-таки побеждали.

Наши вратари свыклись с мыслью, что нападение работает, словно машина, поэтому выработали этакий философский подход к своему делу. Они знали, что разрыв в счете будет составлять 4–5 голов за игру, а это их устраивало больше, чем победа с перевесом в одну шайбу. Чиверс вел необычную статистику: однажды он пришел к выводу, что более 50 процентов шайб, забитых в наши ворота, были заброшены после того, как мы уже вели с перевесом в две или более шайбы. Джонстон как-то сказал: "Очень трудно сохранить интерес к игре в защите, если в третьем периоде твоя команда имеет значительный перевес в счете".

Естественно, что мы никогда не смогли бы установить все эти рекорды результативности, если бы не владели шайбой, а единственный способ овладеть ею-это отобрать ее у соперников. Как? Игрой в защите. Оборонительными действиями в зоне соперников. Опекой соперников в своей зоне. Подсказкой друг другу. Силовым единоборством. Ловлей шайбы на себя. Выигрышем вбрасываний. Игрой в численном меньшинстве. Надежной игрой в своей зоне. А иногда и рукопашными схватками. Играя в защите, «Брюинс» всегда в той или иной степени рискует, но только в пределах половины поля

соперников. Если Эспозито или Шеппард, скажем, видят, что у них есть примерно 75 шансов из ста на успех, они, скорей всего, попробуют отобрать шайбу быстрым силовым приемом. Если кто-то из них овладеет шайбой, то мы сможем забить гол. А если нет, то шайба может влететь в наши ворота. Мы не колеблясь идем на риск, и, как показывает статистика, фортуна сопутствует нам чаще, чем неудача.

Шестеро в защите

В обороне должны принимать участие все шесть игроков, а не только два защитника и вратарь. Большинство клубов НХЛ уже не определяет эффективность форварда лишь голами и голевыми передачами. Они ведут так называемую статистику "плюса и минуса", которая дает весьма точное представление о пользе действий игрока на льду. Если, скажем, я нахожусь на площадке в тот момент, когда обе команды играют в равных составах, и мы забиваем гол, то получаю "плюс один". Если же при численном равенстве гол забивают нам, то я получаю "минус один". Каждый раз, когда у меня получается так называемая "минусовая игра", я знаю, что действовал не лучшим образом.

Недостатком этой системы является то, что слишком многие тренеры, анализируя сумму плюсов и минусов детских команд, забывают правильно учитывать при этом соответствующие обязанности своих игроков. Например, Дон Маркотт играет на левом крае обороны; соответственно он все свое время тратит на опеку таких хоккеистов, как Айвен Курнуайе, Род Жильбер, Джимми Паппинс, Рене Робер, Билл Флетт и Мики Редмонд. Неблагодарная работа, скажу я вам, потому что, несмотря на все усилия защитников, эти игроки все равно забьют свои голы, так же как это сделает Фил Эспозито при самой плотной опеке. Поэтому в случае с Маркоттом общий итог плюсов и минусов может быть обманчив; он может закончить сезон цифрой "минус десять" и тем не менее прекрасно провести все встречи. Маркотт, однако, обычно заканчивает сезон с плюсовой оценкой, и не сомневаюсь, что он эффективно использует это обстоятельство в период заключения контрактов.

Персональная опека

Опека является основным компонентом игры в защите. Если вы не справляетесь со своей задачей, соперники будут рвать вашу

оборону, выходя вдвоем против одного, втроем против одного, втроем против двух и в других всевозможных сочетаниях. Правильно обороняющаяся команда вынуждает противника совершать грубейшие ошибки в самые неподходящие моменты и сводит на нет все его атакующие усилия.

Игроки "Чикаго блэк хоукс" умеют действовать в обороне лучше, чем кто-либо другой в лиге; они опекают своих соперников столь плотно, что даже сопровождают их в раздевалку в перерывах между периодами. Годами эта команда делала ставку на атакующий хоккей; в конце каждого сезона некоторые игроки и команда в целом устанавливали множество рекордов результативности. Однако в завершающей стадии чемпионата они после каждого матча уходили ни с чем и обычно выбывали из финалов после первого круга. Именно поэтому в 1969 году тренер Билли Рэй заставил своих «ястребов» отказаться от односторонней, постоянно атакующей манеры игры *и сконцентрировать свое внимание на игре в защите. "Чем лучше вы будете играть в обороне, — убеждал он, — тем чаще будете побеждать". Помнится, что Бобби Халл, который тогда забросил 58 шайб и установил рекорд НХЛ, весьма огорчился, узнав о решении Рэя изменить стиль игры «Чикаго». Бобби полагал, что Рэй хочет превратить его в заурядного левого крайнего, забрасывающего свои 23 шайбы за сезон. На глазах «ястребы» перестали быть высокорезультативной командой, однако при этом стали пропускать в свои ворота значительно меньше шайб. Поэтому не случайно они четыре раза подряд занимали первое место в своей группе и дважды выходили в финал Кубка Стэнли.

А как же Халл? Бобби по-прежнему забрасывал свои 50 и более шайб за сезон-даже после того, как перешел во Всемирную хоккейную ассоциацию, обнаружив, кстати, при этом, что играть от обороны ему физически легче. "Мне не приходится теперь гоняться по всему льду, — сказал мне однажды Бобби, — я прикрываю свой край, опекаю тех, кто играет на нем, а остальное меня мало волнует. Раньше я полагал, что ноги подведут меня раньше, чем мне исполнится тридцать восемь, теперь же чувствую, что смогу играть до сорока пяти лет". Любопытно, что, когда Бобби подписывал контракт с "Виннипег джетс", он одновременно стал тренером команды и уже в этом качестве требовал от своих игроков в первую очередь надежной игры в обороне, а уж во вторую-результативности в нападении. Давайте рассмотрим, какую тактику применяет «Бостон» при игре в защите.

Опека в зоне соперников

Попросту говоря, опека соперника в его собственной зоне заключается в том, чтобы выйти на игрока, владеющего шайбой, и перекрыть ему пути для прохода в нашу зону. Дело это рискованное, так как если игрок с шайбой сумеет обыграть «опекуна», убежать от него или отдать шайбу партнеру, то его партнеры выходят к нашим воротам, имея численное преимущество. Чтобы свести риск до минимума, мы никогда не посылаем вперед на отбор шайбы более двух нападающих. Крайний нападающий, дальше всех стоящий от шайбы, всегда остается сзади для подстраховки. Как защитник, я вхожу во вторую линию обороны; форварды составляют первую и выполняют большую часть работы. Некоторые нападающие НХЛ, вроде Дэниса Хекста из «Миннесоты» и Ивана Болдырева из «Чикаго», предпочитают отбирать шайбу в зоне соперников, применяя силовые приемы. Другие же форварды, такие, как Бобби Кларк из «Филадельфии», Уолт Тка-чук из "Нью-Йорк рейнджере" и Дон Льюис из «Буффало», отбирают шайбу и корпусом, и клюшкой. А нападающие вроде Дейва Киона и Норма Уллмана из "Торонто мэйпл лифе" предпочитают действовать только клюшкой. Наиболее искусные мастера оборонительных действий в передней зоне крайне редко атакуют соперника "в лоб"; вместо этого они стараются приближаться к нему под углом, чтобы уменьшить вероятность быстрого отрыва. И никогда они не преследуют соперника с шайбой за воротами и не дают ему опередить себя.

Когда я принимаю активное участие в оборонительных действиях в зоне соперников, то по соображениям безопасности пользуюсь клюшкой чаще, чем корпусом. Если мне не удалось отобрать шайбу клюшкой, то я еще смогу развернуться и вновь вступить в игру, но если при выполнении силового приема я допущу ошибку, то, вполне вероятно, могу влететь в борт или оказаться лежащим на льду.

Отбор шайбы на ближней дистанции заключается в следующем: держа клюшку в одной руке, вы стараетесь выбить у соперника шайбу. Готовясь к этому, я в первую очередь стараюсь следить за туловищем соперника, а не за шайбой. Если его грудь находится прямо передо мной, то и шайба будет находиться у моих ног. Даже если я не попаду по шайбе, то все равно задену клюшку соперника и помешаю его продвижению хотя бы на время. Отбор шайбы на дальней дистанции также осуществляется одной рукой. Я пытаюсь сделать это вытянутой далеко вперед клюшкой, как бы загребая шайбу к себе; для выполнения этого приема (а делаю я его, держа клюшку в правой руке) я веду клюшку справа налево, стараясь зацепить шайбу. Временами я

попросту стараюсь ударить по шайбе и тем самым отделить ее от клюшки противника. При отборе шайбы клюшкой я всегда слежу за грудью соперника, а не за его глазами, а затем резким выпадом вперед и вниз выполняю этот прием.

Выбивание шайбы клюшкой с дальней дистанции-более рискованный прием, чем с ближней, поэтому я никогда не делаю этого, если не уверен, что мне удастся отобрать шайбу у соперника. При выбивании шайбы как с ближней, так и с дальней дистанции я всегда крепко держу клюшку в правой руке.

Оборона в собственной зоне

Если соперникам удалось пройти переднюю линию нашей обороны и выйти из своей зоны, владея шайбой, мы переходим к защите в собственной зоне. Наши нападающие занимаются этим чаще, чем защитники. Но защитник откатывается спиной вперед и встречает нападающих лицом к лицу. Лучшие мастера игры в обороне, такие, как Дон Маркотт из «Брюинс», Клиф Королл из «Чикаго», Эдди Уэстфолл из "Нью-Йорк айлендерс", — все несутся что есть мочи, стараясь держать соперника у борта, а сами занимают место между ним и шайбой. Они главным образом следят за игрой, а не за шайбой. Обороняясь, я стараюсь катиться рядом с соперником или на полшага впереди него. Никогда не позволяйте сопернику опережать вас, потому что он может рывком резко уйти вперед и получить пас от своего партнерша. Если мне удается удерживать соперника позади себя и близко у борта, он не только никогда не забьет гола, но даже не сможет хорошо сыграть. Вот если он опередит меня и уйдет в противоположную от борта сторону, то такая оплошность может стоить моей команде гола. Когда я играю в обороне, то стараюсь создавать максимум неудобств своим соперникам. Поднимаю им клюшки, цепляю их-одним словом, делаю все, чтобы отвлечь от игры. Иногда я даже переброшусь с ними словечком. Так, о пустяках, конечно. Обычно я интересуюсь, как себя чувствуют их родственники, и прошу передать им мой привет.

Разговоры на площадке

Некоторые игроки называют это выведение^ соперника из себя. Можете называть это, как вам угодно. Это штука срабатывает в очень многих случаях, но не всегда. На льду я обычно мало с кем разговариваю, за исключением того времени,

когда действую в обороне, правда, и тогда я стараюсь свести количество слов до минимума, выражаться на хорошем языке и по всем правилам грамматики. Устные угрозы являются такой же частью хоккея, как и угрозы физического порядка. Сидя на скамейке, мы всегда что-то кричим соперникам, пытаясь отвлечь их от игры, заставляем думать о чем-нибудь другом. Если противник хотя бы на секунду задумается о том, что кто-либо из нашей команды может его каким-то образом задеть, то он, вне всякого сомнения, будет больше беспокоиться о собственной безопасности, нежели о выполнении обязанностей защитника.

Джерри Чиверс, сидя на скамейке, любит давать ценные указания игрокам другой команды. Защитникам он обычно подсказывает: "Смотри, Эспозито собирается тебя обмануть". Или просто напоминает им, что их команда проигрывает с разницей в три гола и во всех трех виноваты они. Помню, в одной игре против «Буффало» комментарии Джерри действительно сыграли нам на руку. Мы только что забили шайбу, находясь в численном большинстве, пока Эдди Шэк сидел на скамейке штрафников, и, как только он снова появился на льду, Чиверс крикнул: "Спасибо, Шэки, без твоей помощи мы бы тот гол никогда не забили". Шэк, понятно, полез в бутылку и через десять секунд снова оказался на скамье штрафников за подножку. Ну а мы снова реализовали численное преимущество. Не удивительно, что один из основных объектов для словесных нападок-Айвен Курнуайе по прозвищу Бегунок. Курнуайе, по всей вероятности, является самым быстрым конькобежцем в НХЛ и самым миниатюрным игроком в лиге. Однажды в Монреале Глен Сатер, игравший тогда за «Брюинс», по-дружески предупредил Курнуайе: "Не трогай шайбу, а то я заброшу тебя на третий ряд". Айвен усмехнулся: "Тебе сначала придется поймать меня, а этого тебе никогда не удастся сделать". В другой раз, во время финальной встречи Кубка Стэнли 1973 года, Курнуайе и Джерри Корэб по кличке Кинг-Конг из "Блэк хоукс" приготовились к вбрасыванию, и Корэб, рост которого шесть футов четыре дюйма, а вес двести пятнадцать фунтов, шепнул Курнуайе, вес которого всего лишь сто семьдесят фунтов, а рост пять футов семь дюймов: "Эй, малыш, ты кем будешь, когда вырастешь?" Курнуайе взглянул на нахального Корэба и ответил: "Тем, кем ты никогда не станешь, — бомбардиром". А чуть позже, когда Курнуайе забил гол, который принес «Канадиенс» Кубок Стэнли, он, говорят, спросил у Корэба, не хочет ли тот взять у него несколько уроков. Даже Корэб не смог удержаться от смеха.

Силовое единоборство

Вне всякого сомнения, силовая борьба — наиболее сложно трактуемая часть хоккея. Спросите подростка, что такое силовой прием, и он вам скажет, что это такой прием, при помощи которого соперник проламывает борт или же взлетает в воздух. Силовой прием, добавит он, — это такая штука, которая вызывает бурю эмоций на трибуне. У меня иное мнение. Силовое единоборство заключается попросту в том, чтобы расположить свое тело на пути движения соперника и тем самым выключить его из игры. У меня на одной руке хватит пальцев, чтобы сосчитать, сколько раз я перебрасывал соперника за борт или перекидывал его через плечо. Все, чего я добиваюсь, — это приостановить движение соперника. Если мне удастся просто встать на его пути, то уже это заставит его изменить направление движения или вообще остановиться. Подумайте сами. Если я жестоко припечатаю соперника к борту или подброшу его в воздух, я, скорее всего, и сам на несколько секунд выйду из игры. Однако если я навяжу ему силовое единоборство, просто встав на его пути, то сам останусь в игре и, возможно, смогу помочь предотвратить гол.

Когда я вхожу в контакт с соперником, то стараюсь расположить свое тело таким образом, чтобы в случае промаха не оказаться лежащим на льду или, упав, не удариться о борт. Чтобы применить силовой прием, я концентрирую все свое внимание на туловище соперника-он будет двигаться туда, куда пойдет его туловище. Запомните это и попытайтесь поставить плечо под углом к груди вашего оппонента. Поверьте мне: если плечо «влипнет» в грудь соперника, прием обязательно получится. Пожалуй, самым эффектным является бросок соперника через бедро, поскольку соперник после этого обычно совершает тройное сальто-мортале, прежде чем грохнется на лед. Лео Бойвин, крепкий коренастый защитник, был большим мастером таких приемов, пока не закончил играть несколько лет назад. Лео обычно низко приседал и подкатывался сзади или сбоку к ничего не подозревающему игроку с шайбой, ловил его на бедро и подбрасывал в воздух. Сейчас одним из лучших специалистов НХЛ в выполнении таких приемов является Рон Харрис из "Нью-Йорк рейнджере". Как и Бойвин, Харрис сбит довольно крепко, а свои разрушительные приемы бедром он начинает выполнять практически с уровня льда. Именно Харрис, помню, поймал Фила Эспозито на бедро в финале Кубка Стэнли 1973 года, после чего Фил угодил в госпиталь на операцию колена. Харрис не налетал на Эспозито, а просто провел свой прием в нужный момент чисто и неожиданно. Действительно, Харрис подъехал к Эспозито в столь низкой стойке, что, думаю, Фил вообще не видел его, а

когда заметил, было уже поздно.

Как бы старательно ни опекали соперников мои партнеры, нападающие другой команды все равно время от времени прорываются и атакуют. Во всех этих типичных случаях, о которых я сейчас расскажу, я напрочь забываю о своих атакующих наклонностях и строго выполняю обязанности защитника.

Тактика

Один против одного

Защитник обязан выигрывать поединок с нападающим в девяноста девяти случаях из ста.

Под выигрышем я имею в виду то, что нам с вратарем удается помешать нападающему забить гол. Как правило, нападающий идет прямолинейно, держит шайбу перед собой, я же, следя за ним, отступаю спиной вперед. Ни при каких обстоятельствах нельзя допустить, чтобы игрок с шайбой оказался между мною и вратарем, так как это равносильно голу. В таких ситуациях я забываю о шайбе, потому что интуитивно чувствую, где она находится-прямо на крюке клюшки соперника. Я также забываю о его глазах, плечах, бедрах и коленях. Я слежу только за его туловищем и ни за чем больше, стараюсь выключить соперника из игры. Для этого я останавливаю свое движение назад и упираюсь плечом ему в грудь. В подобных ситуациях я никогда не пытаюсь остановить соперника бедром или каким-либо другим приемом из низкого подседа, потому что уйти от бедра ему значительно легче, чем от плеча. Однако довольно часто игрок с шайбой предвидит этот маневр и старается опередить меня, бросая по воротам. В этом случае я либо пытаюсь дотянуться до шайбы и выбить ее, либо принимаю бросок на себя. Во время всего игрового эпизода "один против одного" я также стараюсь вынудить соперника выйти на неудобную для броска позицию. Стремлюсь ли я предвосхитить маневр моего соперника? Никогда. Попытайтесь разгадать замысел Курнуайе, когда он летит на полной скорости, и вы за это дорого заплатите. Ну и в заключение: если все-таки вас обыграли и игрок с шайбой в одиночестве приближается к вашему вратарю, не пытайтесь как бы случайно сбить его с ног или с невинным видом зацепить клюшкой. Штрафной бросок всегда заканчивается голом.

Двое против одного

Двойные хлопоты. У нас в команде «Брюинс» существует неписаное правило, которое гласит, что защитник отвечает за игрока без шайбы, а вратарь-за игрока с шайбой. И хотя такой подход может показаться не очень разумным, он тем не менее весьма логичен. Подумайте сами. Закрывая игрока без шайбы, я выключаю нападающего из игры и оставляю своему вратарю только одну угрозу-игрока с шайбой. С другой стороны, если я пойду на игрока с шайбой, то вратарю придется ломать голову над двумя возможными вариантами: 1) соперник может бросить по воротам или 2) сделав ложный замах, отдать пас открытому партнеру, который будет, скорее всего, находиться в весьма выгодном положении для взятия ворот. В такие моменты я держусь между двумя нападающими; клюшка при этом передо мной на вытянутой руке, чтобы попытаться перехватить пас или бросок. И хотя основное мое внимание сосредоточено на игроке без шайбы, я, конечно, не игнорирую и того, который ведет шайбу. В самом деле, я не собираюсь позволить ему спокойно выйти к нашим воротам и забить легкий гол. Здесь я полагаюсь на свою интуицию и в соответствии с этим действую. Если я почувствую, что нападающий с шайбой будет бросать по воротам сам, то попытаюсь быстро переключиться на него и либо отобью шайбу клюшкой, либо приму бросок на себя.

Двое против двоих. Все просто, хотя в действительности простого в хоккее нет ничего. Обычно каждый защитник отвечает за атакующего игрока-в большинстве случаев того, который находится на его стороне. Как и при ситуации "один против одного", защищающаяся команда должна выигрывать такие поединки в девяноста девяти случаях из ста. Задача защитников-не пустить нападающих к воротам и уменьшить угол обстрела ворот до нуля. У молодых защитников я заметил одну общую ошибку, которая состоит в том, что они откатываются слишком близко к вратарю, увеличивая тем самым цель для нападающего и закрывая обзор вратарю. Действуя в ситуации "двое против двоих", я всегда помню о том, что это лучше, чем "двое против одного", другими словами, я делаю все возможное, чтобы обезвредить своего подопечного.

Трое против двоих

Пожалуй, одним из тех защитников, кого слава незаслуженно обошла стороной, является Даллас Смит. В паре с ним я играл более шести лет, и за это время мы выработали такое взаимопонимание, просто-таки телепатию, которая позволяла

нам с честью выходить из ситуации "трое против двоих". Если нападающие втроем выходят на двух защитников, то надо занять позицию с учетом положения игрока, владеющего шайбой. К примеру, я в обороне играю справа. Если шайба у левого крайнего и он движется по моей стороне, то, отступая, я все-таки держусь несколько впереди моего партнера по защите и стараюсь заставить соперника бросить с неудобного угла или отдать пас. В это же самое время мой коллега по обороне, находясь чуть позади меня, должен среагировать на любую передачу и быть готовым принять на себя шайбу или перехватить еще один пас. Если шайбой владеет правый крайний, то уже я играю сзади, а мой партнер несколько выдвигается вперед. Шайбу может вести и центральный нападающий, в этом случае мы полагаемся на свое чутье. Обычно центрфорвард сам бросает по воротам, поэтому мы, вынуждая нападающего сделать пас, стараемся закрыть то направление, в котором он может произвести бросок.

Трое против одного

Бедствие. Вот здесь я уже молю бога о помощи и надеюсь, что один или несколько моих партнеров по команде успеют прийти на выручку. При выходе троих против одного защитник может надеяться только на милость нападающих. Я просто стараюсь быть в середине, заставляя нападающих рассеяться. Ну и уповаю на фортуну, чтобы она ниспослала удачу моему вратарю. Как правило, защитники проигрывают подобные схватки в шестидесяти случаях из ста, хотя обвинять их в этом нельзя. Каждый раз, когда трое соперников выкатываются на одного, это значит, что по крайней мере двое моих товарищей по команде попались в ловушку. Они пошли ва-банк и проиграли. Помню, как во время одного из матчей детских команд тренер так отчитал своего защитника десяти или одиннадцати лет от роду, когда тот не смог остановить трех нападающих, что бедный мальчишка до конца игры так и не смог прийти в себя. Покажите мне защитника, который каждый раз выигрывает у трех нападающих, и я назову его волшебником. Тренеру надо было ругать тех игроков, которые оказались отрезанными, ведь из-за них, собственно, и возникла ситуация "трое против одного".

Прием шайбы на себя

Как я уже говорил, во многих случаях лучшим выходом при

единоборстве с бомбардиром является прием шайбы на себя, преграждая ей путь к воротам. Ловля шайбы на себя, понятно, является не только сложным маневром, но и чрезвычайно опасным. Этот прием должен быть очень точно рассчитан по времени. Когда я блокирую бросок, то припадаю на одно колено-но ни в коем случае на оба-и пытаюсь мягко принять шайбу на грудь. Когда опускаешься только на одно колено, значительно легче встать на ноги и вернуться в игру, если прием шайбы не получился и она отскочила от груди в сторону. Однако я никогда не опускаюсь для блокировки удара, если нахожусь далее пяти футов от шайбы. По двум причинам: во-первых, если я опущусь слишком рано, у шайбы будет более чем достаточно времени для того, чтобы подняться и угодить мне в лицо; во-вторых, если я преждевременно встану на колено, соперник может имитировать бросок, обойдет меня и выйдет на более удобную ударную позицию. Не правда ли, Айвен? Когда я играл свой первый сезон в НХЛ, Айвен Курнуайе сделал не только сильный замах клюшкой, но и такую гримасу, что мне ничего не оставалось, как опуститься на колено для приема шайбы на себя. Прежде чем я успел что-либо сообразить, Курнуайе спокойно обвел сначала меня, а затем и вратаря. Что и говорить, чувствовал я себя тогда глупо. Как и полагается новичку.

Шайбу иногда принимают на себя, как бы подкатываясь под нее. В этом преуспел Дон Оури, ранее игравший за «Брюинс», а теперь выступающий за «Сент-Луис». Если Оури на 100 процентов уверен, что нападающий будет бросать шайбу, а не пасовать, он делает подкат по направлению к шайбе, подобный тому, который выполняется в бейсболе, когда игрок стремится занять базу. Оури держит ноги вместе, голову слегка отводит в сторону. Этот прием может быть весьма эффективным, если… Вот от этого «если» как раз все и зависит-если нападающий на самом деле будет бросать шайбу; Как только защитник начинает катиться под шайбу, он уже ничего изменить не может. И если замах оказывается ложным, то у защитника наверняка будут неприятности.

Чего нельзя делать в обороне

Сейчас, когда вы будете читать о том, чего нельзя делать, то наверняка зададите себе вопрос: "Как же так, Орр говорит, что этого нельзя делать, а сам действует вопреки самому себе?" Действительно, иногда я нарушаю некоторые незыблемые правила игры в обороне, но делаю это лишь тогда, когда на 100 процентов уверен в необходимости данного шага. Ну и потом не

забывайте, что я играю в хоккей каждый день для того, чтобы зарабатывать себе на жизнь, в то время как вы выходите на лед для того, чтобы отдохнуть, поразмяться с несильным соперником два-три раза в неделю.

Не водите шайбу в собственной зоне. Выводите ее оттуда от греха подальше, и как можно скорее; в особенности если кроме вас защитить вратаря уже некому.

Не держите шайбу в собственной зоне, если рядом нет партнеров, способных в случае необходимости принять ваш пас.

Не катайтесь с шайбой перед собственными воротами.

Не давайте пас через «пятачок».

Не закрывайте вратарю обзор.

Не оставляйте своего вратаря «голым», иными словами, не оставляйте его одного в воротах без всякой помощи.

Не позволяйте соперникам занимать удобные позиции вокруг ваших ворот, что слишком часто случалось со мной.

Кажется странным, но обман-один из спо-, собов не дать соперникам устроиться удобно перед вашими воротами. Ловкий защитник должен скрывать, что он держит, блокирует игрока перед своими воротами; скрыть задержку соперника сейчас стало значительно труднее, потому что правила НХЛ требуют, чтобы защитники пользовались перчатками с «ладошками». Раньше в течение многих лет игроки обороны использовали перчатки без «ладошек», что позволяло им успешно маскировать все задержки, которые они совершили у своих ворот. Полезно также словами и клюшкой создать соперникам максимум неудобств. Ни один игрок не любит, когда его бьют крюком клюшки по коленям; соперник должен знать, что если он хочет стоять у «пятачка» ваших ворот, то обязан чем-то за это платить. Ну, например, синяками и шишками. Бедный Фил Эспозито. Его держат. Его толкают. Бьют по коленям, рукам, груди, спине, голове. Повсюду. Однако защитникам удается лишь расписать тело Фила синяками и шишками, в то время как он заставляет их густо краснеть, загоняя в ворота противника одну шайбу за другой, каждый раз зажигая красный свет над бедным вратарем. Правда, другие игроки не могут терпеть боль, как Эспозито, поэтому их довольно легко согнать с «пятачка» ради их же собственного благополучия. Будьте более жестким к тем соперникам, которым нравится торчать около ваших ворот.

Игра в меньшинстве

Существует два подхода к игре в меньшинстве: бостонский и

НХЛ. В «Бостоне» мы придерживаемся той теории, что игра в меньшинстве создает прекрасную возможность попытаться забить гол. Другие же клубы в НХЛ, похоже, считают, что игра в меньшинстве заключается в основном в том, чтобы выстоять в течение двух минут штрафа, не предпринимая каких-либо попыток забить гол. В течение многих лет Дерек Сендерсон и Эдди Уэстфолл являлись специалистами "убивания штрафного времени" в «Брюинс», и, пожалуй, в этом им не было равных во всем профессиональном хоккее. Когда наша команда играла в меньшинстве, и они были на льду, то мне всегда казалось, что наши шансы забить гол нисколько не хуже, чем у наших соперников, имеющих численное превосходство. Благодаря усилиям Сендерсона и Уэстфолла команда «Брюинс» дважды занимала первое место в НХЛ по числу шайб, заброшенных в меньшинстве (25 голов в 1970–1971 годах и 18 шайб в 1971–1972). Сейчас в минуты численного меньшинства у «Брюинс» на льду чаще всего появляются Фил Эспозито, Грегг Шеппард и Дон Маркотт, однако они также используют тот же подход.

Система, которую применяют Уолт Ткачук и Билл Фзабэри из "Нью-Йорк рейнджере", хорошо играющей в численном меньшинстве команды, противоположна тактике «Брюинс». Как только Ткачук или Фзабэри овладевают шайбой, «Рейнджерсы» стремятся контролировать игру, либо катаясь в центре поля, либо передавая шайбу друг другу. Случается, что и они забивают гол, но все-таки больше они думают о том, как бы удержать шайбу.

Мне больше импонирует тактика «Брюинс», потому что в ней больше интересных возможностей. Следует помнить о том, что при игре в большинстве команды стараются выставить форварда вместо одного из защитников, а форварды не знают, как действовать во время прорыва "один на один" или "двое против одного", так как в обычных условиях им приходится встречаться с такими ситуациями крайне редко. И если их «штатный» защитник слишком увлекся атакой, то мы посылаем Шеппарда или Эспозито обыгрывать нападающего, которому приходится заниматься не своим делом. Другими словами, пытаемся спутать противнику все карты. Эспозито очень нравится играть против нападающего, которому по воле судьбы приходится. выполнять роль защитника при игре в численном большинстве. Фил-выдающийся мастер игры в меньшинстве; шутя, он постоянно заявляет о том, что игра в меньшинстве является для него единственным шансом показать себя с лучшей стороны. Как только Фил подбирает шайбу, он смотрит на часы и начинает двигаться в сторону ворот противника, делает большие круги, объезжает соперников, тянет время, действуя так, словно ему

некуда спешить. Все это время он движется вперед-пускай медленно, но вперед, готовясь к резкому и неожиданному отрыву, как только для этого представится возможность. Конечно, во многих случаях мы должны строго выполнять свои обязанности, обороняясь в меньшинстве. Как и все клубы, мы выстраиваем «квадрат» перед нашим вратарем, когда играем впятером против шестерых, или «треугольник», когда нас четверо, а соперников шесть. «Квадрат» состоит из двух защитников и двух нападающих, играющих впереди. Вся хитрость заключается в том, чтобы терпеливо оставаться на местах, в то время как соперники передают шайбу друг другу в поисках открытого игрока. В этот «квадрат» проникнуть, как правило, весьма сложно, а бросок из-за его пределов можно сделать только из неудобного положения. «Треугольник» мы применяем, когда нас на два человека меньше. В этом случае два защитника играют сзади, а единственный форвард действует впереди, перемещаясь за шайбой, однако никогда не покидая своей основной позиции.

Играя в меньшинстве, я часто применяю две любимые уловки. Первая очень простая: я заезжаю с шайбой за ворота и остаюсь там столько, сколько это позволяют мне соперники. Когда они посылают за мной своего игрока, я либо выкатываюсь из-за ворот и избавляюсь от шайбы, либо объезжаю своего вратаря и немедленно возвращаюсь в начальное положение-за ворота. Вторая уловка также довольно проста. По известным причинам, играя в большинстве, команды стремятся выставить на лед своих лучших бомбардиров. Чаще всего лучшие снайперы не являются столь же искусными защитниками. Поэтому, когда я с шайбой выезжаю из собственной зоны, форварды другой команды опекают меня не слишком плотно, полагая, что когда я дойду с шайбой до центра поля, то просто вброшу ее в их зону. Вполне понятно, я еду в центр площадки как можно медленней, выбирая самый длинный маршрут. Из девяноста футов я могу сделать целых триста шестьдесят, если буду действовать правильно. Однако, достигнув центра поля, я не вбрасываю шайбу в их зону; вместо этого я делаю разворот и так же не спеша еду на то место, откуда начал свое движение, — за ворота. А время идет. Если все идет, как задумано нами, игра у противника не получается, становится неорганизованной. Затем происходит обычная вещь-два игрока другой команды, по одному с каждой стороны ворот, бросаются за шайбой. Великолепно! Как только я вижу это, то либо выбиваю шайбу от борта, либо подбрасываю ее высоко через центр поля, подальше от ворот.

Вбрасывание

За всю свою карьеру в НХЛ мне не часто приходилось принимать участие во вбрасывании шайбы; действительно, я больше предпочитаю оставаться сзади и подбирать шайбу, отскочившую после вбрасывания. У нас в «Бостоне» всегда были отличные мастера вбрасывания, такие, как Сендерсон и Эспозито. Дерек никогда не согласится с этим, но ему удалось стать мастером вбрасываний экстракласса, возможно лучшим во всей лиге. Он редко появлялся на льду, когда наша команда играла в большинстве, но вместо того, чтобы сетовать на это, Дерек сделал все от него зависящее, чтобы стать выдающимся специалистом игры в меньшинстве и выигрывать вбрасывания. Раньше считалось, что в круге вбрасывания не было равных Стэну Миките из "Чикаго блэк хоукс", до тех пор пока в одной из игр финала Кубка Стэнли Дерек не выиграл у него 27 вбрасываний из тридцати одного. В течение многих лет Дерек. выходил на лед для розыгрыша шайбы в самые ответственные моменты матча и обычно выигрывал их. Вот одна печальная история. В полуфинале Кубка Стэнли 1969 года мы встречались с "Монреаль канадиенс". Две первые встречи мы играли в монреальском «Форуме» и в обеих на последней минуте вели с перевесом в одну шайбу. Однако на последних минутах в обоих матчах мы проиграли вбрасывания у ворот Джерри Чиверса, и «Канадиенс» удалось сделать счет ничейным в основное время. В дополнительное время они победили в обеих встречах, а затем и во всей серии со счетом 4:2. Насколько я помню, Жан Беливо и Ральф Бэкстрем выиграли эти решающие вбрасывания. К нашему несчастью, Сендерсона на льду в эти моменты не было.

Проследите как-нибудь за действиями Эспозито на точке вбрасывания. Для начала он оглядывается по сторонам-все ли партнеры на местах и готовы к игре. Последний взгляд он обычно бросает на вратаря; в самом деле, он никогда не подъезжает к точке вбрасывания, пока вратарь не подаст ему сигнала, что он полностью готов. При вбрасывании Эспозито ставит ноги широко для устойчивости и равновесия, вес тела-на кончиках пальцев. Для лучшего контроля клюшки Эспо применяет широкий хват. Если Эспозито хочет передать шайбу назад своему защитнику, он опустит левую руку как можно ниже к самому крюку. Как только судья вбрасывает шайбу, начинается битва рефлексов: выигрывает тот, у кого лучшие техника и реакция. Лучшие мастера розыгрыша шайбы, кроме того, изучают центрфорвардов соперников, 4 также судей на линии, для того чтобы знать их слабые места при вбрасывании. Если после вбрасывания нападающий любит посылать шайбу направо, можете быть уверены, что Эспозито знает это и, самое главное, знает, как

этому помешать. В НХЛ был один судья на линии, который сжимал левую руку в кулак в тот самый момент, когда бросал шайбу. Наши центральные нападающие заметили эту привычку арбитра и впоследствии долго выигрывали вбрасывания, когда их производил тот судья.

ГЛАВА VII
Уголок тренера

Во время отдыха я провожу очень много времени в спортивном лагере в Ориллии, Онтарио. Каждое лето здесь бывает более 2100 подростков, которые занимаются по разработанной йами методике, охватывающей все разделы обучения, ну и, конечно, то, о чем говорится в этой книге. Говоря «мы», я имею в виду директора лагеря Билла Уоттерса, имеющего диплом преподавателя физического воспитания; Майка Уолтона и себя, а также тех профессиональных хоккеистов, которые оказывают значительную практическую помощь во время занятий на льду. Каждый день посвящен какому-то одному аспекту хоккея, начиная, конечно, с катания. Упражнения выполняются не механически. Мы всегда объясняем, в чем состоит то или иное упражнение и для чего оно делается, а затем демонстрируем его на льду. Я всегда обращаю внимание молодежи на то, что каждое упражнение одновременно позволяет совершенствовать сразу несколько технических приемов. Возьмите, например, обычную "восьмерку"-вероятно, самое старое упражнение в хоккее. «Восьмерка», если ее правильно делать, говорю я молодым хоккеистам, позволяет: 1) отработать технику старта; 2) сделать более мощным шаг; 3) отработать технику поворотов за воротами в обе стороны; 4) повысить выносливость и 5) улучшить технику торможения. Катание по "восьмерке"-далеко не праздная прогулка на коньках.

На мой взгляд, одним из негативных результатов исторических игр сборных команд Канады и СССР 1972 года были громкие жалобы на то, что русские хоккеисты находились в лучшей спортивной форме, нежели игроки НХЛ. В лучшей форме? Для чего? Для игры в футбол? Волейбол? Баскетбол? Может быть-но только не для хоккея. Советские хоккеисты с самого начала готовились к играм на 90 процентов упорней наших парней, но уже через месяц тренировок на льду канадцы достигли такой же, а может быть, и более высокой спортивной формы. Говоря так, я имею в виду, что уровень нашей физической подготовки позволял нам вести борьбу на полной скорости в течение 60 минут игры. Я не сомневаюсь, что русские могут в любой момент одолеть нас в футболе, волейболе и баскетболе, однако выиграть у нас в хоккее им не удалось. И в протоколах осталась запись об этом: Канада-СССР-четыре победы, три

поражения и одна ничья. Да и в чем, собственно, заключается спортивная форма хоккеиста? В том, чтобы проявить всю свою волю, отдать все силы, если ты вышел на лед. Причем играть в хоккей, а не в футбол или баскетбол.

Русские — атлеты узкого спортивного профиля

Взвесив все, я пришел к выводу, что наш спорт неплохо представлен на международной арене. К примеру, наша детвора занимается разными видами спорта в течение года. Играет зимой в хоккей, весной и летом в бейсбол, осенью в футбол (американский). Таким образом, дети получают всестороннюю общефизическую подготовку. Но более важно то, что спортом они занимаются не по принуждению. Русские же, напротив, навязывают вид спорта своим игрокам; так, например, член сборной команды СССР по какому-либо виду спорта одиннадцать с половиной месяцев в году занимается всерьез только им. Странно, не правда ли?

Лично я считаю, что хоккеисты должны бережно относиться к расходованию своей энергии в течение длительного сезона, с тем чтобы ее хватило в самые нужные моменты, какими являются финальные минуты игры. Боюсь, что русский опыт убедил некоторые команды НХЛ в том, что занятия футболом, волейболом, баскетболом, марафонским бегом и динамическими эспандерами являются единственным способом обрести спортивную форму и сохранять ее на протяжении всего сезона. Такая тренировка, возможно, хороша для подготовительного периода и начала игрового сезона, но, как только хоккеист провел восемь — десять встреч, он обретает необходимую спортивную форму и уже не нуждается в других способах ее поддержания.

Насколько я помню, две команды Национальной хоккейной лиги-"Буффало сейбрс" и "Детройт рэд уингз" — настолько были заинтригованы методами физической подготовки советской команды, что аккуратно скопировали их и заставили своих игроков ежедневно в течение часа заниматься, если можно так выразиться, "нехоккейными упражнениями". К примеру, все игроки "Рэд уингз" должны были около получаса проводить в тренировочном зале, упражняясь с универсальным эспандером. А «Сейбрс» пошла еще дальше. В неигровые дни тренировка команды начиналась пробежкой на 2–3 мили вокруг арены или гостиницы; в плохую погоду они бегали по коридорам Дворца спорта в Буффало. После тренировки на льду они шли в тяжелоатлетический зал и еще полчаса занимались со штангой,

гантелями и эспандерами. Клуб даже нанял бывшего борца Фреда Аткинса, который проводил с командой курс специальных упражнений как у себя дома, так и на выезде.

Не удивительно, что "Рэд уингз" и «Сейбрс» начали сезон очень резво и лидировали в своей восточной подгруппе почти месяц. Однако вскоре их догнали другие клубы, которые шли к своей высшей спортивной форме обычным путем-сыграв десять — двенадцать календарных игр в обычных условиях. В итоге «Детройт» вообще не попала в финальную пульку, а «Буффало» сумела пробиться туда, лишь выиграв последнюю встречу в своей группе.

Поэтому я не думаю, что нам следует что-либо менять в системе нашей подготовки. Конечно, надо стремиться ее совершенствовать. К примеру, надо стараться более эффективно использовать время, которым мы располагаем для тренировок на льду. Этого можно достичь, если применять на тренировке не одну, а несколько шайб. Так, на тренировках в Бостоне мы обычно выбрасываем на лед около 25 шайб; их передают из угла или центра площадки игрокам, выкатывающимся на вратаря. Пас следует с интервалом пять-шесть секунд. Каждый из находящихся на льду занят своим делом-вратарю также приходится останавливать броски каждые пять-шесть секунд. Другим способом является так называемая игра без свистков; две команды, состоящие из пяти полевых игроков и вратаря, играют в течение десяти минут без передышки и без всяких свистков. Такая тренировка как минимум помогает выработать выносливость.

В естественных условиях лучшими способами для достижения хорошей общефизической подготовки являются «уличный» хоккей и бег. Бег и еще раз бег. Играя в хоккей на грунте, вам все время приходится бежать, а потом делать внезапные остановки. Как только вы остановились, тут же разворачиваетесь и начинаете бег в обратном направлении. Другими словами, у вас полностью отсутствуют «туристские» маршруты и возможность для отдыха, которую вы имеете в хоккее, объезжая по инерции ворота. Хоккеисту бег никогда не вреден. Юношей во время каникул я пробегал в Пэрри-Саунде каждый вечер около четырех миль. Даже сейчас во время отпуска я совершаю довольно продолжительные кроссы для поддержания выносливости. При этом я бегаю и на спринтерские дистанции, что необходимо для укрепления мышц ног. Я заметил, что в американском футболе скорость игроков проверяют теперь на отрезке в сорок ярдов, а не на сто, как это было ранее. В этом смысле хоккей мало чем отличается от американского футбола-способность развивать максимальную скорость на коротком

отрезке гораздо более важна, чем устойчивая крейсерская скорость катания или бега на длинную дистанцию. В подготовительном периоде применяйте кроссы для выносливости, а спринт-для скорости. Во время хоккейного сезона марафонским бегом и бесчисленными ускорениями на сто ярдов заниматься не стоит. Если вы все-таки будете это делать, то у вас не останется сил на хоккей. Сейчас вы можете познакомиться с универсальной учебной программой, рассчитанной на пять дней, которая может служить своего рода путеводителем для тренеров и игроков. Прошу иметь в виду, что все упражнения должны соответствовать уровню подготовки конкретного игрока.

День первый

Содержание занятий

Обычное катание:

1) колени слегка согнуты, ноги удобно расставлены в стороны;

2) начните движение с мыска конька, толкнитесь вперед и пробегите три-четыре шага;

3) при выталкивании вперед используйте всю длину ног;

4) тормозите на обоих коньках;

— держите коньки параллельно друг к другу;

— корпус отклоняйте назад;

— наибольшее тормозящее усилие переносите на внешнюю сторону заднего конька;

5) для поворота наклоняйте корпус к центру поля:

— плечи держите параллельно льду;

— согните внутреннюю ногу (стоящую ближе к центру);

— направляющей является внутренняя нога;

— приподнимите внешнюю ногу и поставьте ее перед внутренней;

— сделайте шаг, как при выполнении поворота.

Катание спиной вперед:

1) ноги расслаблены;

2) сделайте движение бедрами из стороны в сторону;

3) посадка довольно низкая;

4) примените поворот «улиткой» для изменения направления движения;

5) при движении спиной вперед отрабатывайте и торможение.

Упражнения:

1) «восьмерка» (при обычном катании и катании спиной

вперед);

2) остановки и старты (от синей до синей линии или от борта до борта);

3) катание спиной вперед (по кругам вбрасывания);

4) хоккеисты меняют направление движения по свистку тренера;

5) отработка шага и равновесия (катание не отрывая коньков ото льда);

6) сила (игрок держит клюшку на уровне плеч, а партнер, катаясь вместе с ним, отталкивает и подтягивает его, держась за клюш ку);

7) маневрирование (крутые повороты вокруг стоек, повороты "улиткой");

8) подвижность в защите (тренер находится рядом с защитником и сигналом руки направляет его в ту или другую стороны);

9) бег на длинную дистанцию (десять кругов по катку, победитель получает приз);

10) "погоня за кроликом" (игрок, который сможет догнать лидера за десять кругов, получает приз).

День второй

День третий

Содержание занятий

Ведение шайбы клюшкой:

1) расположите руки поудобней на палке клюшки;

2) шайбу держите в середине крюка;

3) держите шайбу перед собой, а не сбоку (если шайба сбоку, то против вас легко применить силовой прием сзади);

4) укрывайте шайбу от соперников телом;

5) когда с шайбой объезжаете ворота или соперника, делайте наклон в "сторону поворота, а шайбу держите подальше от противника;

6) совершая маневрирование, держите шайбу на внутренней стороне крюка, а не на внешней;

7) держите шайбу перед собой на удобном расстоянии — не слишком далеко, но и не слишком близко к ногам;

8) голову всегда держите поднятой так, чтобы можно было видеть и шайбу, и игроков, и ворота перед собой.

Упражнения:

1) "ну-ка, отними" (три игрока пытаются в пределах зоны

отнять шайбу у четвертого);

2) «восьмерки» (несколько хоккеистов делают «восьмерки», контролируя шайбу, инструкторы стараются время от времени выбить у них шайбу. Это упражнение учит игроков не опускать голову);

3) обводка препятствий (игрок с шайбой объезжает установленные по прямой препятствия или же, подобно слаломисту, обводит стойки, расположенные по всему катку, как на горнолыжной трассе. Если он теряет шайбу, то начинает упражнение снова);

4) прорыв (нападающий старается обыграть вратаря);

5) ведение шайбы коньками;

6) "погоня за кроликом" (игрок с шайбой стремится уйти от трех преследователей).

Содержание занятий

Передачи:

1) посмотрите в ту сторону, куда вы собираетесь дать пас;

2) старайтесь отдать шайбу прямо на клюшку партнера;

3) шайбу передавайте кистевым движением, а не щелчком;

4) пас давайте партнеру на ход;

5) при выполнении передачи держите шайбу в центре крюка;

6) передав шайбу, идите следом за игроком, которому она отдана.

Прием передачи:

1) держите клюшку на льду;

2) шайбу принимайте, как бы накрывая ее крюком;

3) нижняя рука держит клюшку расслабленно, что помогает принять шайбу мягко;

4) следите, чтобы шайба не отскакивала от клюшки;

5) помните, что клюшка на льду является своего рода целью для вашего партнера, делающего передачу.

Упражнения:

1) передача и прием шайбы (два игрока передают шайбу друг другу на расстоянии пятнадцати футов, тренер внимательно следит за правильным выполнением приема и передачи);

2) пас подкидкой (партнеры передают шайбу по воздуху через клюшку тренера);

3) передачи о борт (хоккеист передает шайбу с отскоком о борт, партнер принимает передачу от борта);

4) оставление шайбы (игрок должен оставить шайбу неподвижной);

5) прорыв звеном (тройка нападающих совершает прорыв, постоянно передавая шайбу друг другу);

6) пас в отрыв (защитник дает длинный пас уходящему в

отрыв нападающему);

7) "отдай и получи" (игрок передает шайбу партнеру о борт, обходит стойку, принимает обратный пас-обычный или по воздуху).

День четвертый

Содержание занятий

Кистевой бросок:

1) руки удобно располагаются на палке клюшки;

2) посмотрите, куда вы бросаете;

3) центром крюка переведите шайбу из заднего положения в переднее;

4) бросайте с линии стоящей впереди ноги;

5) после броска поворачивайте кисти вниз, а не вверх;

6) в момент отрыва шайбы бросьте все тело вперед;

7) для высокого броска сопровождайте шайбу вверх;

8) для броска низом шайбу сопровождайте низом.

Броски с неудобной стороны:

применяйте те же основные принципы, что и для кистевого броска, но старайтесь сделать более широкий хват.

Щелчок:

1) клюшку держите жестко;

2) хват шире, чем при кистевом броске;

3) переведите шайбу вперед на уровень опорной ноги;

4) замах делайте не выше уровня груди и никогда не выше головы;

5) бейте прямо по шайбе, а не перед ней;

6) сопровождайте шайбу вверх или вниз в зависимости от того, куда вы хотите ее направить;

7) держите голову прямо над шайбой;

8) сохраняйте равновесие.

Упражнения:

1) броски по мишени под руководством тренера (игроки бросают шайбу в борт для развития мышечного контроля и техники);

2) бросок подкидкой (закройте нижнюю часть ворот куском фанеры и заставьте игрока попасть в незащищенную часть ворот с близкого расстояния);

3) комбинации:.

— игрок бросает сразу же после того, как получил пас;

— игрок начинает движение от синей линии, получает пас из угла площадки и тут же бросает;

— шайба посылается с интервалом в две секунды игроку, стоящему перед воротами, а тот должен пробить мимо вратаря;

4) стойки (игрок обводит стойки, владея шайбой, а затем по сигналу тренера бросает по воротам);

5) "погоня за кроликом" (игрок с шайбой стремится уйти и произвести бросок, несмотря на противодействие защитника);

6) один на один (игрок с шайбой должен обыграть защитника и вратаря броском или обманным движением);

7) щелчок (броски выполняются как с места, так и в движении).

День пятый

Содержание занятий

Защита в зоне соперника:

1) опека игрока с шайбой;

2) заставьте игрока с шайбой сделать пас;

3) старайтесь занять место перед игроком с шайбой;

4) никогда не преследуйте игрока с шайбой за воротами, лучше оставайтесь перед ними.

Защита в своей зоне:

1) сопровождайте игрока вплоть до самых ворот;

2) старайтесь держать соперника между собой и бортом;

3) думайте не о шайбе, а о том, как правильно провести силовой прием;

4) разговаривайте с соперником, старайтесь вывести его из себя.

Выбивание шайбы с ближней дистанции:

1) не смотрите на шайбу;

2) следите за грудью соперника;

3) не сгибайтесь;

4) выждите, пока соперник подойдет поближе.

Выбивание шайбы с дальней дистанции:

1) применяйте те же основные положения, что и при выбивании с ближней дистанции;

2) не рискуйте, если не уверены, что прием удастся;

3) наклоняйте корпус, старайтесь держать его ближе ко льду;

4) следите за грудью соперника.

Силовой прием:

1) старайтесь все время находиться между соперником и собственными воротами;

2) следите за туловищем соперника;

3) не промахнитесь!

Упражнения:

1) комбинации:

— игрок защищается в передней зоне и овладевает шайбой (тот, кто потерял шайбу, старается тут же отнять ее);

— игрок защищается в собственной зоне, затем объезжает ворота и меняется ролями с нападающим;

2) "один на один" (выбивание с ближней и дальней дистанций, силовые приемы при выходе "один на один").

Как вы уже успели убедиться, в каждом упражнении собрано максимально возможное количество разных элементов. Игрок не просто бросает шайбу. Он бросает ее, объехав стойку, отдав пас, получив его, обыграв защитников, иногда ведет ее коньками. После броска хоккеист не останавливается у ворот для передышки. Нет. Он тут же отступает назад, опекая другого игрока.

В тренировочном лагере мы обычно проводим занятия по два и полтора часа, обучая тем элементам, которые предписаны для каждой конкретной группы. Затем проводим двустороннюю игру по двадцать пять-тридцать минут под руководством инструкторов, которые катаются вместе со всеми, комментируя постоянно, что игроки делают и чего не делают. Через пять дней подросток, конечно, не станет Айвеном Курнуайе или Филом Эспозито, но ему было интересно, он улучшил свою игру, потому что знал, что делал и зачем.

Наиболее почетные призы, разыгрываемые в профессиональном хоккее

Кубок Стэнли вручается команде, выигравшей финал чемпионата НХЛ (по замыслу учредителей Кубка клуб, выигравший этот трофей, считался сильнейшим в мире. — Прим. перев.). Кубок Стэнли является старейшим призом, разыгрываемым в североамериканском профессиональном спорте. Учредил его лорд Стэнли. Приобретя кубок всего за 10 гиней (что в те времена составляло примерно 50 американских долларов), в 1893 году лорд Стэнли передал его в дар сильнейшей любительской команде Канады. В 1910 году кубок перешел к Национальной хоккейной лиге. С этого времени команда-обладатель кубка считалась сильнейшей в профессиональном хоккее. В 1946 году Кубок был модифицирован-к нему прикрепили солидную подставку, на которой стали гравировать имена победителей. Стоимость Кубка в настоящее время оценивается в 6000 американских долларов, а расходы по гравировке имен победителей составили за все время примерно 10000 долларов.

Система розыгрыша Кубка Стэнли

Чемпионат НХЛ проводится в четыре круга. По очкам, набранным в 76 встречах чемпионата, отбираются 16 команд (четыре команды, занявшие первые места в своих группах, а также двенадцать клубов, набравших большее количество очков). Эти шестнадцать команд разбиваются на пары по принципу: первый с шестнадцатым, второй с пятнадцатым, третий с четырнадцатым и т. д. После серии из максимум пяти игр выявляются участники $^1/_8$ финала. Пары формируются по тому же принципу, что и в $^1/_{16}$ финала: команда с наибольшим количеством очков встречается в максимум семи играх с клубом, набравшим наименьшее количество в предварительном турнире, второй — с предпоследним и т. д.

Четыре победителя этих игр выходят в четвертьфинал. Пары определяются по такому же принципу. Финалисты встречаются в борьбе за Кубок Стэнли максимум семь раз. Причем игры первая, вторая, пятая и седьмая (две последние, если необходимо)

проводятся на площадке команды, набравшей большее количество очков в чемпионате НХЛ, а игры третья, четвертая и шестая (последняя, если необходимо) — на катке второго финалиста.

Приз принца Уэльского вручается команде, занявшей первое место в данной подгруппе. Учрежден в 1924 году.

Приз Кларенса Кэмпбелла вручается клубу, занявшему первое место в данной подгруппе. Учрежден в 1968 году.

Приз памяти Харта вручается самому полезному игроку. Победитель определяется путем голосования членов Ассоциации журналистов, освещающих профессиональный хоккей.

Приз памяти Колдера вручается самому удачливому дебютанту НХЛ. Победитель также определяется журналистами.

Трофеем Джеймса Норриса отмечается лучший защитник по итогам всего сезона. Победителя определяют журналисты.

Приз Арта Росса вручается игроку, который набрал наибольшее количество очков по системе "гол плюс пас".

Трофей Везины присуждается вратарю, который, сыграв как минимум в 25 матчах, пропустил наименьшее количество голов.

Призом леди Бинт отмечается игрок, продемонстрировавший не только образцы ры царского поведения на льду, но и показавший при этом высокий уровень спортивного мастерства. Определяется журналистами.

Призом франка Селке награждается нападающий, лучше других защищавший свои ворота. Победителя определяют журналисты.

notes

Примечания

1

Айвен Курнуайе — известный канадский хоккеист из НХЛ (Здесь и далее прим перев)

2

Тед Уильямс — знаменитый американский бейсболист.

3

Уилт Чемберлен — известный американский баскетболист.

4

Джордж Бленда-нападающий из американской футбольной команды.

5

Имеется в виду американский футбол.

6

"Фарм-клуб› — команда младшей лиги, в которой готовятся игроки для соответствующего профессионального клуба НХЛ.

7

В Советском Союзе принята иная нумерация.

8

"Новая Скотия вояджерс" — «фарм-клуб» "Монреаль канадиенс".